

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР «КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНЫЙ
ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»**

На правах рукописи

Ахматова Фатима Хасановна

**ТИПОЛОГИЯ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА)**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

**Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук**

Научный руководитель -
кандидат филологических наук,
доцент Аппоев Алим Каншауович

Нальчик – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ	10
1.1. Особенности лексического значения слова.....	11
1.2. Грамматическое значение слова.....	23
1.3. Словообразовательное значение слова	37
Выводы по первой главе.....	47
ГЛАВА 2. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ И ПОЛИСЕМИЧНОСТЬ СЛОВА.....	49
2.1. Типы лексических значений слов.....	49
2.2. Полисемичность слова.....	63
2.2.1. Соотношение значений полисемичных слов.....	63
2.2.2. Способы возникновения переноса значений слов.....	68
Выводы по второй главе	99
ГЛАВА 3. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ.....	103
3.1. Репрезентация лексических значений слов в лексикографической практике.....	103
3.2. Лексикографическая разработка грамматических значений слов.....	126
Выводы по третьей главе	140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	143
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	149
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	168
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	171

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистической науке проблемам многозначности слов уделяется большое внимание. Языковеды, с одной стороны, исследуют общетеоретические аспекты этого феномена [Загородный 1971; Литвин 1984; Стернина 1999; Зализняк 2006 и др.], с другой – имеет место изучение полисемии и на материале различных тюрских языков [Назаров 1974; Суфьянова 1993, Булатова 2018 и др.]. При этом тюркологи часто ориентируются и на многозначность различных частей речи [Аликулов 1966; Метхиева 1984; Кидирниязова 2003 и др.]. Следует отметить и общетюркологические исследования, связанные с лексикографированием полисемичных слов [Юлдашев 1972; Гузеев 1984, 1985].

На материале карачаево-балкарского языка многозначные слова впервые начал рассматривать А.Ю. Бозиев, обращаясь к таким частям речи, как имя существительное, имя прилагательное и наречие. Им актуализируется тот факт, что в языке значительный функционально-семантический потенциал имеют многие слова, у которых обнаруживаются новые значения, являющиеся переносными [1965: 77-80]. Но автор не смог достичь значимых результатов в плане разграничения имеющихся у лексем прямых и переносных значений. Так, например, такая полисемичная лексема, как *жаш* им интерпретируется как моносемичное слово. Однако у этого слова есть следующие значения: «молодой человек», «парень», «сын». Все они самостоятельны, первичным же следует признать «молодой (человек)».

Многозначностью глагола специально занималась А.З. Малкондуева [1970]. Она исследовала многозначные глагольные лексемы, сопряженность их с семантической структурой слова, синонимией и омонимией. У нее новшеством следует признать аргументацию эвфемизации как значимого способа образования переносных значений. Тем не менее, автору не удалось решить наиболее релевантные проблемы многозначности.

В рамках лексикологии полисемию рассматривал и И.М. Отаров [1996]. Но он ограничился лишь общей характеристикой самой полисемии и, ее составляющих. Позже в границах субстантивных лексем многозначность стала предметом изучения в диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук С.Р. Биджиевой [2001]. Наряду с полисемией она затронула и проблемы лексикографической разработки многозначных имен существительных.

Имеется также положительный опыт исследования полисемии в связи с омонимией, т.е. разграничения подобных языковых явлений, что сделано Ж.М. Гузеевым [2007]. Коллективом авторов под его руководством, с опорой на опыт предшествующих лингвистов, системно рассмотрена семантическая структура многозначных слов, в том числе некоторые вопросы, связанные с метафорой, метонимией и синекдохой [Современный карачаево-балкарский язык 2016: 132-156].

Несмотря на все это, карачаево-балкарским лингвистам не удалось в полной мере осветить все вопросы, выходящие на проблемы полисемии, на типы лексических значений слов. К ним можно отнести следующие: отношения, складывающиеся между различными значениями лексем и обозначаемыми ими понятиями; сопоставление семантических составляющих многозначных лексем; морфологическая стратификация значений лексем, характеризующихся окказиональностью; релевантные для понимания семантической структуры лексемы причины и условия, влияющие на возникновение полисемичных слов и др.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что актуализируемая в работе проблема в научно-теоретических исследованиях по карачаево-балкарскому языку не нашла еще должного отражения, в имеющихся специализированных работах обнаруживается лишь выход на имя существительное и глагол. Лингвистическая же наука осовременилась и требует новаций в плане изучения лексики в целом, в том числе выявления и

описания специфики полисемантических слов, относящихся к различным частям речи.

Поскольку в карачаево-балкарском сегменте языковедческой науки отсутствует исчерпывающая верифицированная информация относительно всего спектра лексических значений слов, появляются и проблемы в их лексикографической интерпретации. Они успешно решены в индоевропейском языкознании, но в тюркологии в целом типы значений лексем основательно не изучены.

Согласно отмеченному выше, типология лексических значений слов остается релевантной для тюркской лексикологии, лексикографии и словообразования, чем и обуславливается **актуальность диссертационного исследования.**

Объектом исследования в данной диссертации являются основные типы значений слов в карачаево-балкарском языке.

Предметом исследования выступает смысловая характеристика типов значений слов и принципы их адекватного размещения в лексикографических изданиях.

Цель данной работы состоит в системном анализе семантической структуры слова в карачаево-балкарском языке.

В соответствии с целью, поставленной в диссертации, намечено решение следующих **задач**:

- 1) критический анализ истории изучения семантической структуры слова в карачаево-балкарском языке;
- 2) обоснование того, что языковыми значениями являются не только лексическое и грамматическое, но и значение словообразовательное и их разграничение;
- 3) дифференциация основных типов лексических значений слов;
- 4) анализ основных способов переноса значений лексем;
- 5) выявление и описание как причин, так и условий, благодаря которым проявляется полисемичность лексем;

б) представление тех принципов, которые будут способствовать адекватной репрезентации лексических и грамматических значений слов в словарях.

Гипотеза исследования. Поливекторное исследование основных типов значений слов остается релевантной для лексикологии, словообразования и грамматики тюркских языков, в том числе и для карачаево-балкарского языка, в котором обнаруживается своя специфика в силу некоторых различий в корпусе лексики, характеризующейся широким диапазоном значений, в словообразовательных моделях и в грамматической структуре слов различного частеречного происхождения. Их учет дает возможность адекватной репрезентации словарных лексем в соответствующих лексикографических изданиях.

Методами исследования выступили описательный, сравнительно-исторический, структурно-семантический методы, а также контекстуальный анализ. Из общенаучных методов использованы: наблюдение, анализ и синтез, сравнение.

Материалом исследования послужила выборка, сделанная из таких лексикографических источников, как «Карачаево-балкарско-русский словарь» (1989), «Толковый словарь карачаево-балкарского языка (в трех томах)» (1996, 2002, 2005). Кроме того, привлечены данные из общих словарей ряда тюркских языков.

Теоретико-методологической основой исследования послужили труды отечественных лингвистов, в том числе и тюркологов, по семантической характеристике слова – В.В. Виноградова, А.И. Смирницкого, Д.Н. Шмелева, А.А. Уфимцевой, И.С. Улуханова, В.Г. Гак, Е.С. Кубряковой, Ю.Д. Апресяна, Р.С. Манучаряна, Ф.А. Литвина, П.А. Соболева, В.Н. Прохоровой, Ф.П. Фоминой, Д.Н. Шмелева, Л.А. Новикова, А.А. Юлдашева, Ф.А. Ганиева, Ж.М. Гузеева, А.Ю. Бозиева, И.М. Отарова, А.Г. Биешева, А.З. Малкондуевой, Ш.В. Кибирова и др.

Научная новизна исследования заключается в том, что в ней:

1) впервые предпринята попытка обобщить и проанализировать тюркологические исследования в области смысловой структуры лексем, опираясь на данные карачаево-балкарского языка;

2) проведен комплексный и многоаспектный анализ языковых (лексических) значений;

3) впервые в карачаево-балкарском языкознании разработаны и предложены принципы лексикографирования всех типов значений слов.

Теоретическая значимость проведенного исследования определяется тем, что оно углубляет проблематику семантического анализа слова, способствуя выявлению и системному описанию языковых, или лексических, значений благодаря контрастивному изучению. Результаты проведенного анализа вносят значительный вклад в изучение лексической семантики тюркских языков.

Практическая значимость диссертационной работы заключается в том, что основные ее результаты могут быть применимы в лекционных курсах по лексической семантике, в ходе преподавания теоретических основ лексики карачаево-балкарского языка, а также при подготовке учебно-методических изданий, словарей на материале тюркских языков, курсовых и выпускных квалификационных работ.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Наличие у слов лексических, грамматических и словообразовательных значений универсально как для родственных, так и для разноструктурных языков, однако они в определенной степени отличаются в отдельно взятом языке, в том числе и в карачаево-балкарском языке.

2. В системе карачаево-балкарского языка производным и непроизводным словам присущи не только лексические, но и грамматические значения, тогда как словообразовательным значением отмечены лишь лексемы-деривативы.

3. Лексические значения слов в карачаево-балкарском языке подвергаются различного рода трансформациям, с одной стороны, в силу

внутрисистемных причин, с другой – детерминируются психологическими и культурно-историческими факторами.

4. В карачаево-балкарском языке обнаруживаются изменения лексических значений слов, происходящих благодаря многообразию индивидуальных речевых инноваций, не влияющих на семантическую структуру слова. Вместе с тем у слов появляются и новые значения, предопределяемые их регулярным функционированием, в результате чего образуются омонимы, причиной чего служат расхождения лексических значений слов и утрата семантической связи между ними.

5. В отличие от других тюркских языков в карачаево-балкарском языке эффемизация и табуирование рассматриваются как автономный способ образования метафорических значений слов.

6. На функционирование полисемии слов в карачаево-балкарском языке влияют не только языковые, но и внеязыковые причины. Полисемия в словах развивается, как благодаря экстралингвистическим факторам, так и факторам внутрилингвистическим.

Апробация работы: Основные теоретические положения диссертации изложены в работах, входящих в сборники научных статей и материалов научных конференций, журналы. Результаты исследования представлены в 21 публикации, в том числе в 7 статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Структура диссертации обусловлена спецификой исследуемого материала. Она состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и реестра условных сокращений.

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационной работы, определяются ее цель и задачи, объект и предмет, гипотеза, теоретическая и практическая значимость проделанной работы, отмечаются научная новизна, материал и методы исследования, представляются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации исследования, а также о его структуре.

Первая глава посвящена теоретическим аспектам, сопряженным с проблемами исследования основных типов значений слов, актуализируются особенности лексических, грамматических и словообразовательных значений слов с опорой на данные современного карачаево-балкарского языка.

Вторая глава нацелена на исследование типов лексических значений слов, к которым относятся буквальные и метафорические, окказиональные и неокказиональные, связанные и несвязанные, номинативные и экспрессивно-синонимические значения. Кроме того, рассматривается полисемичность слова, при этом выявляется то, как соотносятся между собой их значения и какие способы возникновения переноса значений для них наиболее релевантны.

В *третьей главе* «Лексикографическая разработка значений слов» исследуется то, каковы репрезентативные особенности лексических и грамматических значений слов в лексикографической практике.

В *заключении* обобщены основные результаты проведенного исследования.

Основная концепция и содержание работы изложены на 172 страницах (из них 24 стр. – библиография, список словарей и условные сокращения).

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ

Тюркско-русские словари имеют историю, давно перевалившую за сто лет, тогда как история толковых словарей тюркских языков едва достигла пятидесяти лет. Сравнение этих словарей показывает, что с выходом в свет каждого из них семантическая структура лексики получает все более полное и обстоятельное освещение. Первые словари (напр., словари В.В. Радлова, Э.К. Пекарского и Н.И. Ашмарина) были составлены без словарной картотеки, поэтому, естественно, что выделение и характеристика значений слов не могли быть полными. Начиная с конца 50-х годов XX в., лексикографы стали понимать, что нельзя составить словарь без надежной словарной картотеки, на материале которой только и можно обоснованно установить реальный состав лексики и определить основные и частные значения, а также функции каждого из слов, зафиксированных в ней (картотеке). Первые толковые словари азербайджанского, казахского, киргизского, туркменского языков основывались на специальных картотеках, на текстовом материале, собранном по определенному принципу. В них объектом лексикографирования является только то, что дает анализ текста, в то время как вышеуказанные тюркско-русские словари в основном по необходимости составлялись на основании других словарей. Благодаря анализу текста осмысление состава и соотношений значений и функций слов в этих толковых словарях решено более или менее удовлетворительно.

Остались в основном нерешенными или недостаточно решенными следующие вопросы семантической характеристики слов: 1) установление синхронной иерархии и последовательности описания лексических, словообразовательных и грамматических значений многозначных слов в их функциональном многообразии; 2) выявление и разграничение частных значений слова от его главного значения; 3) учет принципа синхронности при разработке лексических значений слов в связи с их словообразовательными и

грамматическими значениями; 4) характеристика слова по объему и грамматическим задачам; 5) лексикографирование служебной функции полнозначного слова; 6) способы описания значений собственно служебных слов; 7) единообразие описания однотипных значений разных слов, имеющих общую словообразовательную структуру; 8) нормативная и стилистическая характеристика значений и функций слов и некоторые другие.

Фактический материал, представленный в современных лексикографических источниках тюркских языков, свидетельствует о том, что перечисленные выше проблемы составителями словарей активно решаются. Однако некоторые из них остаются недостаточно решенными и в них. Причиной этого является недостаточная разработанность теории тюркской лексикографии. В этом плане имеются лишь три монографии общетюркского характера, в которых представлены теоретические основы составления как толковых, так и переводных словарей [Юлдашев 1972; Гузеев 1984, 1985]. Вышедшие в свет словари после публикации этих работ [Толковый словарь татарского языка 1977-1981; Азербайджанско-русский словарь 1962; Словарь башкирского языка 1993; Толковый словарь карачаево-балкарского языка 1996, 2002, 2005] в выделении и описании лексических и грамматических значений слов выгодно отличаются от всех предыдущих словарей.

1.1. Особенности лексического значения слова

Относительно определения лексического значения слова в лингвистике существуют разные точки зрения, иногда – противоположные. Лексикологи по-разному интерпретируют не только особенности денотативных значений слов, но и сопряженность их с различными понятиями. В лексикологии превалирует традиционное мнение, согласно которому значение лексемы вытекает из сопоставления. При этом актуализируется связь слова с определенным элементом окружающей действительности, что закрепляется в сознании познающего субъекта [Виноградов 1953: 10; Смирницкий 1955: 89; Ахманова

1957: 160-161; Современный русский язык 1998: 123 и др.]. В современных же лексикологических исследованиях считается, что этот признак для лексико-семантической структуры слова является лишь сопутствующим, хотя и облигаторен [Шмелев 1977: 58; Фомина 1978: 24; 1990: 30; Котелова 1975: 7; Шанский, Иванов 1981: 19]. В этих работах отмечается, что кроме того в состав значения слова входят эмоционально-экспрессивный оттенок, парадигматические отношения, заключающие в себе закономерности чередования, и синтагматические отношения, составляющие закономерности сочетания.

Д.Н. Шмелев подчеркивает, что лексическое значение слова характеризуется соотнесенностью слова с определенным понятием, что она образует основу лексического значения слова. Кроме того, значение слова детерминируется также его местом в системе языка. Иначе говоря, релевантным представляется синтагматическая соотнесенность слова с другими лексемами [Шмелев 1977: 58]. Характеризуя лексическое значение языковой единицы, необходимо выявить и то, каким образом главное значение слова связывается с другими его значениями, т.е. речь идет об установлении дифференцирующего признака [Фомина 1990: 29-30].

С другой стороны, существует спорный вопрос относительно того, входит ли экспрессивно-эмоциональная окрашенность в состав лексического значения слова. В этом отношении существуют совершенно полярные точки зрения. Одни лексикологи считают, что экспрессивно-эмоциональная окрашенность входит в состав лексического значения слова [Шмелев 1965; Киселева 1969; Фомина 1990: 30], другие же этого не признают [Звегинцев 1957: 180].

В каждом языке наличествуют слова, эмоционально-экспрессивные составляющие которых детерминируются семантической их структурой. Ср. такие карачаево-балкарские лексемы, как *бёрю* «волк», *аша* «есть», *жюрегим* «мое сердце» и т.п., которые называют не только определенное понятие, но и

выражают эмоционально-оценочную оценку к обозначенному понятию (денотату) [Кетенчиев 2012].

В состав лексико-семантической структуры слова может входить не всякое эмоционально-оценочное значение, а только некоторые, допускающие сочетаемость с основным значением. Выступая закрепленным компонентом лексико-семантической структуры слова, эмоционально-оценочная окрашенность в слове обозначается различно:

а) метафорическим или этимологическим значением слова без каких-либо дополнительных особенностей: *макъа* «лягушка», *эшек* «осел», *фасыкъ* «негодяй», *сирел* «торчать», «бездельничать», *гая* «ротозей», *къанбуз* «портящий всем настроение, нервирующий всех», *къантар* «освободить от содержимого, выплескивать, высыпать» и т. д.

б) с помощью уменьшительно-ласкательных аффиксов, т. е. морфологической формой лексем: *къызчыкъ* «девочка», *келинчик* «невестка», *ариука* «красивенькая», *айыука* / *айюка* «замкнутый человек», *анака* «маменька», *атака* «папенька», *къозай* «ягнёночек», *киррай* «грязнуля», *къызуку* (балк.) «женоподобный», *наныкай* «миленький» и т. д.

Для характеристики лексического значения слова необходимо выяснить вопрос о том, как оно сочетается с понятием, поскольку появление коннотативных значений зависит от этого. В лингвистических исследованиях лексическое значение слова противопоставляется философской категории понятия. Одни авторы ставят знак равенства, т.е. они отождествляют понятие и лексическое значение слова. Правда, некоторые языковеды это отвергают [Гак 1990: 261]. Противники факта взаимосвязи понятий и семантики лексем констатируют, что, характеризуя семантику слов не обязательно нужно находиться за пределами языка. С другой стороны, при рассмотрении лексического значения слова нельзя ограничиваться лишь собственно языковыми фактами – сопоставлением того или иного слова с другими лексемами, выявлением их валентностных интенций. Вытекает это из того, что главное назначение лексем – номинация предметов и явлений. Если при

характеристике лексического значения слова рассматривать только языковые моменты, то можно оказаться наедине со многими неизвестными, поскольку при семантической интерпретации слова в связи с возможными сочетаниями с другими лексическими единицами, мы и эти значения должны были характеризовать через возможные сочетания с некоторыми другими словами, т. е. раскрывать значения одних величин через значения других.

О соотношении между словом (его значением) и понятием свидетельствует такой факт, что слово напрямую раскрывает представления о существующей деятельности. Эти представления со временем превращаются в понятия, именуемые посредством слов. Каждое знаменательное слово в своей основе содержит связь с понятием, выявляющим интегрирующие признаки определенного фрагмента лингвопространства.

Сопоставительный анализ показывает, что лексическое значение слова шире понятия, так как включает в себя кроме денотативного значения еще эмоционально-оценочную окрашенность и несколько других компонентов. С другой стороны, понятие шире лексического значения, поскольку в научном понятии выражены общие и наиболее важные особенности предметов и явлений, а в лексическом значении – только их дифференциальные, главные особенности. С.Д. Кацнельсон отмечает, что эти главные особенности предмета заключают в себе значения слова, функционирующие «для его опознания и для правильного употребления его имени» [Кацнельсон 1965: 19]. Лексическое значение слова вбирает в себя те особенности понятия, которые обязательны для его функционирования и дефиниции [Новиков и др. 1987: 14]. Но некоторые лингвисты переусердствовали при интерпретации дифференциальных признаков элементов окружающего мира, актуализируя такие дефиниции, как «род кустарника», «деталь машины» и т.п. [Щерба 1974: 80]. Такие толкования не отражают в полной мере те характеристики предметов, благодаря которым, например, трудно разграничить растения, детали того или иного механизма. Как отмечает Ф.П. Сороколетов, «толкование

теряет смысл», когда в объяснении не приводятся дифференциальные особенности предметов или явлений [Сороколетов 1962: 126].

Одним словом, понятие и значение, несмотря на то, что относятся к разным дисциплинам (понятие – к логике, значение – к лингвистике), во многом связаны однотипные категории. Расхождение данного вопроса заключается в его исследовании с разных точек зрения (со стороны логики и со стороны языка). Ср. *гылыу* «крыса» – вредный грызун, внешним видом схожий с мышью, но гораздо крупных размеров, большей частью с пепельно-серой шерстью и чешуйчатым хвостом [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 1996. Т. I: 632].

Наиболее полным определением, охватывающим все стороны значения слова, особенности отношения значения к рассматриваемому словом предмету, а также сопоставление значения с понятием является определение значения, выдвинутое М.И. Фоминой. Она отмечает, что под лексическим значением слова понимается не только прямая (или непрямая) соотнесенность с анализируемым реальным (или нереальным) предметом. В значении слова передаются и общие денотативно-логические отношения, и связи с лексическими значениями других лексем этой (или примерно близкой) лексической системы, и пределы лексической синтагматики, и особенности лексико-грамматического соотношения [Фомина 1990: 30].

Лексическое значение слова является сложной структурой, заключающей в себе общие признаки слова как немотивированного знака: его семантику, прагматику, синтактику. Данное определение характеризуется многими факторами и включает в себе такие аспекты, как сигнификативность, денотативность, коннотативность, парадигматичность и синтагматичность. С точки зрения семантической структуры лексического значения, главными являются два компонента: сигнификативный и денотативный. Сигнификативный компонент является основным центром лексического значения слова [Гак 1990: 262], совокупностью особенностей предметов и явлений, необходимых для их номинации посредством той или иной лексемы.

Сигнификативная часть включает в себе главное содержание слова, выражая представление о реальной действительности. Этот компонент значения характеризуется тем, что данный компонент можно назвать индивидуально-семантическим значением слова, так как в словарях находит толкование. Примеры: **къол** *сущ.*: 1) Рука; кисть (каждая из двух верхних конечностей человека от плечевого сустава до кончиков пальцев);

2) В позиции определения: ручной (сделанное рукой): **къол чалгъы** «ручная коса»);

3) *перен.* С определениями «правый», «левый» употребляется в значении: сторона (если употребляется с объяснительными словами **онг** «правый», **сол** «левый», то показывает, на какой стороне находятся субъект, объект);

4. *перен.* Труд, усилие (труд человека): **халкъны къолу бла** трудом народа;

5) *перен.* Подпись (фамилия человека, написанная собственноручно): **директорну къолу** подпись директора;

6) *перен.* Символ власти, владычества: **буржуазияны къолунда** во власти буржуазии;

7) На руках у *кого* (быть, остановиться, находиться и т. п.): **жашчыкъла аталарыны къолунда къаладыла** мальчишки остаются на руках у отца;

8) В руках (быть, находиться): **солуу жаш тѣлюню къолундады** отдых находится в руках у молодежи [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2002. Т. II: 648].

Примеры свидетельствуют о том, что сигнификативный компонент подчеркивает в слове итоги познавательно-обобщающего процесса и применяет не только лексическое значение слова, но и образует у данной лексемы новые значения, выступая источником полисемии (многозначности) слова [Дудников 1990: 61]. Лексикологи обращают внимание на интернациональный характер сигнификативной составляющей семантики слова, поскольку она присуща для каждого языка. Тем не менее, сигнификат репрезентирует и специфику семантики лексем, выражающих однородные понятия в том или ином языке.

Рассмотрим русизмы *рот* и *пасть*, которые обозначают место локализации зубов и языка животных. В карачаево-балкарском языке им соответствует одно слово *аууз*. Карачаево-балкарскому слову *кёнчек* (верхняя одежда, покрывающая ноги и нижнюю часть тела до пояса) соответствует русское слово *брюки* – предмет верхней одежды [Словарь русского языка, 1985. Т.1: 119]. Такого рода примеры спорадически рассмотрены А.К. Аппоевым и М.Б. Кетенчиевым [Аппоев 2004; Аппоев, Кетенчиев 2011; Аппоев 2014]. Представленные примеры свидетельствуют о том, что, если в одном языке той или иной лексемой передается одно понятие, то в другом – более двумя. Указанное имеет отношение и к структуре слова, т.е. определенное понятие в одном языке может выражаться производной или же непроизводной простой лексемой, тогда как в другом с этой целью употребляется простое сочетание слов или же сложная лексема. Например, понятие «травянистое сорное растение с листьями, обычно покрытыми мучнистым налетом» выражает в русском языке слово *лебеда*, а в карачаево-балкарском – *лыбыта*. Русское слово *объедки* в языке карачаевцев и балкарцев не имеет эквивалента в форме простой лексемы, поэтому с целью репрезентации понятия «остатки от еды, недоеденные куски» употребляется усилительная конструкция *кългъан-булгъан*. На основе анализа исследованных примеров, следует отметить специфику каждого языка относительно сегментации элементов окружающего мира. В вышеприведенных словах их сигнификативная национальная составляющая представлена внешней формой лексемы, в силу чего они и дифференцируются, о чем мы писали ранее [Гузеев, Ахматова 2012]. Однако имеет место и дифференциация, заключенная во внутренней форме лексемы. Рассмотрим карачаево-балкарское *акъ гыржын* «белый хлеб» и русское *белый хлеб*. Принципы их номинации различаются: носитель карачаево-балкарского актуализирует цвет хлеба, а русского – качество муки (хлеб из муки высшего или первого сорта). При этом важны сочетаемостные интенции слов. Сигнификативная (познавательная-обобщающая) часть значений лексем имеет тесную связь с денотативным и коннотативным значениями.

Денотативное значение – это центральная часть значения, т.е. предметный компонент содержания отвлечённой от семантико-стилистической или эмоционально-оценочной окрашенности. Денотативное значение, являясь предметным значением лексической единицы, выражается через отношение лексемы к реальному предмету. Денотативное значение свойственно только существительным, выражающим реальный артефакт или понятие, а также словам, которым присуща функция номинации.

Коннотативное значение – это эмоционально-оценочная, стилистическая окрашенность слова, другими словами дополнительное значение слова, расширяющее его лексико-семантическую структуру. Узуальное, коннотативное значение слова выражается с помощью различных суффиксов, звукоподражательных слов, эмоционально-окрашенных компонентов. Такое понимание получило широкое распространение в тюркологии [Замалетдинов 2006; Саньяров 2011].

Например, слово *гырджынчы* несет в себе две смысловые нагрузки: 1) мастер, хлебопекарь; 2) нахлебник, бездельник. Не зафиксированное толковым словарём и употребляемым только в *ч*-диалекте карачаево-балкарского языка, денотативным значением его является значение *гырджын* «хлеб», а коннотативном – значение, которое передается с помощью аффикса *-чы*, выявляющем экспрессивную окрашенность презрения и выступающим в значении просторечия. В существительных *кёкбаиш* перен. 1) осёл; 2) о дураке и *гая* «ротозей» отрицательная эмоционально-экспрессивная оценка заложена изначально в лексико-семантической структуре самих корней.

В 80-90 г. XX в. вопросы, связанные с денотативными и коннотативными значениями, стали исследоваться интенсивно. Некоторые ученые стали изучать выделенные группы их коннотаций [Говердовский 1985; Дудников 1990: 62-64]. Среди них отмечают коннотации терминологичности, архаичности, заимствования, окказиональности, диалектности, книжности, разговорности, пейоративной оценки, мелиоративной оценки, жаргонности, эвфемистичности, саркастичности, возвышенности и другие.

На них можно привести следующие примеры: *ынна* «бабушка», *жаши* «мальчик». Эти слова употребляются в денотативном значении.

Аффикс *-ка* в карачаево-балкарском языке имеет уменьшительно-ласкательное значение и выражает коннотативный оттенок: *ынна + ка* «бабуля, бабуся» (ласкательное обращение к бабушке), *джаши + ыка* «мальчик», «мальчишка». Если денотативное значение является собственным значением большинства слов, то многие из них с другой стороны не имеет коннотативного значения, являющегося дополнением к его лексико-семантической структуре.

Все эти факты свидетельствуют о закономерной связи коннотативного значения с денотативным. К примеру, однокоренные слова преимущественно выявляют только одно коннотативное значение. Так, однокоренные слова *жигит* «храбрец, смельчак», *жигитлик* «храбрость, мужественность, отважность», *жигитлен* «храбриться, смелеть», «отважиться», объединены общей коннотацией возвышенности, праздничности.

Коннотация саркастичности: *гашиперт* букв. косящий в день один гектар.

Коннотация эвфемистичности: *атайтмаз* «плохая болезнь».

Коннотация разговорности: *аракъычы* «водочник».

Коннотация диалектности: *генхин* «фартук».

Коннотация жаргонности: *футболчула* «футболисты».

Коннотация архаичности: *тонкъай* «вытрясти».

Коннотация окказиональности и терминологичности – по интонационному оформлению употребляется не в составе вводных слов, словосочетаний, а предложений.

Как и интонация конца предложения, модальность и предикативность употребляются не в слове и словосочетании, а в предложении. Коннотативное значение, выступая автономной, самостоятельной частью значения слова, функционирует в нём как дополнительное значение денотативной семантики. С другой стороны, отличительной чертой семантических процессов может являться то, что существует возможность употреблять слова и без дополнительного значения. К примеру, слова у однокоренных слов *аман*

«плохой, дурной, скверный», *аманла* «хулить, хаять, поносить, порочить кого-что»:

аманлан – «быть поношенным»,

аманлат – «заставить хулить, хаять»,

аманлыкъ – «зло, каверза, проступок, проделка»,

аманлаш – «взаимно порочить друг друга»,

аманлыкъчы – «преступник»,

амансын – «считать плохим, принимать за плохое»,

амансыныу – «пренебрежение».

Коннотация пейоративной (отрицательной) экспрессивно-эмоциональной оценки выражена как пренебрежение, а у слов *жарыкъ* «свет, светлый», «освеженный», *жарыкъла* «просвещать», *жарыкълан* «веселиться, повеселять», *жарыкъландыр* «сделать веселым», *жарыкълау* «просвещение», *жарыкълыкъ* «радость», «светлость», «просвещение, образование, культура» выявляется коннотация мелиоративной (положительной) экспрессивно-эмоциональной окрашенности – оттенок уважительной оценки.

В одно и то же коннотативное значение могут войти значения лексем, входящих в одну тематическую группу. Например, лексемы *къой* «овца», *токълу* «ярка, барашек (до года)», *къозу* «ягнёнок» входят в группу слов, обозначающих «мелкий рогатый скот», но, отличаясь стилистической нейтральностью, развивая старое денотативное значение плавно перетекают в класс другой тематической группы – «человек послушный, смирный», и приобретают другую коннотацию – одобрительно-разговорную.

Слова тематической группы «дикое животное» (*бёрю* – волк, *агъач кишитик* – дикий кот, *кийик кишитик* – дикий кот, *агъач тонгуз* – дикая свинья, *кийик тонгуз* – дикая свинья, *агъач киши* – дикий человек, дикарь, снежный человек (в сказках), *гунык* – дикое животное, *гунык* – дикорастущий, в переносном смысле обозначают понятие «дикий, невоспитанный человек», (*агъач бёрю* – дикий, грозный человек) имеют отрицательное коннотативное значение.

Парадигматическое и синтагматическое значение слова. Слова как немотивированные элементы языка, именуя предметы и явления действительности, выражают свои значения не автономно, а в тесной словесной обстановке в целом с лексико-семантической системой.

Денотативно-вещественное значение слова является элементом лексико-семантической системы словаря языка [Виноградов 1953: 13]. Лексико-семантическую структуру слова в компонентном отношении составляют парадигматическое и синтагматическое значения.

Парадигматика в области лексики рассматривает в словарном составе группы лексем или парных словосочетаний, связанных либо по каким-то интегральным особенностям или отношениям противопоставления. Кроме того, эти группы лексем могут сопоставляться друг с другом. Парадигматические отношения слов выводятся из текста в процессе анализа, противопоставляясь при этом однородным по семантике другим словам, что дает возможность установить как их сходства, так и различия [Новиков и др. 1987: 78].

К парадигматике относятся синонимия, антонимия, паронимия. Интегральные и дифференциальные особенности лексических единиц в их семантической структуре составляют парадигматику. Например, в карачаево-балкарском языке такие слова, как *кьочхар* «баран-производитель», *кьозу* «ягнёнок», *айю* «медведь», *ийнек* «корова», *бугъа* «бык», *токълу* «ярка, барашек», *теке* «козёл», *кеселекке* «ящерица», *булбул* «соловей» объединяются в одну тематическую группу. Объединяющим семантическим признаком каждого из этих слов является соотнесённость с общим понятием, именуемым *жаныуар* «животное».

Эту тематическую группу можно разделить на несколько лексико-семантических подгрупп: 1) *юй хайыуанла* «домашние животные»: *ийнек* «корова», *бугъа* «бык», *ёгюз* «вол», *гаммеш* «буйвол», *кьозу* «ягнёнок», *теке* «козёл», *кьочхар* «баран-производитель», *токълу* «ярка, барашек»; 2) *жыртхыч жаныуарла* «хищные животные»: *бёрю* «волк», *айю* «медведь», *агъач кишитик/кийик кишитик* «дикий кот», *къабан* «кабан»; 3) *къанатлыла*

«пернатые»: *къуш* «орёл», *къыжна* «сойка», *чыпчыкъ* «воробей», *къарылгъач* «ласточка», *къаргъа* «ворона»; 4) *сюркелгенле* «пресмыкающиеся»: *жылан* «змея», *кеселекке* «ящерица», *макъа* «лягушка», *таш макъа* «черепаха». Различительной особенностью позволяющим вывести эти подгруппы из общей тематической группы «*жаныуар* – животное», является понятие *жаны болгъан зат* «живое существо». В эту группу не входят такие понятия, как человек и растения. Эти подгруппы в процессе анализа можно разбить еще на более мелкие единицы счёта. Например, подгруппу *юй хайыуанла* «домашние животные», можно расчленить на следующие разделы: а) *тууар* «крупный рогатый скот», *бугъа* «бык», *къунажин* «нетель», *ийнек* «корова», *тана* «теленка от 6 месяцев до года», *гаммеш* «буйвол»; б) *ууакъ аякълы мал* «мелкий рогатый и не рогатый скот»: *къочхар* «баран, баран-производитель», *къочхарлыкъ* «ягнёнок-самец, оставленный на завод», *къойгъа айланмаз* «старый баран-производитель», *къозу* «ягнёнок (до 6 месяцев)», *теке* «козел», *къой* «овца», *токълу* «ярка, барашек, ягнёнок» (возрастом от шести месяцев до одного года). Различительные свойства способствуют выведению этих более мелких подразделов из подгруппы *юй хайыуанла* «домашние животные». Они сопряжены с такими понятиями, как величина, размер и рост. Кроме того, представленные выше слова входят параллельно в структуру нескольких парадигм лексико-семантической направленности. Подобный подход осуществляется в целом ряде работ по лексике фауны [Шаваева 2011; Эбзеева 2011].

В рамках данного исследования следует отметить, что в настоящее время проблемам парадигматики начали уделять довольно большое внимание. При этом лингвисты парадигматику рассматривают на различных языковых уровнях [Кетенчиев 2013, 2014; Кетенчиев, Тохоева 2013; Бичекуева, Кетенчиев 2014; Улаков, Кетенчиев 2013].

К числу системных отношений слов, изучающих закономерность взаимосвязи, сочетаний друг с другом, относятся синтагматические отношения. Причиной существования этих отношений, как и парадигматическое, является

наличие системного характера языка. Необходимо принять к сведению и то, что синтагматические связи в отличие от парадигматических отношений, выражают контекстуальное значение или их «поле употребления», что зависит в большей степени от словесной обстановки или сочетаемости слов. На лексическом уровне синтагматические отношения выступают в лексико-семантической структуре многозначных слов. В зависимости от контекстуального употребления или сочетаемости слово обнаруживает различные отношения: *адамны къолу* «рука человека», *халкъны къолу* «труд народа», *атамы къолунда* «находиться на руках у отца», *къол ау* «шёлковый платок», *къол аяз* «ладонь», *къол бла* «вручную», *къол боя* «быть причастным к недостойному делу», *къол бычхы* «ножовка», *къол жазма* «рукопись», *къол иш* «рукоделие», *къол къап* «перчатка», *къол тирмен* «ручная мельница», *къол ыз* 1) «почерк, каллиграфия», 2) «стиль», «манера творить, создавать, делать что-либо» и т.д. [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2002, Т. II: 648-653]. Таким образом, составляющие части лексического значения слова имеют взаимообусловленные отношения. Выявляя разные особенности, они с различных сторон раскрывают лексико-семантическую структуру слова: сигнификативная составляющая часть характеризует наиболее обобщённые особенности окружающей действительности, денотативная – реальную взаимосвязь слова с предметной средой, коннотативная обозначает эмоционально-оценочную окрашенность слова, парадигматическая и синтагматическая части характеризуют слова на лексическом уровне, по двум координатам:

- 1) на вертикальной оси;
- 2) на горизонтальной оси.

1.2. Грамматическое значение слова

Абсолютное большинство исследователей семантики слова признает единство лексического и грамматического значения в нем. Однако это не

исключает качественных различий между ними, заключающихся в основном в различии способов выражения: лексическими являются значения слов, а грамматическими – значения их грамматических форм, а также отношение данного лексического содержания слова к грамматике.

Грамматическое значение слова, как абстрактное значение слова, характеризуется его соотнесённостью с определённым классом, создается на базе парадигматических взаимосвязей и синтагматических связей [Грамматика современного русского литературного языка 1970: 302].

Таким образом, понятие «грамматическое значение» составляют: 1) главное категориальное значение слова, свойственное ему как конкретному грамматическому классу слов; 2) частное значение, употребляемое как один из видов теоретически формально выраженных взаимосвязей, присущих для слова, как конкретной части речи (например, в тюркских языках для имён существительных – категории падежа, числа, принадлежности, субъективной оценки, привативности, для глаголов – категории времени, залога, наклонения, спряжения, числа). Значит, грамматическое значение слова носит абстрагированный характер, присущий той или иной части речи, и отличается от его лексической семантики.

По сравнению с лексическими значениями слов их грамматические значения являются обобщенными и им не присуща индивидуальность или одиночность. Наличие какого-либо грамматического значения детерминирует появление другого соотносительного с ним однородного значения. Так, наличие единственного числа имени предполагает наличие у него и оппозитивного множественного числа (*адам* «человек» – *адамла* «люди», *мен* «я» – *биз* «мы»), положительная форма глагола – отрицательную форму (*айтама* «говорю» – *айтмайма* «не говорю»), положительная степень качественных прилагательных – сравнительную и превосходную (*ариу* «красивый» – *ариууракъ* «красивее» – *бек ариу* «очень красивый» и др.).

Несмотря на то, что из-за зыбкости границы между лексическим и грамматическим значением попытки разграничить их в семантическом плане

еще не увенчались успехом [Кацнельсон 1972: 90-93], вряд ли можно согласиться с теми лингвистами, которые утверждают, что «никакого особого «грамматического значения» нет, есть лишь особые знаки, обладающие свойствами грамматической ... обязательности» [Вейнрейх 1970: 197], что «бесполезно различать лексическое и грамматическое значения» [Мигирин 1982: 24].

Среди грамматических значений слова выделяются чисто (собственно) грамматические и лексико-грамматические. Первые представлены отдельными членами парадигмы. Грамматические значения одного класса или разряда сами образуют свои категориальные грамматические значения. Для имени существительного – это категориальные значения количественности, possessивности и падежа. Для имени прилагательного релевантны значения количественности, сравнения и падежа, для имени числительного – падежное значение, для наречия – значение сравнения, для глагола же актуальны такие грамматические категории, как количественность, персональность, темпоральность, наклонение и залог. Также необходимо отметить, что слову в общем характерны как лексические значения, так и грамматические. Отражение грамматических значений слова в зависимости от его связей и отношений, делит грамматические значения на синтаксические и несинтаксические.

Грамматические значения слов, как правило, синтаксически обусловлены. Благодаря им осуществляется связь слов как в словосочетании, так и в составе предложения. В этом отношении важны, например, падежные значения имен, значения соединения, разделения и противопоставления союзов и т.п. Грамматические же значения несинтаксического характера ориентированы на внеязыковую действительность и отражают такие функционально-семантические понятия, как локативность, темпоральность, количественность, орудийность и т.п.

Необходимые сведения для читателя обо всех грамматических характеристиках слова можно извлечь из его категориальной принадлежности, которая определяет его принадлежность в системе классификации частей речи.

Впоследствии оно несет в себе основную задачу грамматической квалификации слова в словаре. При этом техническое обозначение категориальной принадлежности лексем в словарях толковых является более необходимым, чем в словарях переводных. Дело в том, что в словарях второго типа категориальная принадлежность слов особенно знаменательных частей речи, обозначается косвенным путем – через посредство переводящего слова. Что касается так называемых служебных слов и частей речи экспрессивно-эмоционального плана, категориальные значения которых не могут быть отражены через посредство переводящего слова, то сопровождение их специальными пометами очень желательно. Также это подтверждает такое свидетельство, как переводимое и переводящее слово, например, союзы, союзные слова, частицы, которые часто классифицируются в силу своей многофункциональности.

В тюркских языках довольно много полифункциональных слов – слов, употребляемых на правах двух или более частей речи одновременно; ср.: *тири* (прилагательное: *тири тиширыу* «деятельная женщина») и *тири* (наречие: *тири кьымылда* «автивно двигаться»), *тар* (прилагательное: *тар джол* «узкая дорога») и *тар* (существительное: *Чегем тары* «чегемское ущелье»), *согъуш* (глагол: *душман бла согъуш* «сражаться с врагом») и *согъуш* (существительное: *согъуш барады* «сражение идет»), *бла* (союз: *джаиш бла кьыз* «парень и девушка») и *бла* (послелог: *балта бла* «(с) топором», *бычакъ бла* «(с) ножом») и др.

Определенное количество грамматических форм слов, лексикализуясь, переходит в другие части речи; ср.: *окъуу* «чтение», «учение» (имя действия) → *окъуу* «учеба» (сущ.), *джарагъан* «пригодившийся» (нар.) → *джарагъан* «замечательный» (прил.), *аямай* «не жалея» (деепр.) → *аямай* «очень сильно, здорово, беспрестанно, неустанно» (нар.), *алда* (форма местн. падежа имени существительного *ал* «перед») → *алда* «впереди» (нар.), *биринчиден* «от первого (форма исход. пад. числительного *биринчи* «первый») → *биринчиден* «во-первых» (мод. слово) и др.

Как видно из примеров, в первом и втором случаях вновь образуемые производные слова не совпадают со своими производящими словами по своей категориальной принадлежности. Без технического обозначения это могут понять только специалисты, притом искушенные в вопросах конверсии слов и лексикализации их грамматических форм. Если учесть, что толковые словари, кроме таких специалистов, которых по существу единицы, адресуются, во-первых, для широкого читателя, во-вторых, для студентов-филологов, аспирантов, молодых ученых, а также для работников печати и радио, то необходимость указания на отношение подобных лексем к определенной части речи не вызывает сомнения. Думается, что столь же очевидна и необходимость показа в словаре синтаксически детерминированной, так называемой спорадической конверсии типа кар.-балк. *таш* (*бау*) «каменный (хлев)», киргиз. *алтын* (*тайын*) «золотая (монета)», башкир. *ёй* (*ашы*) «домашний (обед)», при которой существительное выполняет роль прилагательного в одной единственной синтаксической позиции, оставаясь самим собой во всех остальных случаях своего употребления.

Служебные имена. К таковым традиционно относят имена существительные, принимающие маркеры посессивности, которые в изафетных дескрипциях постпозитивны и являются определяемыми их компонентами: *тюбю* «низ, нижняя часть», *башы* «верх, верхняя часть», *тышы* «внешняя сторона чего-либо» и т.п. Подобного рода имена часто употребляются в формах пространственных падежей. Для их обозначения в специальной лингвистической литературе по тюркским языкам обнаруживаются следующие термины: именные послелого [Убрятова 1976: 120], изафетные послелого [Донидзе 1975: 262-267], послеложно-именные слова [Хаджилаев 1976: 292-300] и др. Однако превалирует мнение, согласно которому такие падежные формы есть специализированный разряд служебных слов, которые занимают срединное положение между собственно послелогам и субстантивами [Дмитриев 1948: 228-233; Мусаев 1964: 311-315; Севортян 1966: 251; Юлдашев 1972: 304-325 и др.].

Н.К. Дмитриев на материале башкирского языка выдвинул точку зрения, согласно которой служебные слова, потеряв лексическое значение, употребляются в функциональной парадигме [Дмитриев 1948: 49]. Выдвигая данное положение за основу, К.З. Ахмеров отмечает, что служебные имена превращаются в служебные слова в результате лексикализации в пространственных падежах [Ахмеров 1958: 56]. По его мнению, в таких словосочетаниях типа *столну тышына* «наружу стола», *столну ичинде* «внутри стола», *столну ичинден* «изнутри стола» служебные имена *ичине* (дат. п.), *ичинде* (мест. п.), *ичинден* (исх. п.), приобретают новое значение на основе потери первоначального. Однако и эти формы, и их лексическая основа (*ичи*) употребляется в своих первоначальных значениях и не приходится говорить о появлении переносного значения.

Служебные имена в языке имеют преимущественно постпозитивное употребление. В силу своих лексических и падежных значений служебные имена репрезентируют темпоральные, локативные и иные отношения, выполняют функции послелогов, соотносятся с предлогами русского языка, при переводе. Тем не менее, служебные слова нельзя считать послелогам, поскольку они отличаются номинативностью и входят в состав свободных сочетаний слов. Они отмечены и значимым словообразовательным потенциалом [Юлдашев 1972: 319]. Нет оснований для квалификации служебных имен послелогам, так как служебные слова и их склоняемые формы (включая и формы пространственных падежей) с точки зрения лексико-семантической наполняемости ничем не отличаются друг от друга. Другими словами, здесь не приходится говорить о новых лексических основах, ср.: кумык. *яны* и *янын*, *янына*, *янында*, *янындан*.

Служебные имена и при наличии определяемых слов, и при отсутствии их остаются служебными именами, не переходят в послелоги; ср.: кар-балк. *башы ачыкъды* «поверхность (чего) открыто» и *ишни башы ачыкъды* «основа дела открыта».

В ряде случаев лексическая семантика служебного имени может не совпадать с семантикой препозитивного имени существительного. Возьмем в виде примера служебное слово *узун* «на протяжении». Оно сочетается в тюркских языках с названиями времени: каз. *кюн* «день», *ай* «месяц», *джай* «лето», кирг. *джай* «лето», *бою* «протяжённость», тат. *кен* «день», *ай* «месяц», *исэй буэ*, *баш кен* «день», *ай узун* «на протяжении месяца, дня, лета». Смысловая связь служебной основы *узун* с её первоначальным значением в значительной степени ослаблена. Аффикс принадлежности *-у* и падежное окончание *-на* функционируют в своих общих значениях. Данные формы подтверждают, что они играют роль не послелогов, а служебных слов. Словоформа *джанында* «сбоку» может употребляться как в этимологическом, так и в метафорическом значениях в зависимости от контекстуального окружения или от лексического значения субстантивной основы. Если она имеет денотативное значение, то данная форма выступает в этимологическом значении (ср. кар.-балк. *Юйню джанында терек ёседи* «Рядом с домом растёт дерево»), если же субстантивная основа имеет абстрактное значение, то она выступает в обобщенно-метафорическом значении.

В прямом значении они употребляются в роли субстантивных основ, в метафорическом – в функции послеложных слов. Несмотря на такие значительные расхождения, между указанными значениями словоформы отмечается тесная лексико-семантическая связь. По этой причине и в данном случае не существует полной потери первоначального значения и приобретения нового, т.е. десемантизации, нарушающей тождества слова.

Употребление словоформы *ичинде* (*эчендэ*) «в промежуток времени, в период времени», в словосочетании с непостоянными лексемами, выявляет совершенно другие значения: ср. кар.-балк. *бир ууахтыны ичинде* «в определенный промежуток времени», *эки джылны ичинде* «в период (в течение) двух лет». С другой стороны, словоформа сохраняет содержательную связь с первоначальной основой *ич(и)/эч/иш*, выступая в собственном значении и не обнаруживая значений служебной лексемы.

Следует подчеркнуть, что функционирующее правило о потере знаменательным словом первоначального значения и приобретения нового и выполнение служебным именем грамматических функций в тюркских языках не имеет перспективы. Рассмотренные выше примеры говорят в пользу того, что значение, интерпретируемое некоторыми лингвистами-тюркологами как семантика именной основы, есть лишь значение метафорическое или семантика, которая предопределяется лексико-семантической структурой этой основы. В содержательном отношении служебные имена в пространственных падежных формах имеют такую же специфику, как и другие падежные формы. Таким образом, можно констатировать, что рассмотрение их как послелогов не имеет достаточное количество оснований.

Служебные глаголы – это такие лексические единицы, которые наряду с употреблением в этимологическом значении выявляют и коннотативные значения, а также выступают в грамматическом значении. Большая часть подобных глаголов характеризуются еще второй функцией. К вспомогательным глаголам относятся единицы типа кар.-балк. *кел* «приходить» (*жетип кел* «сходить»), *кет* «уходить» (*келип кет* «приходить»).

Личные формы вспомогательных глаголов, как и служебные имена, сохраняя свое первичное значение, употребляются в структуре предложения в роли его отдельного конституента: кар.-балк. *Кюз арты жетди* «Наступила осень» (*жетди* – сказуемое). Они часто не теряют лексического значения и в сочетании с неличными формами глагола: *сюзюп чыкь* «обсудить полностью», *ойнаргъа бар* «сходить поиграть». Выполняя вспомогательную функцию, они являются составными элементами поликомпонентной основы, употребляющейся в значении глагольного слова. В этой функции отдельные вспомогательные глаголы сочетаются лишь с деепричастными формами глагола: кар.-балк. *джара – келиб джара* «стать полезным придя», кирг. *джибер – ыргытып джибер* «выбрасывать» и т.д.). можно привести примеры и на сочетания с именами: кар.-балк. *ий – баш ий* «поклоняться», *жет – кёлюне жет* «удовлетворить».

Вспомогательные глаголы подвергаются десемантизации в различной степени. Некоторые из них выступают преимущественно во вспомогательном значении (*бол, эт* и т.д.), остальные – как во вспомогательном, так основном значениях (*кел, кет, джибер/йибер/ебар, чыкъ/чык/сык* и т.п.) треть (их незначительное число) – только во вспомогательном значении (як. *сыс*, кирг. *джазда* – с одним и тем же значением «чуть не»).

Служебные слова, входящие в третью группу, не имеют самостоятельного лексического значения глагольного действия, выражают только модальное значение [Карабаев 2011: 271]. Их словарное ядро не является носителем категориального значения вспомогательных глаголов [Петров 1979: 102].

В грамматических исследованиях, посвященных тюркским языкам, имеет место нечеткое разграничение обычных и вспомогательных функций глагольных лексем. К слову, глаголы типа *башла* «начинать», *битдир* «завершать» интерпретируются как вспомогательные [Грамматика карачаево-балкарского языка 1976: 270, 272]. Но некоторые основы, сочетаясь с первичными деепричастиями на *-а, -е, -й*, теряют свои связи с устоявшимися моделями словообразования [Грамматика современного башкирского литературного языка 1981: 214], выступают в обычном лексическом значении, ср. кар.-балк. *жыр башланды* «песня началась» и *жырлап башладыкъ* «мы начали петь».

В ряде грамматик [Современный казахский язык 1962: 275; Грамматика ногайского языка 1973: 252; Грамматика киргизского литературного языка 1987: 228] без какой-либо аргументации отмечается, что глагол *чыкъ/чык/шык/шык* в сложных глагольных словосочетаниях как казах. *окып шык*, кирг. *окып чык*, ногай. *окып шык* «прочитать» употребляется во вспомогательном значении. С другой стороны, каждая составляющая часть этих конструкции выступает в своём этимологическом значении. Первая часть, являясь деепричастной формой, обозначает способ глагольного действия. Второй компонент спрягается по лицам и числам.

Если без сочетания вспомогательный глагол имеет самостоятельное лексическое значение, то при употреблении с деепричастной формой он может потерять это значение и не функционирует как отдельный компонент предложения, поскольку при этом образуется конструкция, не предполагающая связи с иными лексемами [Петров 1979: 102]. Перечисленные особенности являются главными свойствами служебных глаголов.

Окказиональная морфема аналитической структуры, образованная посредством связи аффикса и вспомогательного глагола, в структурном отношении обнаруживает тождество с аналитическим аффиксом [Юлдашев 1972: 329].

В имеющихся академических грамматиках и специальных теоретических изысканиях, ориентированных на исследование специфики тюркских вспомогательных глаголов, можно встретить различные точки зрения относительно решения следующих вопросов: 1. Можно ли отнести вспомогательные глаголы к вспомогательным лексемам, если же нет, то, как они различаются? 2. Как отличить в содержательном плане самостоятельный глагол и производный от него вспомогательный глагол? Именно поэтому грамматисты-тюркологи интерпретируют самостоятельные и вспомогательные глаголы как одни и те же слова.

Управление глаголов и послелогов. Известно, что управление глаголов и послелогов в абсолютном большинстве случаев не имеет формального выражения в пределах самого слова и находится в полной зависимости от его лексико-грамматического значения, на что указывают специалисты и в области карачаево-балкарской грамматики [Ахматов 1983; Кетенчиев 1992; Додуева 2008]. В связи с этим оно может быть описано лишь применительно к нему, тем более что синтаксические свойства довольно часто носят крайне условный характер. Ср. кар.-балк. *ушкок ат, джюн тара* в их отношении к русск. *стрелять из ружья, чесать шерсть*, где свойство глагола управлять определенным падежом вовсе не вытекает из его лексического содержания, и что к тому же многозначное слово может обладать в одном из своих значений

одним конструктивным свойством, в другом – другим (ср. *къара* 2. «ухаживать, следить, присматривать за кем»; 3. «обеспечивать кого чем»; 4. «считаться с кем»; относиться к кому; 5. «рассматривать что, обсуждать кого-что»; 6. «слушаться» кого-чего» и др.).

Таким образом, мы можем утверждать, что все это отражено в тюркско-русском словаре управления глаголов и послелогов, в соответствии с падежами соотнесенных с ними имен «...что в практической лексикографии остается одним из приоритетных вопросов» [Юлдашев 1972: 358].

Несмотря на то, что отражение управления падежами представляет немалую трудность даже для опытных лексикографов, некоторые из них в целом неплохо справились с ним. Это составители башкирско-русского, татарско-русского, карачаево-балкарско-русского словарей: *ебетуе* «отмачивать, отмочить (что)», *илтеу* «доставлять, доставить (кого-что туда)», *ойрэтеу* 1. «учить, научить (ремеслу или какой-либо специальности)»; 2. «приучать, приучить (кого)»; 3. «подговаривать, подговорить, подбивать, подбить (кого к чему)» (Башкирско-русский словарь), *тюзет* 1. «исправлять что»; 2. «выравнивать что; выпрямлять, разгибать что»; 3. «налаживать, регулировать, устраивать что»; 4. «научить кого-чему; приспособить кого-что к чему» и др., 1. «сотворять кого-что, творить что»; 2. «рожать кого», *толтур* 1. «наполнять что чем»; 2. «выполнять что»; 3. «занимать, заполнять что»; 4. «наполнять, заполнять, загромождать что чем» (Карачаево-балкарско-русский словарь).

В большинстве же словарей управление глаголов не учтено: *дузэлтмэк* 1. «править, поправить, исправить, корректировать»; 2. выпрямлять, выровнять, выравнивать, разгибать»; 3. «налаживать, урегулировать, приводить в порядок»; 4. «чинить, обделывать» и др., *сэпмэк* 1. «сеять, засеивать»; 2. «брызгать» [Азербайджанско-русский словарь], *бүт-* 1. «кончать, заканчивать»; 2. «кончаться, заканчиваться»; 3. «вырастать, произрастать»; 3. «возникать, создаваться», *джайла-* II 1. «приводить в порядок, размешивать»; 2. «успокоить» (Киргизско-русский словарь), *айыр* 1. «делить, отделять;

разлучать»; 2. «назначать, предназначать»; 3. «сделать выписку»; 4. «лишать, освобождать, избавлять», *йасыр* 1. «прятать, скрывать»; 2. «доверяться» [Казахско-русский словарь] и др.

Прежде чем показать уровень отражения в словарях управления послелогов, охарактеризуем, какими именно падежами управляют они.

Характерным признаком послелогов является то, что они, вступая в связь с сопровождаемыми словами, требуют от них специального падежного оформления, «определяемого в каждом конкретном случае скрытой или явной семантикой послелога, базирующейся на лексическом значении того слова, от которого он образован» [Донидзе 1975: 254].

По данному признаку послелогиче карачаево-балкарского языка подразделяются на такие группы:

1) послелогиче, управляющие основным падежом имен: *ала* (*ингир ала* «под вечер»), *шекелли*, *сыфатлы*, *маталлы*, *тюрсюнлю* (*адам шекелли*, *сыфатлы*, *маталлы*, *тюрсюнлю* «человекообразный»);

2) послелогиче, управляющие дательным падежом: *ушаиш* (*тюшге ушаиш* «подобно сну, как сон»), *къаджау*, *къаришы* (*джаугъа къаришы*, *къаджау* «против врага»), *кёре* (*анга кёре* «судя потому», *джерине кёре* «по почве»), *къарап* (*бетинге къарап сёлеиш* «говори по совести»);

3) послелогиче, управляющие исходным падежом: *баиша*, *ёзге* (*Ахматдан*, *сенден баиша*, *ёзге* «кроме Ахмата, тебя»), *сора* (*менден*, *Алимден сора* «кроме меня, Алима»), *бери* (*эрттенликден бери* «с утра»), *ары* (*бюгюнден ары* «начиная с сегодняшнего дня»), *артха* (*сенден*, *Аскерден арtha* «после тебя, Асыра»), *алда* (*мындан алда* «недавно»), *баишаб* (*элден*, *менден*, *ючюнчюден баишаб* «начиная с села, меня, третьего»);

4) послелогиче, управляющие основным и родительным падежами: *бла* (*Алим бла* «с Алимом», *сизни бла* «с вами»), *къатыиш* (*бизни къатыиш* «вместе с нами»), *кибик* (*хайыуан кибик* «подобно скотине, как скотина», *бизни кибик* «подобно нам, как мы»), *маталлы* (*тиширыу маталлы* «подобно женщине, как

женщина»), *амалтын* (*сизни амалтын* «из-за вас»), *къыллы* (*мени къыллы* «из-за меня»), *ючюн* (*джаши, сени ючюн* «ради парня, тебя», «из-за парня, тебя»);

5) послелогои, управляющие основным, родительным и дательным падежами имен и местоимений: *таба* (*эл, юй таба* «по направлению к селу, дому, в сторону села, дома»); *сени таба* «по направлению к тебе, в сторону тебя»; *джерге таба* «по направлению к земле», *манга таба* «по направлению ко мне»;

6) послелогои, управляющие основным и дательным падежами имен и родительным падежом местоимений: *чакълы, тенгли* (*Ахмат, сени чакълы, тенгли* «столько, сколько Ахмат, ты», *джуоз чакълы* «около ста»), *джууукъ тенгли* (*мингнге джууукъ, минг тенгли* «около тысячи»).

По сравнению с глаголами более или менее хорошо обстоит дело с отражением в словарях управления послелогов: *аша* послел. с основн. п. имени и род. и мест. «через», *осон* послел. с основн. п. или род. п. 1) «для ради»; 2) «из-за»; 3) «с целью, чтобы»; *шикелле* послел. с род. п. «как, вроде, подобно» (Башкирско-русский словарь), *дери* послел. с дат. п. «вплоть до», *баиша* послел. с исх. п. «кроме» (Карачаево-балкарско-русский словарь). Однако в большинстве словарей и этот вопрос не решен. К тому же многие послелогои в них приведены без пометы «послелог», т.е. послелогои не отграничены от тех слов – знаменательных частей речи, от которых они образованы, без которого, естественно, невозможно определить управление их.

Индивидуальные грамматические формы слова. Нельзя не отметить, что в тюркских языках слова могут обладать индивидуальными грамматическими значениями, выходя за рамки общих значений. В виде примера приведем личные местоимения (*мен* «я»), *сен* «ты», *ол* «он, она») и указательные (*ол* «тот, та, то» *бу* «это, этот, эта»). При изменении по падежам и числам нередко затемняется структура их исходной корневой морфемы. Несмотря на то, что эти формы семасиологически ничем не отличаются от обычных регулярных форм данной грамматической категории (ср. *мен* «я» – *манга* «мне» и *биз* «мы» – *бизге* «нам», *ол* «он, она, оно» – *аны* «его, ее» и *сен* «ты» – *сени* «тебя» и др.),

обычно принято учитывать их в словарях. Однако у лексикографов нет единого мнения в решении этого вопроса. Одни из них регистрируют эти формы самостоятельными словарными статьями, другие демонстрируют их внутри соответствующих словарных статей, а третьи делают и то, и другое; ср.:

1) *ол* «он, она, оно» – *анга* «ему, ей», *аны* «его, ее» [Карачаево-балкарско-русский словарь, Толковый словарь карачаево-балкарского языка], *ол* – *аны* «его», *алар* «они» – [Казахско-русский словарь];

2) *ул* «он, она, оно» (*алар* «они», *аны* «его (ее)», *анин* «его (ее), принадлежащий ему (ей), *ана* «ему (ей)», *аннан* 1. «от него», *анда* 2. «у него (нее)») (Татарско-русский словарь, Толковый словарь татарского языка), *был* «это, эта, этот (*бынынг* «этого», *быга* «этому», *быны* «этого») (Словарь башкирского языка);

3) *бул* «это, этот» (*буга*, *муну* и *буга* см. *бул* I, *муну* см. *бул* I), *сен* I «ты» (*сенин*, *сени*, *сага*) и *сенин* см. *сен* I 1, *сени* см. *сен* I 1, *сага/саган* см. *сен* I 1).

Некоторые словари [Казахско-русский словарь, Азербайджанско-русский словарь] указанные грамматические формы вообще не регистрируют.

Однако и в словарях, регистрирующих данные формы, нет системы. Так, например, в Башкирско-русском словаре *был* «этот, эта, это» приводится только в своей словарной форме, тогда как оно при склонении обнаруживает отклонения от правил формообразования (ср. *бынын* «этого», *быга* «этому», *быны* «этого»), в Татарско-русском словаре не отмечена словоформа *алар* «они» (от *ул* «он, она, оно»), что учтено в Толковом словаре татарского языка.

С другой стороны, некоторые словоформы, в нарушение описанных принципов их разработки, приводятся без достаточных оснований самостоятельными словарными статьями, без ссылок и оговорок, что приравнивает их к самостоятельным лексическим единицам: *минем* «мой, моя, мое» (от *мин* «я») [Татарско-русский словарь], в то время как структурно и семантически исходные словоформы (*синенг* «твой, твое, твой, твои», *анын* «его», *сезненг* «ваш») демонстрируются внутри соответствующих словарных статей, а словоформы *безненг* «наш, наша, наши», *аларнын* «их» и некоторые

другие вовсе не упоминаются в словаре. Подобные же факты имеют место и в некоторых других словарях: *сен* «ты» – *сени* см. *сен* I, *сенин* см. *сен* I (Кумыкско-русский словарь), *ул* «он, она, оно» – *улар* «они» [Башкирско-русский словарь, Словарь башкирского языка].

Нет никакого сомнения в нецелесообразности давать, тем более дважды (внутри словарной статьи и самостоятельно), в словарях самостоятельными словарными статьями те индивидуальные грамматические формы, которые образованы без изменения корневой морфемы. Что касается вариантов их иллюстрирования в словарях (внутри словарной статьи или самостоятельной словарной статьей), то предпочтительным, на наш взгляд, следует считать первый, так как они не являются словарными или лексикализованными грамматическими формами типа *андан* «поэтому» (союз), *андан* «оттуда» (нар.) (от *андан* «от него, от того места») [Толковый словарь карачаево-балкарского языка], *мында* «здесь», *анда* «там» (нар.) (от *мында* «у него (нее), у этого (этой)», *анда* «у него (нее)» [Кумыкско-русский словарь].

1.3. Словообразовательное значение слова

Словообразовательное значение в качестве самостоятельного типа языкового значения стало выделяться лишь с конца 50-х годов XX века. Однако исследователи семантики словообразования до сих пор по-разному понимают сущность словообразовательного значения. Это объясняется в основном следующими причинами: 1) отсутствием у словообразования как молодой отрасли языкознания еще окончательно сложившейся системы терминов и понятий; 2) исключительной сложностью выделения и описания почти всех разновидностей единиц в области семантики; 3) тем, что «раскрывая одну отличительную особенность словообразовательного значения за другой, лингвисты были долгое время сосредоточены на описании таких черт этого явления, которые были необходимы, но недостаточными» [Кубрякова 1981: 82].

Словообразовательное значение имеет множество дефиниций, которые зиждутся на аффиксальной, разностной и суммативной концепциях [Кубрякова 1981: 82-98].

Лексикологи, придерживающиеся первой концепции, при рассмотрении специфики производной лексемы указывают на то, что в ней налицо словообразовательная морфема, коррелирующая со значением словообразовательным. Так, по В.И. Максиму, «словообразовательное значение присуще именно аффиксам, а не ряду однородных производных» [Максимов 1973: 113]. Если исходить из этой концепции, в производной лексеме *бозачы* «человек, изготавливающий бузу» понятие «бузовар» репрезентируется благодаря словообразовательной морфеме *-чы*. Отождествление словообразовательного значения со словообразовательным аффиксом заставляет нас признать, что не все производные слова обладают словообразовательным значением. Например, лишены этого значения такие типы производных, как сложные слова [Ганиев 1982], производные, созданные путем конверсии, а также все другие безаффиксальные производные.

Словообразовательное значение отождествлялось и со значением производного слова. Это приводило «... к смешению лексического значения производного слова с тем серийным обобщенным значением, которое выражают производные одного словообразовательного ряда и не оправдывало необходимости в появлении нового термина для отражения именно этого последнего» [Кубрякова 1981: 83].

Против этой концепции решительно и, как нам думается, вполне справедливо возражают многие специалисты в области дериватологии [Карацук 1974: 11; Кубрякова 1977: 287-300 и др.].

Языковеды, трактующие словообразовательное значение исходя из разностной концепции, усматривают это значение как повторяющуюся в производящем и производном словах некую смысловую разность. Однако ведущие дериватологии такое мнение не поддерживают [Манучарян 1979: 151;

Кубрякова 1981: 91], считая подобную интерпретацию недостаточной для различения целого ряда признаков, характерных для синонимичных аффиксов.

Так называемая концепция суммативности, по мнению некоторых лингвистов [Каращук 1974: 10; Алексеев 1979: 8 и др.], стоит ближе к адекватному отражению словообразовательного значения, поскольку «направлена на установление повторяющейся суммы значений и производящей основы со значением аффикса» [Кубрякова 1981: 91]. Но и она не подходит, так как связана со словообразовательной морфемой. Ведь в безаффиксных производных ничто не суммируется, тем не менее, они имеют словообразовательное значение.

Суммативный подход учитывает взаимодействие компонентов словообразовательной модели, что в данном условии определяет словообразовательное значение слова «результатом воздействия категориального значения форманта на лексико-грамматическое значение производящего слова» [Соболева 1972: 174]. Однако при таком определении словообразовательного значения остаются не выясненными следующие вопросы: 1) каким образом формант влияет на значение производного слова? 2) почему форманту приписывается только категориальное значение? 3) чем отличается словообразовательное значение от лексического значения слова? Несмотря на все эти недоумения, рассмотрение отношения между компонентами производного слова является ключом к правильному определению словообразовательного значения как общего значения модели, а не дифференциального значения изучаемых ее частей и их общего содержания [Гинзбург 1975: 185; Кубрякова 1981: 96].

Чтобы на должном уровне определить словообразовательное значение, целесообразно выявить наиболее его релевантные признаки, отличные как от лексических, так и от грамматических типов значений. К таковым, как правило, относятся следующие:

1. Словообразовательное значение имеет место в рамках производных значений лексем, лексико-грамматическое же значение присуще и

производным, и непроизводным лексемам. Так как словообразовательное значение обнаруживает себя в производной лексеме, оно сопряжено с ее морфологической структурой и отличается, поэтому внутрисловностью [Кубрякова 1974: 31; Улуханов 1974: 122]. Значит, можно говорить о его тесной связи с семантической структурой производной лексемы.

2. Словообразовательные значения близки к значениям грамматическим. Имея свой определенный реестр, они характеризуются собственными средствами формальной репрезентации. Как и в грамматике, в словопроизводстве имеют место редупликация, аффиксация и другие способы образования новых лексем. Однако в словообразовательных значениях используются и некоторые специальные приемы, например: сложение полнозначных слов, разные типы аббревиации и т.п.

В тюркологии, как и в русистике, материальные средства обычно используются и для формообразования, и для словообразования, хотя удельный вес подобных средств в той или иной сфере образования единиц на морфологическом уровне в этих языках различен.

3. Словообразовательные значения входят в круг формально представленных значений, что сближает их с грамматическими значениями. Причина этого кроется в том, что указанные типы значений появляются в результате проведенной операции формального типа.

4. Словообразовательное значение характеризуется промежуточностью, так как ему присущи грамматические значения. Ориентированность на предметный мир сближает его с лексическим значением. Тем не менее, промежуточный характер словообразовательного значения Е.С. Кубрякова усматривает не в разной абстрагированности указанных значений, а в том, какое количество слов оно охватывает [Кубрякова 1981: 86], с чем нельзя не согласиться.

Однако такой характер словообразовательного значения не означает, что оно является частью грамматического значения, как считают некоторые исследователи. Например, по мнению В.В. Лопатина, «к грамматическому

значению могут быть отнесены и словообразовательные значения как обобщенные значения, выраженные внутрисловными средствами у части мотивированных слов той или иной части речи» [Лопатин 1990: 116].

На наш взгляд, следует согласиться и с М.Докулилом, по мнению которого, лексические значения принадлежат отдельным словам, грамматические – самым крупным объединениям слов, а словообразовательные – всем словам одного и того же словообразовательного ряда внутри грамматических классов слов [Докулил 1967: 7].

5. Функционирование с маркировкой определенного лексико-семантического класса слов. Лексическое значение определяется в рамках одного слова, грамматическое значение проявляется в привязке к слову, относящемуся к той или иной части речи, а словообразовательное имеют лексемы отдельной группы слов в рамках грамматического класса, характеризуясь при этом серийностью. Серия производных слов одного типа предполагает отражение одного значения. Так, в татарском языке, например, функционируют слова типа *борау* «бурав», *йамау* «заплата», *кырмау* «обруч», для которых присуще значение «предмет, служащий для действия, выраженного в основе». Указанное имеет место и в карачаево-балкарском языке: у глагольных лексем *салтала* (разг.) «ковать (молотом)», *оракъла* «срезать (серпом)», *кюрекле* «работать лопатой» – смысловое значение словообразовательного процесса – «производная основа указывает на предмет, при помощи которого осуществляется работа». Это подтверждает тот факт, что значение слова при словообразовании является подтверждением равнозначности значений слова в одном классе слов при словообразовании [Зенков 1969: 33; Максимов 1973: 112-113].

6. Фиксация обобщенного смысла производных слов одного типа. Данный признак свидетельствует о функции систематизации лексических значений слов языка [Онхайзер 1979: 66].

7. Словообразовательное значение позволяет классифицировать, категоризировать лексику языка. Это связано с тем, что словообразовательная

модель может способствовать преобразованию какой-либо части речи в другую (ср. в кар.-балк. *аман* «плохой» (*аман ёсюмлюк* «плохое растение») и *аман* «плохо» (*аман окъу* «плохо учиться»), *тюйюш* «драться» (*аны бла тюйюш* «драться с ним») *тюйюш* «драка» (*тюйюш барады* «драка идет») и др.). некоторые же модели предполагают словопроизводство через призму экспрессии или эмоциональности – (*улакъ* «козленок» – *улакъчыкъ* «козленочек», *анпа* «дедушка» – *анпа+ка*, *анпа+кай* (ласк.) «дедулечка» и др.). Однако производные лексемы с семантикой обобщенности «противостоят друг другу именно как разные семантические разряды или классы слов» [Кубрякова 1981: 88]. Это свидетельствует о том, что такие понятия, как «словообразовательная модель», «словообразовательное значение», будучи тесно связанными друг с другом, играют значимую роль в категоризации слов [Хидекель 1977: 15].

Конечно же, в имеющихся дефинициях понятия «словообразовательное значение» представленные выше признаки учитываются в недостаточной степени. В подтверждение приведем несколько толкований: производное слово образуется согласно определенной структурно выраженной модели [Зверев 1970]; словообразовательное значение проявляется в связи с влиянием на категориальное и лексическое значения категориальной семантики форманта [Соболева 1972: 174] и т.д.

Нам в большей степени импонирует дефиниция, представленная у известного специалиста в области дериватологии И.С. Улуханова: «сумма значений, отличающих все мотивированные слова данной модели от производных мотивирующих слов, можно считать значением словообразовательного процесса слов данной модели» [Улуханов 1980: 135]. Она в целом учитывает все те признаки, которые отмечены выше.

Исходя из этого, можно констатировать наличие отличий у словообразовательного значения по сравнению с лексическим и грамматическим значениями, что видно при сравнении производного слова и производящей основы. Рассмотрим карачаево-балкарскую производную

лексеми *бёркчю* «шапочник». Производящей основой к ней выступает слово *бёрк* «шапка», входящее в группу слов с семантикой «кийим» (одежда). Семантика производной лексики *бёркчю* – *бёрк этиучю*, *бёрк тигиучю уста* «мастер по изготовлению шапок» – детерминируется семантикой непроизводной лексики *бёрк*, т.е. здесь налицо наличие вторичного значения, мотивировочного. Первичная смысловая составляющая семантики производной лексики представляет собой облигаторную часть производящей лексики. Значит, при интерпретации значения производной лексики целесообразно учесть и однокоренную лексику, что неприменимо по отношению к непроизводным лексемам. Особенность производной семантики слова заключается в обязательности ее толкования ссылаясь на производящую лексику. «Не прямое описание соответствующего предмета действительности, а данное объяснение значения производных основ и составляет, – по мнению Г.О. Винокура, – собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов» [Винокур 1959: 421].

Словообразовательные значения бывают *общими* и *частными*. Общие значения обладают высокой степенью абстрактности и обобщенности, частные являются более конкретными и менее обобщенными [Николина 2001: 492]. Эти типы словообразовательных значений находятся между собой в родо-видовых отношениях. В этом можно убедиться сопоставив производные существительные с аффиксом *-чы/-чи*, *-чу/-чю*. Например, существительные *багырчы* «медник», *ташчы* «каменщик», *джылкычы* «коневод», *малчы* «скотовод», *чалкычы // чалгычы* «косарь», *оракчы* «жнец», *тракторчу* «тракторист», *танкчы* «танкист», *баскетболчу* «баскетболист», *футболчу* «футболист», *тарыхчы* «историк», *фельетончу* «фельетонист», *кьобузчу* «гармонист», *гитарачы* «гитарист», *массаджчы* «массажист», *иичи* «рабочий», *дарвинчи* «дарвинист», *мичуринчи* «мичуринец» и др. объединены общим словообразовательным значением «лица по отношению к предмету, названному мотивирующим словом». Это же значение состоит из множества частных значений: 1) лицо деятеля, изготавливающего из материала что-либо или

имеющего дело с материалом, обозначенным производящей основой: *багъырчы, ташчы*; 2) лицо, занимающееся уходом за животными, обозначенными производящей основой: *джылкычы, малчы*; 3) лицо, работающее с орудием труда, обозначенным производной основой: *чалкычы/чалгычы, оракчы*; 4) лицо, управляющее машиной, транспортным средством, механизмом и т.п.: *тракторчу, танкчы*; 5) лицо, занимающееся спортом, обозначенным производящей основой: *баскетболчу, футболчу*; 6) лицо, занимающееся умственным, творческим или научным трудом, обозначенным производящей основой: *тарыхчы, фельетончу*; 7) лицо, играющее на инструменте, обозначенном производящей основой: *къобузчу, гитарачы*; 8) лицо, занимающееся тем, что выражено производящей основой: *массаджчы, ишчи*; 9) лицо, являющееся сторонником или последователем течения, деятеля, обозначенного производящей основой: *дарвинчи, мичуринчи*.

Производные лексемы репрезентируют различные типы словообразовательных значений: значение персональности (*тилчи* «ябедник, доносчик»; *чурукчу* «сапожник», *чалкычы* «косарь»; *къарачайлы* «карачаевец», *къытайлы* «китаец»); разнообразные предметные значения (*къыргыч* «скребок», *чалкы/чалгы* «коса», *оймакъ* «наперсток», *къуйрукъ* «курдюк», *эшиме/эшимди* «коса (женская)», *джабыу* «покрывало, одеяло», *сыргъан* «стеганка»); значение локума (*къышлыкъ* «зимовье», *джайлыкъ* «выгон, пастбище, выпас, луг, летовка», *межам* «жилье, кров; помещение, здание», *орундукъ* «кровать, койка», *кюндюзлюк* (балк.) «навес (для скота)», *къоллукъ* «перчатка, рукавица, варежка», *каламтар* «ящичек для письменных принадлежностей»); субъективно-оценочные значения: уменьшительное (*джаишыкъ* «мальчик», *къызчыкъ* «девочка») ласкательное (*ариука* «красивенькая», *къызай* «девочка, девчонка», *джаишыу* «мальчишка»), уничижительное (*эришика* «некрасивая», *созукку* «неуклюжий»); собирательность (*джугурулукъ* «множественность», *кёплюк* «множество»); единичность (*тутхуч* «основание, основа», *тутум* «прочность, носкость (ткани)», *уютху* «закваска (для молока)») и т.д.

Производные лексические единицы призваны выполнять как в языке, так и в речи некоторые релевантные функции [Николина 2001: 293]. К ним относятся:

1) номинативная функция, т.е. лексема есть средство номинации реалий окружающей действительности, в том числе и новых. В пользу этого, например, свидетельствует появление новых видов деятельности, в силу чего в языке начали функционировать производные слова типа *бейсболчу* «бейсболист», *дрончу* «создатель дронов, управляющий дронами» и т.п.;

2) компрессивная функция, проявляющаяся в случае замещения дескрипций их сокращенными вариантами. Причем подобные лексемы в карачаево-балкарском языке – продукт влияния языка русского: *управляющий домом* → *управдом*, *заведующий гаражом* → *завгар*, *дипломатический курьер* → *дипкурьер* и т.д.;

3) эмоционально-экспрессивная функция: *ата* «отец» – *атай* (ласк.) «папенька» – *атака* (ласк.) «папочка», *буштукъ* «тряпка» – *буштукъла* «жадно есть; съесть, уминать, уплетать, набить что чем» (груб. прост.) и т.д.

Словообразовательное значение напрямую связано со способами словопроизводства и репрезентируется посредством различных морфем. Приведем ряд словообразовательных пар: *ач* «открывать» – *ачхыч* «ключ», *сеп* «брызгать» – *сепгич* «брызгалка», *тарт* «тянуть» – *тартхыч* «ящик (стола, тумбочки)», *тут* «держать» – *тутхуч* «ручка, держак», *чанч* «втыкать» – *чанчхыч* «вилка». В этом случае имеет место появление производных от глаголов действия имен существительных, характеризующихся дополнительным типовым значением «предмет». Словообразовательные их значения репрезентируются морфемами *-хыч*, *-гич*, *-хуч*. В словообразовательных же парах *тюз* «ровный» → *тюп-тюз* «очень ровный», *сары* «желтый» → *сап-сары* «очень желтый», *къызыл* «красный» → *къып-къызыл* «очень красный», *жашил* «зеленый» → *жап-жашил* «очень зеленый» производные адъективы с идентичной словообразовательной структурой

отмечены деривационной семантикой «очень», выражаемой префиксальными усилительными частицами.

Фактический материал, имеющийся в лексикографических работах тюркских языков, свидетельствует о том, что в них достаточно много слов, значения которых даются собственно описательно, тогда как необходимы соответствующие ссылки на производящие основы, ср.: *абирекчилик* «абречество» – занятие разбойничьими, грабительскими делами; *галтаманлык* «бедность» – *гарыплык*, *нукаралык* «бедность, нищета, нужда»; *басмачылык* «басмачество» – разбойничье движение, организованное контрреволюционными националистами в Средней Азии в период борьбы за укрепление Советской власти; грабеж, разбой; *бакджачылык* «огородничество, бахчеводство» – отрасль сельского хозяйства, занимающаяся выращиванием овощных (букв. «зеленых») культур [Толковый словарь туркменского языка]; *аблахларча* (нареч.) 1. «глупо, по дурацки» – *подон кишилердек* «как бестолковые, непонятливые люди»; *бакали* 1. «обильный, изобильный» – *мулкул*, *тукин-сочин* «обильный, изобильный»; *бузармокъ* 1. «бледнеть» – *ранги къув учиб*, *окъариб кетмокъ* «побелеть как стена, становиться бледным» (Толковый словарь узбекского языка); *бишаралыкъ* «бедность, нищета, нужда» – *сорлылыкъ*, *мюсепирлик* «бедность, нищета»; *борыштан* – «задолжать» – *бересили болу* «стать должником»; *къарыздану* «задолжать, влезть в долги»; *малайлыкъ* «батрачество, занятие батрака» – *киси есигинде джюрушилик* «работа по найму у частных лиц»; *джалшылыкъ* «батрачество» и т.д.

Такого рода дефиниции производных недостаточно адекватны, поскольку в них не принимаются во внимание семантические составляющие производящих основ. Приведенные толкования «не полностью раскрывают существующие живые, семантические связи между словами... как бы проливая свет на структуру определяемого слова, производя их соответствие с однокоренными словами» [Земская 1975: 114]. В них не учитывается живая внутренняя форма слова. Чтобы это было видно отчетливо, сравним приведенное здесь толкование производных *басмачылык* «басмачество» и

малала- «боронить, бороновать» с толкованием их в Толковом словаре киргизского языка: *басмачылык – басмачылардын бандиттик иштери, талап басып алуучулук* «бандитские действия *басмачей*, разбой, грабеж»; *малала – мала тартуу, топуракты майдалоо* «боронить, бороновать, размельчать почву». Эти определения адекватны, так как они отражают живую внутреннюю форму слов *басмачылык* и *малала*.

Главной целью работ по дериватологии является исследование взаимосвязи структуры слова и его значения, поэтому и важна задача, связанная с разработкой тех семантических дефиниций лексем, которые существенны для словообразовательного анализа. В толкованиях же, которые представлены выше, не обнаруживается сопряженность структуры и семантики лексем, а это весьма релевантно для дериватологии.

Выводы по первой главе

Как показывает проанализированный в данной главе фактический материал, между словообразовательными и лексико-грамматическими значениями слов обнаруживаются существенные различия.

При анализе зависимость смысловых составляющих слова выявляется связью между понятием и значением слова. Поэтому есть необходимость уточнять связь слова с понятием, чтобы выявить его лексическое значение.

На первый взгляд, понятие уже чем значение слова. В состав значения слова входит не только оценочный компонент, но и ряд других. Но в то же время понятие шире значения слова. Так как в состав значения слова входят лишь дифференциальные характеристики объектов. Что же касается понятия, то оно охватывает свойства более глубокие и существенные. Данные различия между значением слова и понятием возникают в результате того, что их рассматривают с разных сторон. С одной стороны, мы их рассматриваем логически, а с другой – согласно теории языка.

Лексическое значение слова предполагает его детерминированность реалиями окружающей действительности, сигнализирует о наличии различных отношений в системе лексических значений других слов.

Грамматическое значение слова есть его абстрактное значение, отвлеченное от конкретного лексического содержания его и присущее целому классу слов. В отличие от лексического значения грамматические значения не являются индивидуальными, одиночными.

Среди грамматических значений выделяются синтаксические грамматические значения и несинтаксические грамматические значения. В первых обнаруживается сопряженность форм слов в структуре сложных слов, свободных словосочетаний и предложений. Во вторых же репрезентируются различные свойства предметов, явлений и т.д., которые детерминируются окружающей человека внеязыковой действительностью.

Словообразовательное значение отмечено серийностью, характерно для одинаковой группы лексем в рамках определенного грамматического класса слов. Оно обнаруживает себя внутри производных лексем, тогда как лексическое и грамматическое значения наличествуют как в производных, так и в непроизводных лексемах.

Близость словообразовательного значения к значению грамматическому выражается в том, что они имеют определенный конечный реестр, отмечаясь своими средствами формальной представленности.

Исходя из указанных особенностей, словообразовательным значением является новое значение, возникающее в производном в результате соединения данной отсылочной части с данной формантной частью и в результате самого формирования этих частей в акте словообразования.

ГЛАВА 2. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ И ПОЛИСЕМИЧНОСТЬ СЛОВА

2.1. Типы лексических значений слов

В существовании слова не все составляющие части его лексико-семантической структуры выполняют одинаковые функции. Одна из них является его ядром, остальные, являясь второстепенными, его дополняют.

Тип лексического значения определяется соотношением основной и дополнительной составляющих частей значения.

Для выявления разновидностей предметных значений слова необходимым является: 1) изучение исторических трансформаций семантики лексем; 2) интерпретация одних значений слов через другие значения; 3) установление сферы распространения слова в одном или другом значении; 4) определение узувального характера значения. Связывая с тем, какой из этих показателей находится в центре сравнения содержания слов, В.В. Виноградов различает следующие разновидности лексических значений слов: 1) буквальные и метафорические; 2) основные и окказиональные; 3) номинативные и экспрессивно-синонимические; 4) синтаксически связанные и несвязанные: а) устойчиво связанные и б) конструктивно обусловленные [Виноградов 1953].

Многие ведущие лексикологи-русисты в своих исследованиях развивают и уточняют в дальнейшем данную классификацию значений, выдвигают классификацию, которая в некоторой степени отличается от стратификации В.В. Виноградова.

Думается, что к материалу тюркских языков больше всех подходит классификация М.И. Фоминой. Она учитывает следующие наиболее релевантные признаки, сопряженные с семантикой слов: а) специфика связи лексической семантики с действительностью; б) их лексико-семантическая мотивация; в) лексическая связанность; г) специфика функции номинации

[Фомина 1990: 36-44]. При этом актуализируются такие значения, как буквальные и метафорические, мотивированные и немотивированные, связанные и несвязанные, номинативные и экспрессивно-синонимические.

Буквальные и метафорические значения. Для буквальных значений присуща знаковая репрезентация реального или воображаемого объекта окружающей действительности, ср.: *джелкѳуш* «жердь над волом от кузова арбы до ярма (чтобы сено при погрузке не ложилось на спину вола)», *джингирик* «локоть», *дауур-сууур* «гвалт, галдеж». Текстовые примеры: *Ол джелкѳушну тап орнатды* «Он правильно установил джелкуш»; *Кѳыз джѳнгѳерине джѳнгириги бла кѳатылды* «Девушка тронула локтем свою подругу»; *Дауур-сууур кѳнге дѳри тохтамады* «Галдеж долгое время не прекращалась».

В метафорическом обобщѳнном значении предмет рассматривается не буквально, а под другим, косвенным, углом зрения, т.е. с помощью употребления других значений слова. Оно образуется в процессе переноса наименований одного предмета на другой, находящийся непосредственно рядом, имеющий общую границу, например, *кѳол* «труд, усилие» – целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей, необходимых для жизнедеятельности людей, символ власти, владычества отмечается не только в традиционных лексикологических исследованиях, но и в работах, посвященных этнокультурным характеристикам лексики [Кетенчиев 2010; Кетенчиев, Аппоев 2011].

Текстовые примеры: *Бизде бусагѳатда болгѳан зат бары халкѳны кѳолу бла этиледи* («Ленинни байрагѳы», 1981, №64.) «Все то, что имеется у нас сейчас, делается руками народа»; *Оноу толусу бла буржуазияны кѳолуна тюшдѳ* («Ленинни байрагѳы», 1974, №53) «Власть полностью находится в руках у буржуазии».

Метафорические значения слова делятся на генетически метафорические и собственно метафорические значения.

Генетически переносные значения, как и лексемы с прямыми значениями, употребляются для обозначения различных элементов окружающего мира [кар.-балк. (*тауну*) *этеги* «подножие (горы)» от *этек* «подол», (*ийнени*) *кёзю* «ушко (иголки)» от *кёз* «глаз»] и не обладают эмоционально-экспрессивной окраской, а признак переносности проявляется в силу метафорической осмысленности. Фактически же они развиваются на базе ведущего значения и по отношению к нему являются производно-номинативными.

Собственно переносные значения, в отличие от генетически переносных, обладают экспрессивно-эмоциональной окраской и обычно возникают на базе метафорического переноса. Если слова с генетически переносным значением только называют явления действительности, то слова с собственно переносным значением, помимо этого, еще изображают, живописуют их – на базе сравнения признаков [Туркина 1977: 28], ср.: кар.-балк. *Дуния* *адам жыйылып эди арбазда* (Гуртуланы Э.) «Много (букв. «мир, вселенная») народу собралось во дворе»; киргиз. *Джигиттиктин бир кезде ётюн кетти базары* (Тоголок Молдо) «Прошло когда-то и веселье молодости».

Среди слов, употребляющихся в переносном значении, немало обозначающих понятия специальной области знания и деятельности. Значения таких слов обычно называют специальными значениями; ср.: кар.-балк. *къыз* 1. «девушка»; 2. «дочь»; (*карт.*) «дама»; киргиз. *бёлгюч* 1. «делящий, разделяющий»; 2. (*мат.*) «делитель»; *ат* 1. «конь, лошадь»; 2. (*спорт.*) «конь (шахматная фигура с головой лошади)»; узбек. *без* 1. «желвак»; 2. (*анат.*) «железа» и др.

Окказиональные и неокказиональные значения. Подобные значения можно выявить, исследуя исторические трансформации семантической структуры слова. Неокказиональное значение слова – это этимологическое, собственное значение его, а окказиональное – такое, которое образовалось как вторичный этап языковой номинации на основе собственного, этимологического. Неокказиональное значение не мотивируется, так как оно первоначальное. Окказиональное значение мотивируется этимологическим,

поэтому его именуют производным. Неокказиональные (немотивированные) значения свойственны как однозначным, так и полисемантическим словам. Значения окказиональных слов объясняются через значения или через прямое и переносное значения неокказиональных слов. Например, значения слов *боша* «заканчивать, завершать», *бошат* «заканчивать, выливать, опракидывать»; *бошай* «слабеть, стать более тугим, упругим, натянутым»; *бошайт* «расслабить, ослабить»; *бошам* «слабый, расслабленный (не тугой)»; *бошамлыкъ* «1. Слабость, расслабленность; 2. Рыхлость»; *бошбел* «ленивый».

Значения слов *акъыллаш* «советоваться»; *акъыллы* «умный»; *акъыллылыкъ* «мудрость, сообразительность, смыслённость»; *акъылман* «умный, мудрый», *акъылманлыкъ* «мудрость, разумность», *акъылсыз* «глупый, неумный», *акъылсызлыкъ* «глупость, безрассудство, безумие, безумство, несообразительность», мотивируются значением слова *акъыл* «ум, рассудок, разум, интеллект».

Если значения некоторых слов, образованных с помощью слова *акъыл* «ум, рассудок», мотивированы прямым значением этого слова, то значение глагола *акъыллаш* «советоваться», образовано от именной основы и аффикса *-лаш*, мотивировано переносным значением.

Специфика мотивированности окказиональных значений имеет схожую интерпретацию. Значения слова в целом признаются мотивированными при его окказиональном характере. Их значения детерминируются различными значениями какой-либо мотивирующей лексемы. Так, значения лексемы *суулу* «1) влажный, мокрый, сырой; 2) заболоченный с большим количеством почвенной влаги; 3) сырой (туман, воздух и т.п.)» мотивируются прямым значением слова *суу* «вода», а у слова *суусуз* прямое значение «безводный».

У некоторых слов все окказиональные значения мотивируются и этимологическими значениями, например, в слове *боюн* второе значение мотивируется первым: *боюн* 1. «шея» – соматическая часть организма. 2. *перен.* «шейка, узкая часть чего-л.». У других лексем окказиональная семантика базируется на буквальных или переносных значениях. Так, в лексеме *борбай*

его окказиональная семантика детерминируется ее прямым значением «нижняя тонкая часть голени до щиколотки» – соматическая часть, а с другой стороны, мотивированность метафорических значений в содержательном отношении имеет сочетаемость: переносные значения 3. «богатство, состояние» мотивировано переносным значением 2. «сила» [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 1996, Т. I: 478].

Связанные и несвязанные значения. Многие значения слов состоят из контекстуальных значений, позволяющих определить их общее содержание, например, слово *баиш* в словосочетаниях *баиш сёз* «главное (определяемое) слово», *баиш кюн* «понедельник», *баиш айтым* грам. «главное предложение», *баиш айырма* грам. «основной залог», *баиш бармакъ* «большой палец», *баиш болуш* грам. «основной падеж», выражая различные понятия, имеет контекстуальное значение.

Некоторые исследователи, признавая наличие контекстуального значения, считают, что слово не может функционировать без синтагматической обстановки. Большинство учёных опровергают данную точку зрения и придерживаются другой.

Л. Ельмслев отмечал, что ни один знак в самостоятельном употреблении в изолированной форме не имеет определённого значения, то или иное знаковое значение появляется в словесной обстановке, под которой подразумевается «поле употребления» или явно выраженный контекст (эксплицитный). В процессе употребления в тексте контекст ситуативного плана приобретает эксплицитный характер [Ельмслев 1960: 303-304].

В лингвистике такое мнение не всегда поддерживается. Языковеды, не принимая его, приводят и рассматривают другие позиции. Д.Н. Шмелев, опровергая положения Л. Ельмслева, считает, что лексические значения, их сочетание в конструкции может быть только случайным и поэтому с точки зрения обозначения они не располагают лексико-семантической структурой [Шмелев 1973: 157].

Некоторые лингвисты, поддерживая точку зрения функционирования независимых от словесной обстановки лексических значений, продолжают уделять внимание контексту как форме организации дополнительного значения, в то же время, с другой стороны, ограничивая неконтекстуальное, автономное функционирование значений. Они полагают, что лексема вне «поля употребления» выявляет только общую конструкцию значений, т.е. общее или главное значение, в то время как ее синтагматическое значение употребляется не на языковом уровне, а на речевом уровне, выявляя окказиональный характер [Baldinger 1980; Якобсон 1985 и др.]. Ряд специалистов в области лексикологии к характерной особенности лексического значения относит общее его значение [Сорокин 1960: 64].

Многие ученые отвергают подобные точки зрения, так как в них не берутся во внимание отличительные особенности контекста, учитывающие употребление определенных синтагматического плана связей лексем, которые выводятся из самой системы и контекста, и благодаря им целостно раскрываются коннотативные значения [Шмелев 1973: 158]. Рассмотрим лексему *гюрен* «круг». Она в свободных сочетаниях слов имеет два значения: 1) круглая площадка (напр. для скачек, танцев) или очерченный круг, (пространственное значение слова *гюрен* определяется в словесной обстановке); *гюренге къарайды* «смотрит на площадку»; 2) сомкнутая цепочка (людей): *гюренни арасында* «среди сомкнутой цепи людей». Разница между этими значениями заключается в том, что они большей частью обусловлены синтагматически, а в меньшей – парадигматически (там же). На основании данного положения можно считать, что пространственное значение слова *гюрен* является несвязанным.

Несвязанные значения выражают значения независимых и свободных сочетаний.

Свободными являются в карачаево-балкарском языке значения таких слов, как *белаууз* «рубец (напр. на лезвии ножа), зарубка», *гёген* «кувшин (с длинным горлышком), *гида* «топор». Они имеют свободную сочетаемость, ср.

белаууз (жангы «новый», *терен* «глубокий», *эски* «старый», *гёген* (*узун* «длинный», *жангы* «новый», *эски* «старый»), *гида* (*гитче* «маленький», *жангы* «новый»). Необходимо помнить, что свободные значения возникают при логически допустимом контексте.

Например, слово *белаууз* «рубец» не может сочетаться с атрибутивными словами *акъыллы* «умный», *жарыкъ* «светлый», *къакъ* «вялый, сухой». Свободная лексическая сочетаемость слов выявляет определенные ограничения, связанные со структурой слов. Это подтверждают вышеприведенные примеры [Фомина 1990: 382]. Слова, которые могут сочетаться со многим количеством слов за пределами контекстуального значения [Шмелев 1990: 382], являются свободными, учитывающими предметно-логические связи.

Слова выявляют и другие значения, имеющие ограничения в своем употреблении, которые могут функционировать только в сочетании лишь с отдельными словами. Такие значения квалифицируются как связанные, несвободные. Связанные значения отличаются от свободных только пассивной сочетаемостью, синтаксической функцией, грамматическими особенностями. Учитывая данное обстоятельство, следует отметить, что несвободные значения фразеологически неделимы, синтаксически мотивированны, а также окказионально ограничены.

Для фразеологически связанного значения присуще специфическое лексическое значение. Оно функционирует и образуется только в конструкции фразеологического оборота или в других устойчивых единицах языка. Существование лексем с подобными значениями характеризуется не столько отношениями предметнологическими, сколько зависит от закономерностей функционирования лексико-семантической системы. Больше всего такого рода значения обнаруживаются в карачаево-балкарском языке у глаголов и адъективных лексем, хотя встречаются и у субстантивных слов.

Фразеологически связанными значениями отмечены, например, субстантивы *бёрк*, *бел*, *бет*, *баи*. Они раскрываются в сочетании со словами

алыу «снятие» (*бёрк алыу* «снятие шапки (во время свадьбы)»), *байларгъа* «завязывать» (*бел байларгъа* «собратиться, вдохновляться»), *орам* «улица» (*бет орам* «облик человека»), *жулургъа* «заглаживать, искупать» (*баи жулургъа* «снять обвинение»).

Текстовые примеры:

Муталиф, киеуню бёркюн эслетмей алып, ахчасыз бермезге деп тохтады «Муталиф незаметно снял с головы зятя шапку и без выкупа решил не отдавать» [Жарашуева, 105].

Партизанла ахыр патроннга дери душман бла жагъалашыргъа бел байлагъандыла [Токъумаланы Ж., Къурч бюгюлмейди, 368] «Партизаны собрались до последнего патрона сражаться с врагом».

Кёз аллыма чыкъгъанды бет орамынг, кишиликден сордунг сен нек эсе да [Гуртуланы С., Ныхытла, 83] «Перед глазами у меня возник твой облик, почему-то ты спросил у мужества».

– *Къарындашым, къоркъма, терс туююл эсенг, суд башынгы жулур* [Жарашууланы З.] « – Брат мой, не бойся, если ты не виноват, то суд снимет с тебя обвинения».

Фразеологическое значение устойчивых сочетаний выявляется в синтагматических связях с несколькими словами. Например, каждое из слов *иш* «работа», *къол* «рука», *от* «огонь», *суу* «вода», *сют* «молоко», *тары* «просо», *таиш* «камень» употребляется с двумя и более словами: *иш тохтатыргъа* «обосновать, закрепить дело», *къол айырмазгъа* «работать непрерывно, без усталости», *от башы* «почетное место», *суу аууз* «след реки в горном ущелье», *сют иерге* «любить кого-то», *тары хатлама* «отрицать что-либо», *таиш-топуракъ* «очень много (людей)».

Эти же слова могут сочетаться с тремя словами, создавая более глубокую, объёмную фразеологизированную структуру: *иши-кючю болмагъан* «бездельник, бестолковый, распущенный»; *къол сырты бла къараргъа (узалыргъа)* «сделать безразличным, нечтимым, не вложить душу»; *от да иши да кюймезча (этерге)* «выполнить дело так, чтобы оно устраивало обе

стороны»; *суу башы кесген* (сакълагъан, тыйгъан д.а.к) эмегенча «не дающий власти, толку, свободы»; *сют башында кёмюк кибик жашаргъа* (турургъа) «жить без проблем, припеваючи»; *тары бюртюк кибик* «маленький, незначительный»; *таш тюшген жеринде кългъанлай* (масхара) «человек, живущий на одном месте».

Среди фразеологически связанных значений, входящих в состав сочетаний, могут отмечаться и синонимические отношения: *суу агъартхан* «разбавленный водой айран, состоящий большей частью из воды» или *суу агъартыргъа* «разбавить айран водой, сделать жидким»; *суугъа кетерге* «испортить что-то» и *суугъа къуйдуругъа* «сделать труд напрасным».

Текстовые примеры:

– *Дуня башы тубюне болгъанды, не башына, не тубюне тюшмей да кълалай кълалгъын.* – *Къазакъ, туруп, суу агъартхан ичди* [Толгъурланы З., Жетегейле, 88] « – Когда на свете все переворачивается, как остаться так, чтобы не оказаться внизу или наверху. – Казак встал и выпил разбавленный айран».

Жарлылыгъыбызны айтсакъ, жарамайды. Суу агъарта туругъуз деп, бир ийнек бермегендиле, ай сайын бирер пуд нартюх ун бередице [Кациланы Х., Сайламала] «Не годится, если расскажем о нашей бедности. Не дали нам хоть одной коровы с тем, чтобы сделать айран жидким, разбавив водой, ежемесячно дают по одному пуду кукурузной муки».

В некоторых случаях фразеологически единое значение имеет не все существительное, а какое-либо его значение.

Фразеологический связанное значение в подобных случаях выступает как средство расчленения многозначного слова: ср. **сый** 1. Уважение, честь, почтение; 2. *перен.* «цена, значение». В первом случае слово **сый** сочетается с глагольными основами, во втором – также с предикативными основами.

Другие примеры – **бет**¹ 1. «лицо (о человеке)», и **бет** *перен.* «совесть, стыд»; **бет** «склон (н-р горы, холма и т.п.)»; **бет** «поверхность (н-р воды, земли)»; **бет** «страница» (н-р книги, газеты). Слово **бет** во всех своих значениях имеет ограниченную сочетаемость.

Текстовые примеры: *Юсюп бир арада, стол артындан ёрге туруп, тынгылагъан адамланы бетлерине тюрслеп-тюрслеп къарайды* [Гуртуланы Б. Жангы талисман, 75] «Юсюп, иногда стоя за столом, пристально смотрел в лица молчаливых людей».

Аш кетер да бет къалыр (Нарт сёз) «Еда уйдёт, останется совесть».

Тау бетледе, жемии басхан садлада салкъын аяз шуу-шуу эте барады [«Шуёхлукъ», №55, 7] «На склонах гор в садах, полных плодами, продувает прохладный ветерок».

Мамукъча акъ булутла кёкню бетин жапхандыла [Байрамукъланы Х. Къарчаны юйдегиси, 58] «Белые как хлопок облака закрыли поверхность неба».

Алчы звенону сураты газетни ал бетинде чыкъды [Гыттыуланы М. Ачыкъ жүрекле, 139] «Фотография передового звена вышла на первой странице газеты».

Особое положение среди типов лексических значений, образованных на основе синтагматической сочетаемости, уделяется синтаксически мотивированным, отличающимся от других типов значений, т.е. синтаксические особенности слова участвуют в организации его лексико-семантической структуры [Виноградов 1953: 24].

Среди синтаксически мотивированных значений встречаются и переносные. Например, слова *ит* «собака», *тюлкю* «лиса», *къанатлы* «пернатое» в предложении выступают в функции подлежащего или дополнения и употребляются в прямом значении: *Ит жеринде кючлю* [Нарт сёз] «Собака сильна на своём месте»; *Эртте-эртте бёрю, тюлкю, айыу бир къош болуп жашагъандыла* [«Малкъар халкъ жомакъла», 134] «Давным-давно волк, лиса, медведь жили в одной кошаре»; *Тюени жолуну ызындан къанатлы, къумурсха да тизилип бара эдиле...* [«Къарачай халкъ таурухла», 183] «По пути верблюда шли выстроившись птицы, насекомые...».

Именные основы в некоторых случаях выполняют функции, не присущие для них. К таковым относятся сказуемостная функция, роль выделенного атрибута или же приложения. Они зачастую употребительны как обращения, а

также могут иметь при себе местоимения с семантикой указания. При этом для них более релевантно контекстуальное значение, т.е. это значение раскрывается в синтаксическом окружении.

Текстовые примеры:

[Шульц:] *Не эсе да, фрау Берта, сен, ит чибинчикча, кьуру мени кьабаргьа кюрешип тураса* [«Шуёхлукъ», №77, 124] «[Шульц:] Фрау Берта, почему-то ты как оса все время хочешь меня ужалить».

– Бу, Чомай, ... хыйлачы тюлкюдю, – деп, Бийсолтанны кёлюне алай келди [Байрамукульаны Х., Чолпан, 36] «– Он, Чомай, ... хитрая лиса, – пришло ему в голову».

Зарият, кьалай эсе да тирилгенча, кьанатланганча кёрюндю [Хубийланы О. Адамла, 128] «Зарият как-то кажется оживлённой, вдохновлённой, окрылённой».

С другой стороны, существуют и такие значения, которые выявляются в некоторой степени грамматически оформленном окружении, именуемом конструктивно-дифференцированным.

Употребляясь в составе различных синтаксических конструкций, контекстуальные значения имеют дифференциальные особенности в пределах многозначного слова. Кроме того, они отличаются от других разновидностей значений.

Конструктивно ограниченным значением часто слова выступают в тексте в позиции второго компонента изафетного сочетания: *тёш* «холм, возвышенность» – *тёшню башы* «вершина холма»; *тау* «гора» – *тауну этеги* «основание горы»; *кече* «ночь» – *кечени бели* «середина ночи»; *кьол* «рука» – *кьолну аязы* «ширина ладони»; *кёз* «глаз»; – *кёз башы* «брови». Буквальные значения отмеченных слов имеют в структурно-семантическом отношении неограниченные возможности.

Другие же значения употребляются ограниченно, т.е. обнаруживаются лишь в составе изафетного сочетания, что и разграничивает их: *джагьа* 1. «ворот, воротник», 2. «берег» (*кьобан джагьасы* «берег реки», *тенгиз*

джагъа «морское побережье»), *тиш* 1. «зуб», 2. «зубчик, долька, зубья» (*сохан тиш* «луковица», *таракъ тиш* «зубья расчески»), *бутакъ* 1. «ветка», 2. «зубья грабли» (*айрыны бутакъы* «зубья грабли»), *къулакъ* 1. «ухо», 2. «ушко» (*челек къулакъла* «ушки ведра»), 3. «бахрома» *джаулукъну къулакълары* «бахрома платка (шерстяного)», 4. «спинка» *шинтик къулакъ* «спинка стула» и т.п. Первые основные значения данных лексем в структурном отношении не подвергаются ограничениям: *джагъа* 1. «воротник – элемент одежды, облегающий шею», *тиш* 1. «зуб – орган человека или животного, служащий чтобы откусывать и пережевывать пищу», *бутакъ* 1. «ветка – боковая составляющая растения», *къулакъ* 1. «ухо – орган человека или животного, предназначенный для того, чтобы слышать». Остальные значения по своей структуре имеют определенные ограничения. Они выявляются лишь в изафетной конструкции и это выявляет их различия: *джагъа* 2. «берег, побережье»; *тиш* 2. «зубчик, долька, зубья – острая составляющая какого-либо механизма, плодовая часть некоторых растений»; *бутакъ* 2. «зуб – элемент граблей»; *къулакъ* 2. «ушко – приспособление предмета для подвешивания или подъема».

Текстовые примеры:

Солургъа келгенле тенгиз джагъада кеслерине орун алдыла [Гуртуланы Э.] «Приехавшие на отдых заняли себе места на берегу моря».

Къарт ата ийнек мюйюзлени джонуп сенекни бутакъларына кийдирди [Тёппеланы С.] «Дедушка, обточив рога коровы, насадил их на зубья вил»/

Къызчыкъ, боюн джаулукъну болгъан бутакъларын да этиб бошагъынчы, къобаргъа излемеди [Шауаланы М.] «Девочка не захотела встать с места, пока не закончила делать все петли бахромы шарфа».

Зарифат, орундукъну къулагъыны къатына келиб, ауругъанны къолун тутуб, сёлешиб тебреди «Зарифат, подошла к спинке кровати, взяла больного за руку и начала говорить».

Сарысмах тишлени айырып, амма аланы джерге орнатды [журн. «Минги-Тау»] «Перебрав зубчики чеснока, бабушка посадила их в землю».

Это свидетельствует о том, что значения, связанные между собой фразеологически, могут существовать в различных устойчивых сочетаниях, фразеологических группах слов. При этом они структурно ограничены в свободных дескрипциях, но в рамках высказывания обнаруживается их синтаксическая обусловленность.

Номинативные и экспрессивно-синонимические значения. Собственно номинативная семантика лексемы сопряжено с отражением предметов и различных явлений, существующих в окружающей действительности. Как справедливо отмечает В.В. Виноградов, это «опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений» [Виноградов 1977: 171]. Лексемы такой семантики имеют эмоциональные и экспрессивные составляющие, хотя они могут и отсутствовать. Так, лексемы с такими составляющими *суучукъ* «водичка», *таракъчыкъ* «расчесочка», как и лексемы без них (*суу* «вода», *таракъ* «расческа»), относятся к лексемам с выраженным номинативным значением. В них эмоциональность и экспрессивность не являются превалирующими. Они вступают в сочетаемостные отношения с другими словами достаточно регулярно, насколько позволяет их языковое окружение, что отмечается в специальных научных исследованиях [Ахматова 2015; Ахматова и др. 2022].

Если эмоционально-оценочный компонент в семантике лексем перевешивает, то речь идет об экспрессивно-синонимическом значении, специфика которого заключается в том, что «на предметно-понятийное ядро наслаивается закрепленная узусом эмоционально-экспрессивная окраска» [Туркина 1977: 18].

Лексемы экспрессивно-синонимической семантики функционируют в языке в статусе экспрессивных синонимов слов, имеющих номинативное значение и выполняют роль сигнификатов. Сравним номинативную семантику лексем *аякъ* «нога», *джурт* «жилище, дом», с семантикой их стилистических синонимов *галаган* «нога (чрезмерно большая)», *тозурама* «обветшалый (в значении лачуга)». Слова могут иметь одновременно как номинативную, так и

экспрессивно-синонимическую семантику. Так, у лексем *тонгуз*, *эшек* номинативными являются значения «свинья», «ишак, осел», а экспрессивно-синонимичными – «неопрятный человек», «невежда». Значит, тип значения лексем может трансформироваться благодаря определенным условиям, контексту.

Лексем, отмеченные экспрессивно-синонимической семантикой, в языке функционируют наравне со словами собственно номинативной семантики, «однако воспринимаются в сознании носителей языка по ассоциации с их номинативными синонимами» [Фомина 1990: 42]. Наличие лексем экспрессивно-синонимической семантики свидетельствует о том, что в языке существуют и нейтральные слова, которые стилистически маркированы.

Текстовые примеры:

[Асхат Залимге:] *Сен менге иһнан, бу мырка юй джумушгъа хайырлыды, ол сени аджирингден* [Залийханланы Ж.] «[Асхат Залиму:] Ты мне поверь, моя старая кляча полезней в домашнем зозьяйстве, чем твой конь».

Дюгербийланы юйлерини артында тау тубюне къысылыб тургъан гыты Ибрахимникиди [Гуртуланы Б.] «За домом Дюгербия, под горкой, находится лачуга Ибрагима».

[Азнор:] «**Шалбарымы** джетдир», – *деб къатыннга айтыб бир кёрейим бусагъатдан* [Будайланы А.] «[Азнор:] «Вышли мои штаны»: попробую сказать жене сейчас».

Къабарыкъ джарашдырыргъа керекди гитчелеге [Кациланы Х.] «Необходимо приготовить хавчик мелким».

Шимир [душманны] гаясы кенгине джыйылмаздан ачылыб, аракъыдан толуб тургъан башы тёрт джанына чачылыб атылыр [Гуртуланы Б.] «Мерзкая пасть [врага] широко раскрывшись, чтобы не закрыться, не трезвый же мозг будет разбросан на все четыре стороны».

[Майрусхан:] *Биз да гедеш кибик этиб, анда джашайбыз* [Тёппеланы А.] «[Майрусхан:] «Что касается нас, мы тоже соорудили сарайку, где теперь живем».

2.2. Полисемичность слова

2.2.1. Соотношение значений полисемичных слов

Языковеды-лексикологи традиционно считают, что значения полисемантической лексемы сопряжены с определенной стержневой семантикой, а «многозначное слово представляет собой микросистему, в которой значения взаимосвязаны» [Юлдашев 1972: 376; Прохорова 1980: 32]. Вместе с тем соотношение между основным и производными значениями полисемантических лексем все еще до конца не выяснены.

В связи с данной проблемой релевантным следует признать вопрос о самостоятельности или тождественности значений полисемантической лексемы. Лексические значения слов самостоятельны в силу того, что они репрезентируют некоторые понятия, которые могут быть связаны с различными лексико-грамматическими группами слов. Так, у лексемы *кьол* значение «рука» соотносится с лексико-семантической группой «соматизмы» (*аякъ* «нога», *баиш* «голова», *бел* «поясница», *боюн* «шея», *кёкюрек* «грудь», *кьарын* «живот», *эрин* «губа» и т.д.), а значение «символ владычества» – с лексико-семантической группой «власть, владение» (*бийлик* «господство, власть», *ханлыкь* «область, государство, управляемое ханом»).

Обнаруживаются расхождения в типах значений, т.е. основное значение является чисто номинативным, а производное – экспрессивно-синонимическим.

Образуются отдельные пары антонимов: *кьол* «рука» – *аякъ* «нога», *кьол* «труд, усилие» (*биреуню кьолу бла этерге* «выполнить усилиями кого-либо») – *эринчеклик* «лень».

Обнаруживаются потенциальные различия при образовании синонимов: *кьол* «рука, кисть» – *билек* «рука (конечность)», для значения же «подпись» синоним невозможен.

В прямом значении рассматриваемое слово обычно сочетается с препозитивными адъективами, обозначающими размер: *узун кьол* «длинная

рука», *къысха къол* «короткая рука», *уллу къол* «большая рука», *гитче къол* «маленькая рука». Для переносного значения «подпись» имеем дескрипции с глаголами: *къол сал-* «поставить подпись», *къол къой-* «оставить подпись».

Можно отметить и словообразовательный потенциал. От основного значения представленного слова образуются лексемы (простые и сложные), относящиеся к различным частям речи: *къол* «ущелье», *къол аяз* «ладонь», *къоллукъ* «перчатка, рукавица», *къолтукъ* «подмышка» (имена существительные); *къолсуз* «безрукий» (имя прилагательное); *къол бла* «вручную» (наречие); *къолла-* «присваивать что» (глагол). Переносные значения этого слова в словообразовательном отношении ограничены, например, для значения «труд, усилие» это невозможно.

Рассмотренные выше значения, хотя и несколько самостоятельны, они не влияют на общую тождественность лексемы *къол*. Но, чтобы объединить репрезентируемые понятия в рамках одной лексемы, важны определенные факторы, к которым относятся:

1. Одинаковое звучание. Правда, не все лексемы одинакового фонетического облика можно объединить в границах одной лексической микросистемы: *бёлек¹* «несколько» (неопределенное имя числительное), *бёлек²* «часть» (имя существительное). Семантических отношений для их идентификации недостаточно.

2. Лексико-семантические отношения для значений лексемы, что зиждется на значимых семантических ассоциациях. Здесь в первую очередь речь идет о метафоре, ср. *къол¹* «рука» и *къол²* «ущелье».

Возможность образования производных значений в силу переноса номинации с одного предмета на другой свидетельствует в пользу того, что номинация первого предмета является основной, а не производной. Но в терминологии первичное значение интерпретируется по-разному: общее значение [Якобсон 1985], главное значение [Курилович 1955: 81], обобщенное значение [Кузнецова 1983: 27], ведущее значение [Юлдашев 1972: 380-381].

Мы же, как и большая часть лексикологов, придерживаемся понятия основное значение.

Конечно же, выделение основного значения полисемантической лексемы представляется достаточно трудным, что видно из имеющейся научно-теоретической литературы [Шмелев 1973: 78, Туркина 1977: 23]. Относительно ядерного признака основного значения лексемы говорят об объеме значения, частотности употребления и воспроизводимости. Но они не могут полностью отразить смысл данного понятия. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим прямые и производные значения следующих лексем: *эрин*, *чалгъы*, *тамыр*.

ЭРИН

1. «Губа – часть тела человека и животных»: *базыкъ*, *иничге*, *къургъакъ*, *къызыл*, *мылы* *эрин* «толстая, тонкая, сухая, влажная губа»; *адамны*, *жаньуарны*, *хайьуанны* д.а.к. *эрини* «губа человека, зверя, животного и т.п.»

2. «край, уступ горы, скалы и т.д.: *жарны*, *къаяны*, *тауну* д.а.к. *эрини* «край оврага, уступ горы, скалы и т.п.»

ЧАЛГЪЫ

1. «Коса – инструмент, используемый в сельском хозяйстве для кошения травы. Он представляет собой длинное, дугообразное лезвие: *джютю* *чалкъы* «острая коса», *чалкъыны* *табла* «отбить косу», *чалкъыны*

2. «косьба, сенокос – период заготовки сена»: *чалгъы* *башиланды* «начался сенокос», *чалгъыгъа кириши* «приступить к косьбе», *чалгъыны боша* «закончить сенокос», *чалгъыда ары* «устать во время косьбы»,

сабы «косовище», *чалкъы* *чалгъыны* *заманы* «время
чыбыгъы «бортик косы». *косъбы*».

ТАМЫР

1. «корень»: *тамырдан* *ёсерге* «вырастать из корня», *базыкъ тамыр* «толстый корень», *тамыры кесилди* «корень срублен», *тамыр къаз* «выкопать корень», *терекни тамыры* «корень дерева».
2. «основа, начало»: *ишни тамыры* «основа работы», *сёзню тамыры* «корень слова», *жюрек тамыр* «сердечная жила», *кючню тамыры* «основа силы», *тукъумну тамыры* «корень рода».

Фактический материал языка не позволяет говорить о том, что вторичные или переносные значения лексем обладают большим функциональным потенциалом, чем их основные, прямые значения. Лексемы проанализированного типа широко распространены в каждом языке, а в карачаево-балкарском языке частотность их употребления не подвергалась исследованию. В силу этого специалисты в области лексикографии при составлении словарей полагаются лишь на свое лингвистическое чутье.

Важным представляется и учет структуры лексемы, чтобы осмыслить ее семантику, однако этого тоже мало.

Безусловно, значения лексем различаются и по широте функционирования. Так, прямые значения слова *хапар* связаны с репрезентацией таких понятий, как «весть, новость», «повествование о чем-либо», «знание», «слухи», «рассказ». Значит, данная лексема характеризуется широтой употребления, о чем свидетельствуют следующие примеры: *хапар сакъла* «ожидать весть», *хапар къыздыр* «говорить о чем-либо», *ишден хапары жокъ* «тот, у кого нет понятий о деле», *хапар чыгъаргъа* «появиться слухам», *гитче хапар* «маленький рассказ». Переносных значений же у этого слова меньше («болтовня», «ложь»): *кюнюн хапар бла ётдюрюрге* «провести время в

болтовне», *хапар айтаса* «ложь говоришь». Однако лексем с большим объемом производных значений достаточно много в языке, поэтому определить основное значение слова по широте функционирования не представляется возможным.

Конечно же, есть лингвисты, которые адекватно установили тот ядерный признак, по которому можно определить базовое значение лексемы. Так, Е.К. Курилович в качестве такового признает то, что оно независимо от контекста [Курилович 1962: 246]. По мнению Д.Н. Шмелева, основным считается то значение, «которое наиболее обусловлено парадигматически и наименее синтагматически» [Шмелев 1973: 212]. В.Н. Прохорова же ориентируется на превалирование дифференциальных признаков семантики слова [Прохорова 1980: 10].

Порой встречаются трудности в разграничении как типов значений, так и вариантов одного и того же значения. Так, лексемы типа *боюн* «шея», *тамакъ* «горло» наряду с собственно номинативными значениями имеют и номинативные значения производные: «берег» (*черек боюну* «речной берег»), «начало, наиболее отдаленное, глухое место (*ущелья*)» (*тар тамагъы* «начало теснины»). Дело в том, что по своей семантике они предметноориентированы. Но их отличает то, что номинативные значения производного характера возникают в результате ассоциативного мышления человека, на основе компаративных перцепций. При этом предметные значения лексем представляются более конкретно, чем собственно номинативные значения, ср.: *тар боюн* «узкий берег» и *черек боюну* «речной берег», *беш тамакълы* «имеющий пять ответвлений» и *къолну тамагъы* «начало ущелья». Исходя из этого, можно сказать, номинативные значения производные больше привязаны к контексту, чем значения собственно номинативные.

В результате специфики употребляемости и сочетаемости номинативные значения производного характера приобретают статус основного, прямого номинативного значения и благодаря этому язык обогащается самостоятельными словами, превращающимися в омонимы. Причем

сочетаемость их значений приобретает свободный характер. Приведем иллюстративный материал:

*кёк*¹ «небо»

тубанлы кёк «туманное небо»,
къарангы кёк «темное небо»,
къышхы кёк «зимнее небо»,
бийик кёк «высокое небо», *кёк*
боз бет алды «небо посерело»

*кёл*¹ «озеро, пруд»

кёл толду, азайды, къуруду
«озеро наполнилось, обмелело,
высохло», *таза, кирленген кёл*
«чистое, загрязненное озеро»,
кёлде джуунургъа «купаться в
озере»

*кёк*² «синий, голубой, серый»

кёк жюн «серая шерсть», *кёк*
гокка «синий цветок», *кёк кёзле*
«голубые глаза», *кёк къатана*
«светло-синий вельвет», *кёк гелеу*
«голубой типчак»

*кёл*² «душа»

таза, джарыкъ, къууанчлы,
къарангы, аман, иги кёл «чистая,
светлая, радостная, тёмная,
плохая, хорошая душа»

Рассмотренные выше примеры позволяют сделать вывод о неоднородности производных и переносных значений, что сопряжено с таким понятием, как образность, т.е. появляются лексемы как с собственно переносными, так и с генетически переносными значениями.

2.2.2. Способы возникновения переноса значений слов

Как показывает анализ специальной лексикологической литературы, в вопросе о реестре переносных значений лексем нет единства взглядов. Так, некоторые лингвисты синекдоху рассматривают в одном ряду с метонимией и метафорой [Реформатский 1967: 83; Калинин 1978: 35]. При этом актуализируются следующие понятия: а) перенос, базирующийся на функциональном сходстве [Шмелев 1977: 103-105]; б) перенос, основанный на

сходствах по различным признакам [Новиков и др. 1987: 4-8]; в) семантический перенос [Пшуков 1982: 47-51]. Однако нет оснований для того, чтобы считать их особыми видами переноса значений лексем, скорее всего для них присущ статус разновидности метафоры или же метонимии, что детерминируется связью, проявляющейся между различными значениями полисемантической лексемы по линии сходства или же смежности различных явлений.

Метафорический перенос значений. Традиционно метафора интерпретируется как лингвистическое явление, отражающее перенос номинации определенного понятия на другое понятие благодаря обнаруженному сходству тех или иных свойств этих понятий, что обуславливается спецификой мышления человека, который познает окружающий мир путем сравнения различных предметов, действий и явлений. В результате этого на основе обнаруженных сходств появляется возможность подвергнуть номинации и другие предметы, действия или явления. Данная интерпретация метафоры нашла свою нишу не только в работах по теории языка [Харченко 1989; Склярёвская 1993 и др.], но и в трудах, посвященных тюркским языкам [Мухамеджанов 1968; Нугуманова 2009 и др.].

Согласно данным, которые приводят лексикологи, «в случае если значение слова имеет много признаков, при этом является информативно богатым и нерасчлененным, тогда оно без лишних проблем метафоризируется. Говоря об именах, мы, прежде всего, имеем в виду конкретные существительные, названия существующих прототипов (т.е. явлений, предметов, понятий, имеющими связь с общесуществующими признаками) отражая их части» [Арутюнова 1990: 30]. К такого рода именным лексемам обычно относятся соматизмы: *аякъ* «нога» и «большая чашка», *аууз* «рот» и «ущелье», *кёз* «глаз» и «игольное ушко», «сглаз», *бурун* «нос человека» и «подножие», «корма», *тил* «язык человека», «язык (сходство общения)», «язычок» (обуви) и т.д.

Переносное значение слова широко используется в общественной, повседневной жизни социума: *суу* «вода» и «что-нибудь непостоянное,

непривычное», *джан* «душа» и «что-нибудь существенное», «дорогой сердцу человек», *джол* «путь» и «способ», *таш* «булыжник» и «место, где живет человек», *атлам* «шаг» и «рывок в развитии», *юй* «жилище человека» и «совместное проживание», *алтын* «золото» и «человек с хорошим характером». Смысловой переход слова в метафору возможно осуществить через синтаксический сдвиг и в рамках границ единой функциональной категории слов. Перенос значений слова внутри конкретной лексической группы употребляется для номинативных целей. Вторая функция при переносе значения слова является техническим способом создания названий предметов: *баш* «голова» и «сознание», «талант, ум», «поверхность», *ат* «лошадь» и «название» или «репутация», *аякъ* «нога» и «чаша» и др. Данный вид метафоризации некоторые филологи определяют как номинативный тип. Первичная метафора нередко способствует появлению омонимии: *кёк* «голубой, синий» и *кёк* «небо», *ёч* «приз, премия» и *ёч* «злоба», *тамгъа* «пятно» и *тамгъа* «клеймо» и др. Не все лингвисты воспринимают как метафору всякий перенос значения слова по схожести понятий. Метафорический перенос и метафора – это различные понятия [Черкасова 1968].

Согласно их мнению, для этого существует ряд причин:

- перенос – это конечный продукт, действий наименования, а метафора перевода одного названия на название другого явления или предмета;

- при метафоре связь зрительно осязаема, если номинальная семантика лексемы важна чтобы репрезентировать другое понятие, при переносе же такая связь явно не обнаруживается;

- метафора может предполагать экспрессию, при переносе же ее просто не существует [Корольков 1968]. Например, такие слова, как *мир* (согласие), *ручка* (двери), *плитка* (шоколад) относятся к метафорическому переносу, а *серебро* (зимнего сада), *ярмарка* (тщеславия) являются метафорами.

Тем не менее, большая часть исследователей не согласны с данным мнением и воспринимают метафору и метафорический перенос как подвиды единого непростого явления – метафоры [Прохорова 1980: 130].

Необходимо разделять метафору на языковой (узуальный) вид и индивидуальный (окказиональный) вид. Узуальная метафора – это конечный продукт перевода на базе относительных и принятых характеристик схожести, фактов языка. Окказиональная метафора – это результат речевого акта, конечный продукт перевода на базе вторичных нерелевантных характеристик, этот вид является стилистически экспрессивным.

Таким образом, расположение между метафорическим переносом и метафорой, о которых упоминалось выше, является отличием между узуальными и окказиональными метафорами. В карачаево-балкарском языке, как во многих языках, соответствие признаков объективной реальности и названий различных предметов возможно дифференциальными способами, например, в размере и качестве, в расположении, в исполняемых действиях, в экспрессивных характеристиках. Небезынтересен в этом плане материал фольклора, в частности карачаево-балкарского нартского эпоса [см. об этом: Ахматова, Кетенчиев 2013; 2014].

Согласно отмеченному выше и образуются переносные значения.

Сходство в расположении: *боюн* «часть тела, шея» и «горловина» (*шишаны боюну* «горлышко бутылки»), *баиш*, как часть тела «голова», а также «вершина» (*тауну баишы* «вершина горы»), «кочан» или «ботва» (*къобуста баиш* «кочан капусты», *быхы баиш* «ботва морковки»), «колос» (*арна баиш* «колосья (ячменя)'), *къанат*, как часть тела «крыло» и «кисть», «край» (*боюнлукъну къанаты* «кисти шарфа»), *аякъ*, как часть тела «нога, ступня» и «ножка» (*шиндик аякъ* «ножка стула»).

Примеры из текстов:

Алына-артына Алий чайкъалыб тебрегинде, шиндик аякъ чыкъырт деб сынды [жур. Минги-Тау] «Когда Алий начал качаться на стуле, ножка стула треснула и сломалась»).

Боюнлукъну къанаты бла Айшат терлеген сууларын сюртдю
[Токъумаланы Ж.] «Кистью шарфа Айшат вытерла пот».

Башыма будай баш джыйылган заман келиб, ичим тынчлы болду
[Гуртуланы Э.] «Моя душа успокоилась, когда я вспомнил времена сбора пшеницы».

Татлы хычынла чюгюндюр баиладан этедиле бизде [Текуланы Ж.]
«Вкусные пироги готовят у нас из ботвы свеклы».

Сходство по виду, форме, визуальному восприятию: *кёз* «глаз» и «игольное ушко» (*ийне кёз*), «глазок» и «глазок двери» (*эшик кёз*), *къулакъ* «ухо» и «ушко», *къулакъ*, как часть тела «ухо» и «ушко» (*баш кийимни къулагъы* «ушко головного убора» (*сахан къулакъ* «ушко подноса; блюда (большого)»), *тил* «язык», как «язычок обуви»).

Примеры из текстов:

Къарт анам халыны ийне кёзге, билемисе, менден эсе иги кийдиреди
[Залийханланы Х.] «Представляешь, в игольное ушко бабушка продевает нитку лучше, чем я».

Аланы ол эшик кёзге къарап таныгъанды [Къулийланы Х.] «Он узнал их, когда посмотрел в глазок двери».

[Аминат Юсюнге:] *Джашчыкъ, эшик аллы джылы тюлдю, бёрк къулакъланы энишге ий* [Толгъурланы З.] «[Аминат Юсуфу:] Сыночек, на улице не тепло, распусти ушки шапки»,

Къазан этиучю къалайдан суйсе да къулакъ чыгъарады [Нарт сёз]
«Изготовитель казанов делает ушко (казана) там, где захочет».

Къыз чурукъларын джаратмады, асыры узун тиллери барды дегенни айтыб [Чыпчыкъланы Б.] «Сказав, что у них слишком длинные язычки, девушка выразила недовольство обувью».

Соответствие по функциям: *къулакъ* «ухо», как часть тела и «ущелье», *къанат* «крыло», часть тела птицы и «крыло» (самолета), *башчы* «руководящий орган» и «зачинщик или инициатор» (какого-либо мероприятия), *окъ* «пуля» и «жало», *арба* «телега» и «старая машина», *таякъчыкъ* «валик» и «опора».

Текстовые примеры:

Той баишы Абдул-Керим биринчи теңсерге чыккыды [Гуртуланы Б.] «Заводила увеселительного мероприятия Абдул-Керим вышел танцевать первым».

Ол а [Атлы], туююшде баишы болуб чыккыганы ючюн, тыйылганды [газета «Заман»] «Его [Атлы] задержали из-за того, что он стал инициатором потасовки».

Соответствие по характеру или образу действия: *тууар* «крупный рогатый скот» и «скверный человек», *кишитик* «кошка» и «дружелюбный человек», *ит* «собака» и «негодяй», *хайыуан* «скот» и «тупица», *доммай* «зубр» и «тихоня».

Текстовые примеры:

[Аскер:] Бу тууарны былайга ийсегиз, эшитмедим деб айтмагыз! [Шауаланы Х.] «[Аскер:] Только попробуйте впустить этого дурака сюда!».

[Мурат Алийге:] Бу тюлкюге [Зариятха] не керек эди сизде? [Тёппеланы А.] «[Мурат Алию:] «Что хотела от вас эта хитрая лиса [Зарият]?».

Къаллай хурмет излейди сенича ит?! [Кучиналаны М.] «Такая собака как ты, какое уважение может искать?».

Сен соруб айланма, киши бла да келишимеген келепенди ол [Шауаланы Х.] «Даже не спрашивай о нем, никто с ним не сможет ладить, он слишком обособленный».

[Хашим Къасайгъа:] Сени джарлы атанг сенге ушамай эди, ол доммайча тынч адам эди [Гуртуланы Э.] «[Хашим Касаю:] Бедный твой отец на тебя не был похож, он был спокойным человеком».

Соответствие по эмоциональному признаку: *джарты* «половинка чего-либо» и «дурак, человек, который не дужит с головой», *шапа* «официант», «человек, следящий за столом» и «подхалим»; *къумгъанчы* «изготовитель кувшинов» и «притворщик, подлизун»; *тамгъа* «пятно», «тавро» и «позор».

Текстовые примеры:

[Кёккёз Сауарбийге:] *Андан ары киши бу тамгъаны унутурукъ тюлдю* [Залийханланы Ж.] «[Кёккёз Сауарбию] Я думаю, что это позорное пятно останется навсегда».

[Мариям Абидатха:] *Уллу селешиме, иги къыз, мен сенге къумгъанчы болмагъанма* [Гадийланы И.] «[Мариям Абидат:] Прости меня, благородная девица, я не твоя шестерка».

Бу ит да джукъ айтмаз, ол тамаданы шапасыды! [Чыпчыкъланы Б.] «Так как он подлизун начальства, естественно, он ни слова не скажет».

Бу джартыны хар айтханына ыйнаныб баргъа керек тюлдю, Кеминат [Бабаланы С.] «Не нужно верить каждому слову этого придурка, Кеминат».

Важно иметь ввиду, что, в большинстве случаев в рассматриваемом языке смысловой переход происходит одновременно по двум свойствам, в первую очередь по общим признакам расположения в местности и внешней формы: *буун* «запястье» и «узкая часть стебля», *тапха* «подвесная полка» и «выступающая часть горы, холма», *къалакъ* «лопатка, как часть тела» и «весло»; *тиш* «зуб/челюсть» и «зубцы пилы/ножа»; *бурун* «нос» и «носик посуды», *джингирик* «локоть» и «изгиб дороги, поворот» и т.д.

Текстовые примеры:

Азамат, джингирикден ётгенлей, эркин дорбун тешике чыкъды [Теппеланы А.] «Азамат, повернув за поворот, оказался перед огромной дырой в пещеру».

Кёб турмай чайник бурун узун тауш этиб сокъду [Гуртуланы Э.] «Немного спустя из носика чайника послышался длительный звук»

Ариуба сумкадан мор чач тарагъын узун тишлери бла алыб юй башчысына узатды [Кациланы Х.] «Ариуба вынула из сумки коричневую расческу с широкими зубьями и передал своему супругу».

Салих къалакъланы ары бери къымылдата, къыз бла ушагъын этди [журн. «Минги-Тау»] «Салих продолжал грести веслами, поговорил с девушкой».

Единичный перенос слова имеет особое значение среди наглядных способов передачи информации в карачаево-балкарских художественных произведениях, в большей степени в поэтическом творчестве. Они зарождаются на базе определенного необычного подобия, это образные признаки реальности; например: *от тилле* «языки пламени», *булут кёзле* «глаза из облаков», *джерни чачлары* «покров земли», *джайны тылпыуу* «вкус лета», *хауаны чарсы* «воздушная пелена», *сууукъну ийнелери* «колючий мороз», *кюнню кьолу* «свет солнца», *кюнню кьылычы* «солнечное коромысло».

Текстовые примеры:

Кюн омакъ кьылычы бла суу алырча узалгъанды [Маммеланы И.] «Солнце коснулось воды красивым коромыслом».

Кюнню кьолу джеталмазча булутсуз кёкге учарма [Бегийланы А.] «Полечу в синие небеса, куда рука солнца не дотянется».

Сууукъ тырнакъларыма ачы ийнелерин тийирди [Бегийланы А.] «Колючие иглы мороза пронзили низ моих ногтей».

Булут кёзледен уллу джыламукъла кьуюлдула [Семенлени А.] «С глаз облаков посыпались огромные слезы».

Джер сары чачына акъ гюлмендини кьаплады [Семенлени А.] «Земля на русые волосы набросила белоснежную шаль».

Джай тылпыуну оту джукълангынчы... [Батчаланы М.] «Пока не погасло дыхание лета...».

[Джел] чарслы хауада джым-джылтыраукъ инджи мынчакъланы ойнатды [Кьобанланы Х.] «[Ветер] играл сверкающими жемчужными бусами в воздушной пелене».

Гюрюлдеп, от джилтин узундан узун тартып, тегерегин джалады [Тёппеланы А.] «Пылающие языки огня тянулись все дальше и дальше, поражая все вокруг».

В некоторых случаях сложно дифференцировать лингвистический перенос слова от единичных так как они возникают по схожей модели, присущей для рассматриваемой группы, однако, как выше указывалось,

существует определенный критерий для этого – экспрессивность и нехарактерность единичного переноса слова. Если мы сравним перенос значения слова *кюн кьол* «дословно солнечная рука», *кюн кёз* «солнечный свет» (дословно «солнечный глаз»), *кюн кьылыч* «солнечное коромысло», *кюн таякъ* «солнечный луч», то сомнений не вызывает окказиональность смыслового переноса слов в выражениях *кюн кьол* или *кюн таякъ*; их использование является непривычным и в основном имеет место лишь в произведениях выше перечисленных авторов. При рассмотрении метафор *кюн кёз* или *кюн таякъ*, мы приходим к выводу, что их использование в речи часто встречается. Таким образом, они утратили «экспрессивное содержание, как результат потери, исчезновения двуплановости» [Прохорова 1980: 13], имеет место свойство не переименования, а наименования. Следовательно, эти метафоры стали языковыми, так же как *терезе кёз* «прорезь (в раме окна)», *ийне кёз* (игольное) «ушко».

Текстовые примеры:

Тау сыртындан кюн кёз кёрюнеди [Абайханланы Н.] «Солнечные лучи пробивались через горную вершину».

Кюн кёз къарагъанлай, чыкъ тамычычыкъла кюмюшча джылтырайдыла [Толгъурланы З.] «Роса заблестела, словно серебро, как солнечные лучи коснулись земли».

Кюнню таякълары тереземден кирдиле [Зумакъулланы Т.] «В мое окно пробивались солнечные лучи».

Тау башы эртден кюн таякълары бла джанды [Къагъыйланы Н.] «Горная вершина пылала под светом золотистых солнечных лучей».

На наш взгляд, смысловое содержание метафоры, характерная ей узуальность во фразах *тауну кёзю* (досл. горный глаз) «хребет горы», *джагъаны кёзю* «вырез воротника», *кёз айырыргъа* «сделать выемку», *ийне кёз* «игольное ушко» практически не различаются. В вышеуказанных фразах использование слова *кёз* является нормой. Но, несмотря на это, карачаево-балкарские словари не регистрируют значение «игольное ушко» в слове *кёз*

«глаз», а его метафорическое значение «хребет горы», «вырез воротника» фиксируют, как специальные. Таким образом, между индивидуальными и языковыми метафорами нет каких-либо важных различий. Это свидетельствует о том, что специальные метафоры могут переходить в языковые метафоры.

Судя по этим примерам, индивидуальные метафоры мало чем отличаются от языковых. Практика показывает, что многие индивидуальные метафоры по истечении времени превращаются в языковые.

Метонимический перенос названий. При таком переносе происходит замена одной лексемы другой в силу наличия связи между их значениями по линии смежности. При таком явлении «название с одного класса объектов или единичного объекта переносится на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности» [Арутюнова 1990: 30]. С точки зрения частотности употребления, метонимические переносы превалируют над метафорическими, но они бывают не только узвальными, но и индивидуальными. Первые в карачаево-балкарском языке получили широкое распространение, что детерминировано следующими причинами:

1. Перенос номинации материала на производный от него артефакт: *салат* «съедобное растение» и «блюдо из овощей»; *чепкен* «самотканая шерстяная ткань» и «платье, черкеска» и т.п.

Текстовые примеры:

Жаш чепкенни женглерин къайырып кийгенди [Залийханланы Ж.] «Парень одел черкесску, задрал рукава».

– *Жюнюнг болмаса, чепкен неден этериксе?* « – Если шерсти нет, из чего сделаешь сукно?».

Соловыйни менюсунда кофе, какао, кисель, салат, компот жокъ эдиле [«Коммунизмге жол»] «В меню столовой не было кофе, какао, киселя, салата, компота».

2. Перенос одного явления на другое при временной связи: *ахсут* «время до полудня, совпадающее с наступлением жары» и «пища, принимаемая в это время», *джыллыкъ* «годовщина, година» и «еда, приготовляемая через год

после смерти человека», *кѳушлукъ* «время около восьми-девяи часов утра» и «пища, принимаемая в это время».

Текстовые примеры:

Кюн ахсутха джетди, хар джерде джыйышла ашаргѳа, чалкѳыларын тишерге тохтадыла [Шахмырзаланы С.] «Время приблизилось к полудню, везде все бригады принялись за еду, за отбивание своих кос».

Чыкъ кѳуругъандан сора, чалкѳычыла ахсутха кѳош тийресине тийишдиде «Как только высохла роса, косари собрались на трапезу у кошары».

Кѳачха Айшатны апасыны джыллыгѳы жетди «К осени подошла годовщина смерти дедушки Айшат».

Амманы джыллыгѳына бешли ёгюз союлду «На поминки бабушки зарезали пятилетнего вола».

Чалкѳыда жыйын башчы нѳгерлерин кѳушлукъ ашаргѳа чакѳырды [«Заман»] «Руководитель группы позвал своих друзей на утреннюю трапезу».

Кѳушлукъ кѳзюуде хоразыбыз манга айланым кѳычырды [Кациланы Х.] «В 8-10 часов утра наш петух прокукарекал, повернувшись ко мне».

3. Перенос названия науки на предмет ее и наоборот: *фразеология* «раздел языкознания» и «устойчивые обороты речи», *словообразование* «образование слов» и «раздел языкознания, изучающий способы образования слов», *фонология* «часть языкознания» и «учение о смыслоразличительной роли фонем».

Текстовые примеры:

Кѳарачай-малкѳар тилни лексикасыны юсюнден талай монография жазылгѳанды [газ. «Заман»] «По лексике карачаево-балкарского языка написано несколько монографий».

Кѳарачай-малкѳар тилни фонологиясын Гузеланы Джамал тинтгенди эм аны юсюнден монография жазгѳанды «Фонологию карачаево-балкарского языка исследовал Джамал Гужеев и о ней написал монографию».

Кѳарачай-малкѳар тилни грамматика стилистикасы тинтилмегенди «Грамматическая стилистика карачаево-балкарского языка не исследована».

Къарачай-малкъар тилни бѐлюмлерини барысындан да синтаксис тынгылы тинтилгенди «Из всех разделов карачаево-балкарского языка более основательно исследован синтаксис»;

Тюрк тилледе сѐз къурауну семантика мадарыны юсюнден монография джазылгъанды «О семантическом способе словообразования в тюркских языках написана монография».

4. Перенос названия с действия на его результат: *айтыу* «говорение» и «предложение», *къашыу* «чесание» и «вид кожной болезни», *туйюш* «драться» и «драка, дебош, бой», «ссора, скандал», *отлау* «пастбище, выпас, выгон» и «пастьба», *жагъыу* «мазание» и «мазь», *къашыу* «чесание» и «чесотка», *тутуш* «бороться» и «борьба» и т.п.

Текстовые примеры:

Сосурукъ бла эмеген тутушуп башлайдыла [«Нартла»] «Сосурук и чудовище начинают бороться».

Бизни ёмюрге дери 776 джылдан башлаб, тутушдан эришиуле болуп тургъандыла [«Минги-Тау»] «Начиная с 776 года до н.э. проводились соревнования по борьбе».

Ишни кертиси даулашда тууады деп, бош айтыла болмаз «Не зря говорится, что истина рождается в споре».

Гырджын кесекге жау жагъыу «Мазание масла на ломтик хлеба».

Анасы жашчыкъны бармагъын жагъыу бла байлады «Мать перевязала палец мальчика, помазав мазью».

5. Перенос названия с вместилища на вместимое: *къанга* «доска» и «стол», «питание, пища», *отоу* «комната» и «специально оборудованная комната для молодожёнов».

Текстовые примеры:

Къобанны жагъасында къангаладан уллу клуб ишленди [Байрамукъланы Х.] «На берегу у Кубани построен большой клуб из досок».

Къонакъла къонакъ къанганы ортагъа алгъандыла [Шауаланы Х.] «Гости сели вокруг гостевого стола».

Жаш а патчахча жашайды: тюплю-башлы юйю, хар этажда тёртюшер отоу [«Минг-Тау»] «А парень живёт как падишах: двухэтажный дом, на каждом этаже по четыре комнаты».

Келинни отогъа кийиргенлей, жыр, тепсеу башланды [«Заман»] «Как только невесту завели в специальную комнату, начались танцы, песни».

6. Перенос названия с действия на результат действия: *къалау* «складывание, окучивание» и «куча, груда», *отлау* «пасение» и 1) «пастбище, выпас, выгон», 2) «растительный покров, пастбищ», *тиреу* «подпирание» и «подпорка», *чалыу* 1) «кошение», 2) «плетение» и «тесьма, шнурок (из плетённых веток)» и др.

Текстовые примеры:

Коллектив юйню къалау бла чекленип къалмайды, сюртген да этеди [«Коммунизмге жол»] «Коллектив не ограничивается кладкой домов, он и штукатурит их».

Бир жол Герпегежге бара, жол жанында бир улуу темир къалауну кёрюп, алайда тохтайбыз [Гуртуланы Б.] «Однажды мы ехали в Герпегеж и, увидев возле дороги большую кучу металлолома, остановились».

7. Перенос номинаций состояния: *кирлик* «грязное состояние чего-либо» и «грязь, нечистоты, пыль, сор», *тазалыкъ* «чистое состояние чего-либо» и «чистота», *жилтин* «искра» и «проблеск, зачаток какого-либо чувства, способности и т.п.», *игилик* «хорошее, положительное качество кого-чего» и «благоденствие», *къартлыкъ* «старое состояние кого» и «старость».

Текстовые примеры:

Батырны игилигин бузгъан бир тапсыз къылыгъы барды [Гуртуланы Э.] «У Батыра есть одна черта, которая портит его положительное качество».

Тауукъ хоразча къычырса, ол игиликге болмаз [Гуртуланы Б.] «Если курица прокукарекала как петух – это не к добру».

Гитче жилтин улуу элни жандырыр [Нарт сёз] «Маленькая искра осветит большое село».

Сюймекликни биринчи жилтинлери кимни да къууандырадыла [«Жанкылыч»] «Первые проблески любви радуют любого».

8. Перенос названия с действия на средство действия: *окъуу* «чтение» и «учёба, учение, обучение, образование», *айтыу* «говорение» и «легенда, предание, сказание», *жазыу* «писание» и «судьба».

Текстовые примеры:

Газетлени окъуу акканы сау кюнюн алды [Зокаланы З.] «Чтение газет заняло у деда целый день».

Жанымдан суйген мени окъууум, энди окъуууму атама [Хубийланы М.] «Учёбу я люблю больше себя, но теперь я бросаю её».

Бизде сёзню экинчи кере къайтарып айтыу жокъду [Залийханланы Ж.] «У нас слово второй раз не повторяют».

Халкъ бирден аягъын къакъса, жерни люуюлдетеди, халкъ бирден солуса, жел къобады деген кытай айтыу эсима тюшдю [Байрамукъланы Х.] «Я вспомнил китайское предание: Если народ вместе стукнет ногой, трещит земля, если народ дышит вместе дует ветер».

9. Перенос названия с орудия на действие, производимое им: *чага* «мотыга, тляпка» и «прополка», *къуршоу* «окружение» и «обруч», «кандалы».

Текстовые примеры:

Солдатланы кимлери къуршоудан чыккъганла, кимлери да фашист пленден къачханла эдиле [«Ленинни байрагъы»] «Одни из солдат были вышедшие из окружения, другие – сбежавшие из фашистского плена».

Гардошну, нартюхню да биринчи чагасы бошалгъанды [«Алчыла»] «Первая прополка картофеля и кукурузы завершена».

Ахмат чагаланы жютю этеди [«Заман»] «Ахмат точит тляпки».

10. Метонимический перенос названий: *таш* «камень» и «место рождения и проживания человека», *эл* «село, селение, деревня» и «народ», *жер* «земля, земная твердь» и «почва, грунт», «территория, находящаяся в чьём-либо владении», *кюн* «солнце» и «день», *ай* «луна» и «месяц» и др.

Текстовые примеры:

Биз, кемеден къарап жерни кӕргенибизде, улуу къууандыкъ [«Коммунизмге жол»] «Когда, посмотрев с парохода, мы увидели землю, очень обрадовались».

Таулу жер сургенди, хуна къалагъанды аулда [«Шуӕхлукъ»] «Горец пахал землю, строил ограду из камней в ауле».

Жангыз таидан къала болмаз [Нарт сӕз] «Из одного камня крепость не построишь».

Энди ала экиси да бу таиша басмайдыла [«Шуӕхлукъ»] «Теперь они оба сюда не приходят».

Шам шахардан да туугъан элинг игиди [Нарт сӕз] «Родное село лучше прекрасного города».

Военкоматдан келген адамны Иссаны юсюнден айтхан хапары саулай элге жайылгъанды «То, что человек, приехавший из военкомата, рассказал об Иссе, распространилось между людьми всего села».

11. В ряде случаев перенос значения слова осуществляется по логической смежности: *тил* «язык» и «речь», *къарын* «живот» и «желудок», *аякъ* «стопа» и «подошва», *кӕз* «глаз» и «зрение», *кофе* «кофейное дерево» и «продукт, получаемый обжариванием и измельчением зёрен кофейного дерева».

Текстовые примеры:

Жангылмазлыкъ тил жокъду, абынмазлыкъ аякъ жокъду [Нарт сӕз] «Нет языка, который не ошибается, нет ноги, которая не спотыкается».

Столгъа кӕмюкбаи боза бла тууар тил салынды [Из фольклора] «На стол поставили пенящуюся бузу и язык крупного рогатого скота».

Олсагъат Бийнӕгерни тосу къыптыны урду къарнына [«Натла»] «Тут же любовница Бийнӕгера воткнула ножницы в свой живот».

[*Хапай:*] *Къарнынга аи ашатып, юсюнге кийим кийдирген адамгъа кӕолунгу къалай кӕтюресе* [Эбзеланы Х.] «Как ты можешь поднять руку на человека, который кормит и одевает тебя!».

12. Широко распространённым в данном языке является синекдоха – перенос названия с целого предмета на его часть или наоборот: *дырын*

«скошенная трава (на поле, в горах)» и «процесс уборки сена», *харбуз* «арбуз (растение)» и «плод этого растения», *чай* «растение с зелеными, ароматными листьями, подверженные определенной обработке (после этого из них готовят напиток)» и «напиток, заваренный на этих листьях источает приятный аромат», *кофе* «семена (зерна) кофейного дерева» и «напиток, приготовленный из этих зёрен» и др.

Текстовые примеры:

Къалын дурула къургъакъсый келгенлей, бригадирле адамлары ишге чыгъаргъынчы, жауунла жауун, дырынны жибитедиле [«Шуёхлукъ»] «Как только сено на валках начинает высыхать, идут дожди и, пока бригадиры выводят людей на работу, они мочат их».

Бир кюн дырында Патия бла Азрет-Алий бир бирлерине жюреклеринде болгъанна жашырмай айтадыла [Къагъыйланы Н.] «Однажды на уборке сена Патия и Азрет-Алий признаются друг другу в любви».

Аслан арпа кофени къол тирменчикде тартханды [«Коммунизмге жол»] «Аслан ячменный кофе помолол на ручной мельнице».

Ол [хирург] музыка согъулгъан жерге барып, халатын юсюнден атып, ёретин кофе ичеди [Къагъыйланы Н.] «Он [хирург] идёт туда, где играет музыка, сбрасывает с себя халат и пьёт кофе».

Исси жерледе бананла, кофе терекле, чай битедиле [Ортабайланы Т.] «В жарких местах растут бананы, кофейные кусты, чай».

Чайны чайнап ичгенлей [Нарт сёз] «Похоже на то, как чай пить, жуя».

Следует отметить то, что имеет место перенос номинаций ягод и плодов на растения, на которых они растут: *эмен* «желудь» и «дуб», *эрик* «слива» и «дерево», *балли* «вишня» и «дерево», *юркюн* «крыжовник» и «куст», *итбурун* «шиповник» и «куст» и др. Для различения деревьев и кустов употребительны сочетания типа *алма терек* «яблоня», *дугъум котур* «куст смородины».

В названиях плодов, ягод подобных деревьев, кустов в употреблении слов *терек* и *котур* нет необходимости: *Биз чегетде дугъум, алма, кертме, къара наныкъ джыябыз* «Мы собираем в лесу, смородину, яблоки, груши и ежевику».

Другими словами, плоды, которые мы получаем с этих кустов, деревьев, невозможно называть одним и тем же словом. Значит, здесь нет синекдохи, хотя отдельные исследователи карачаево-балкарской лексики возражают этому. Например, по мнению И.М. Отарова, названия плодов и ягод переносятся на их растения и приводит также примеры: *алма* «яблоко» и «яблоня», *кертме* «груша» и «грушевое дерево», *дугъум* «смородина» и «куст смородины» и др. [Отаров 1996: 15].

Такой перенос, т.е. явление синекдохи, в данном языке имеет место в названиях *хууан* «дыня» и «растение дыни», *быхы* «морковь» и «растение моркови», *къобуста/хобуста* «капуста» и «растение капусты», *помидор* «помидор (плод)» и «растение помидора», *баклажан* «баклажан» (плод)» и «растение баклажана», *турма* «редиска» и «растение редиски», *сохан* «лук (плод)» и «растение лука» и др.

Приведённые примеры свидетельствуют об узуальных случаях употребления переноса названий по метонимии. Такой лингвистический феномен актуализирует и С.Р. Биджиева [Биджиева 2017]. По количеству не уступают им индивидуальные метонимические переносы. Сравнивая модели образования метафор и метонимий, можно убедиться в том, что в образованиях метафорического плана больше узуальных значений, в образованиях же метонимического плана – индивидуальных. Если индивидуальная метафора присуща в большей степени для художественных произведений, то узуальная – для разговорной речи. Случаев индивидуальной метонимии в карачаево-балкарском языке довольно много. Нижеследующие из них можно считать наиболее главными и важными:

1. Название посуды или другого вместилища переносятся на его содержимое или объем: *суу стакан* «стакан с водой» и *стакан суу* «стакан воды», *алма машок* «мешок с яблоками» и *машок алма* «мешок яблок», *бышлакъ чыккыр* «бочка для содержания сыра» и *джыккыр/чыккыр бышлакъ* «бочка сыра», *машина бичен* «машина сена» и *бичен машина* «машина с сеном» и т.п. Данный перенос названий часто осуществляется при перестановке.

Текстовые примеры:

Азирет бичен машинагъа кеси олтурду [«Минги Тау»] «На машину с сеном Азирет сел сам» и *Сау машина биченни жаиш кеси къотаргъанды* [«Шуёхлукъ»] «Целую машину сена парень разгрузил сам».

Масхут базарда бир кюннге он ящик алма сатханды [«Заман»] «За один день Масхут продал на базаре десять ящиков яблок» и *Осман бла Самат алма ящиклени машинагъа жюклегендиле* [«Коммунизмге жол»] «Осман и Самат ящики с яблоками погрузили на машину».

Жашчыкъ стакан сууну бёлмей ичди [«Заман»] «Мальчик залпом выпил стакан воды» и *Киши эслегинчи, Омар, аракъы стаканны салыб, аны орнуна суу стаканны алды къолуна* [Шуёхлукъ] «Незаметно от других Омар заменил стакан с водкой на стакан с водой» [Шуёхлукъ].

Примеры, подобные приведенным, некоторыми лексикологами оцениваются как языковые факты. Более сведущие специалисты считают эту разновидность метонимии не лингвистической, общезыковой, а индивидуальной [Шмелев 1973: 221], против которого трудно возразить.

2. Слова, употребляющиеся для обозначения пунктов населения, также употребляются для обозначения людей населяющих эту местность: *эл* «село» и «сельчане», *орам* «улица» и «жители улицы», *шахар* «город» и «горожане».

Текстовые примеры:

Джарлы къарнаиха киши къонакъбай болмагъанды, кече орамда атылгъанды да къалгъанды [«Къарачай халкъ таурухла»] «Бедного брата никто домой не пригласил, ночью остался выброшенным на улицу» и *Ол оноугъа орам саулай къаджау сюелгенди* [«Шуёхлукъ»] «Вся улица стояла против этого решения».

Шахардан келген студентле элчилеге кёгетле жыяргъа болушадыла [«Коммунизмге жол»] «Студенты, приехавшие из города, помогают сельчанам собирать фрукты» и *Шахар эл да бусагъатда иш бла жалчытыладыла* [«Заман»] «В данное время город и село обеспечиваются работой».

В представленных выше синтаксических конструкциях люди и место их жительства обозначаются одними и теми же словами: *орам, шахар*. Некоторые исследователи говорят о некой самостоятельности значений, передаваемых такими лексемами [Отаров 1996: 14; Арутюнова 1990: 30]. В действительности же, здесь, скорее всего, совмещаются и лексическая семантика, и окказиональная функция.

3. Релевантен перенос «событие – участник»: *джыйылыу* «собрание» и «люди, участвующие в этом собрании», *заседание* «сбор людей для обсуждения чего-либо» и «люди, участвующие в этом сборе» и др.

Текстовые примеры:

Джыйылыуда беш вопросха кьаралгъанды [«Шуёхлукъ»] «На собрании обсуждались пять вопросов» и *Джыйылыу ол оноуну кьабыл кёрмегенди* [«Заман»] «Собрание не одобрило это решение».

Пономарёв окружкомну заседаниясын бардыргъанды [«Коммунизмге жол»] «Пономарев вёл заседание окружкома» и *Заседание ол оноуну кьабыл кёрмегенди* [«Заман»] «Заседание не одобрило это постановление».

Некоторые исследователи подобные переносы значений слов считают фактом языка (Арутюнова 1990: 30), что, с нашей точки зрения, неправомерно.

4. Название имени автора переносится на его произведение: *Керим* «Керим» и «произведения Керима», *Танзиля* «Танзиля» и «произведение Танзили».

Текстовые примеры:

Керим тамата класлада окъугъаны бла чекленип кьалмайды, башланган класлада да окъулады [«Коммунизмге жол»] «Изучение Керима не ограничивается старшими классами, он изучается и в начальных классах».

Школда Танзиляны суююп окъумагъан сабий тюбемейди [«Заман»] «В школе нет детей, читающих Танзилю без желания».

Некоторые лексикографы употребления такого плана признают словарными, с чем трудно согласиться без оговорок, так как «возможность подобного употребления имен существительных обусловлена не тем, что они

приобретают какие-то новые значения, а тем, что языку вообще присущи подобные виды метонимических сокращений» [Шмелев 1973: 221].

5. В языке налицо факты репрезентации одним словом понятий единичности и множественности: *чюйют* «еврей» и «евреи», *кьыргъыз* «киргиз» и «киргизы», *мал* «скотина, домашнее животное» и «домашние животные», *кьочхар* «баран-производитель» и «бараны-производители», *кьой* «овца» и «овцы» и др.

Текстовые примеры:

[Аскер:] *Шуёхум, чюйютню алдагъан а алай тынч туююлдю!* («Шуёхлукъ») «[Аскер:] Друг мой, не так легко обмануть евреев!».

Кьойгъа кьочхар кьошар заман жетди [«Минги – Тау»] «Пришло время пустить баранов-производителей в стадо (для случки)».

Асланны бла Хадисни кьой кесерге аккалары Махамет юретгенди [«Заман»] «Аслана и Хадиса резать овец научил их дед».

Кьыргъызны бла кьазахны бек суйген ашлары бешбармакьды [«Шуёхлукъ»] «У киргизов и казахов самое любимое блюдо – бешбармак».

В приведенных предложениях слова *чюйют*, *кьой*, *кьочхар*, *кьыргъыз*, *кьазах* употреблены вместо *чюйютлюле* «евреи», *кьойла* «овцы», *кьочхарла* «бараны-производители», *кьыргъызлыла* «киргизы», *кьазахлыла* «казахи». Некоторые лексикологи в подобном использовании существительных видят метонимическое изменение их значений [Отаров 1996: 15], что не соответствует действительности.

Эвфемизация есть замена грубых, оскорбительных, нетактичных слов и выражений приличными, тактичными словами и выражениями, т.е. эвфемизмами, которые отражают различные представления этноса о различных аспектах жизни человека [Яимова 1985: 3] например: *юй бийче* вместо *кьатын* «жена», *улайгъан* вместо *кьарт* «старый, пожилой», *кьарынлы* вместо *бууаз* «беременная», *аууш* вместо *ёл* «умирать», *юйлен* вместо *кьатын ал* «жениться», *кьутул* вместо *кьозла* «рожать», *юйдегили* вместо *кьатынлы* «женатый»,

юйдегисиз вместо *къатынсыз* «неженатый», *саусуз* вместо *ауругъан* «больной, хворый», *жарлы* вместо *тели* (*акъылсыз*) «глупый, дурной».

В данном языке абсолютное большинство эвфемизмов встречается среди имен существительных, прилагательных и глаголов:

а) эвфемизмы-существительные: *къарын ауурлукъ* (*бууазлыкъ*) «беременность», *ойнаш* (*тос*) «любовник, любовница», *гужума* (карач.) (*бит*) «вошь», *зыкъыллыкъ* (*къоркъакълыкъ*) «трусость», *гуду* (*уру*), *гудучу* (*уручу*) «вор», *гудулукъ*, *гудучулукъ* (*уручулукъ*) «воровство», *сюексиз* (*тил*) «язык», *жанлы* (*жыртхыч*) «хищник, хищный зверь», *саусуз* (*ауругъан*) «больной» и др.;

б) эвфемизмы-прилагательные: *къолан* (*тели*) «дурной», *жарлы* (*тели*) «полоумный», *башсыз* (*акъылсыз*, *тели*) «безголовый, тупой, бестолковый», *мондай* (*ангылаусуз*, *сылхыр*) «глупый, недогадливый, несообразительный»;

в) эвфемизмы-глаголы (их в данном языке довольно много): *думпай*, *думп бол* (*къач*) «исчезнуть, пропасть, деться (неизвестно куда)», *сыпырт*, *секирт* (*урла*) «красть, воровать, похищать кого-что», *къампай* (*ёл*) «умереть, быть убитым», *къампайт* (*ёлтюр*) «убить кого», *сызгырт* (*ётюрюк айт*) «врать, обманывать», *сыпырт* (*урла*) «воровать», *сыкъ* (*къоркъ*) «бояться, страшиться», *сыйпа* «ударять, стукать кого».

Нередко встречаются случаи замены эвфемизма, особенно грубого слова, двумя-тремя и более словами. Например, *сызгырт*, *сыпырт*, *сыпырт*, *секирт* «воровать, стащить» (лит. *урла*), *зымпыкъ*, *зынттыу*, *сылхыр*, *жескбаш*, *къолан* «дурной, глупый» (лит. *тели*).

Среди эвфемизмов немало слов с ироническим оттенком, а также грубых: *къолан* «дурной, глупый», *мангырамаз* «глупый, несообразительный», *манткъыр* «неспособный», *къысмар* (карач.) «жадный», *жескбаш*, *желбаш* «легкомысленный, ветреный, несерьёзный», *бекле*, *кепеле*, *сокъ*, *тыкъла*, *сюрт* «жрать» (лит. *аша*), *жетдир*, *бекле*, *бер* «бить, ударять» (лит. *ур*), *секирт*, *сыпырт*, *къым* «украсть» (лит. *урла*).

Текстовые примеры:

Жашны жангы курткасын ким эсе да секиртгенди [Батчаланы М.] «Новую куртку парня кто-то украл».

Хасан кеси ёмюрюнде кёп атны сыпыртханды [Гулаланы Б.] «В своей жизни Хасан украл много коней».

Аскербий, кьойчугъа кёргюзтмей, кьозучукъладан бирин кьымгъанды («Шуёхлукъ») «Аскербий тайком от чабана украл одного из ягнят».

[*Асланмырза жашына:*] *Ол кимни кьызы болгъанын билемисе, суубаш?* [Текуланы Ж.] «[Асланмырза своему сыну:] Ты знаешь, пустоголовый, чья эта дочь?».

[*Къасым Ахматха:*] *Мында сенден сора да бардыла адамла, жекбаш!* («Шуёхлукъ») «[Касым Ахмату:] Пустоголовый, здесь ты не один!».

[*Сагит Муратха:*] *Ол желбаш Мухтарны уа нек келтирмегенсиз?* («Заман») «[Сагит Мурату:] А этого пустоголового Мухтара почему не привели?».

Аны гуду болгъанын элчилери кеч билгендиле («Шуёхлукъ») «Сельчане поздно узнали, что он вор».

Гудучугъа кьошулсанг, атынг гудучу болур [Нарт сёз] «Если поведёшься с ворами, воров прослывёшь».

В приведенных примерах глаголы *секирт*, *кьым*, *сыпырт*, прилагательные *суубаш*, *жекбаш*, *желбаш*, существительные *гуду*, *гудучу* экспрессивно-эмоционально окрашенные.

Эвфемизмы могут и не иметь экспрессии и эмоциональности. Например: *ташайт* «украсть, стащить», *мискин* «нищий», *тат* «пробовать что на вкус, вкушать, отведать чего» и др.

Текстовые примеры:

Ачыны бла татлыны татхан билир, узакъ бла жууукъну жортхан билир [Нарт сёз] «Горько и сладкое определяет тот, кто есть, далекое и близко – тот, кто ходит».

Кѐп инжилген мискин халкъла башларына эркин болгъандыла [Къулийланы Х.-М.] «Много испытавших горя бедные народы обрели свободу».

Схожие примеры подтверждают, что слова с экспрессивно-эмоциональной окраской могут заменяться эвфемизмами, как и впрочем, эмоционально нейтральные слова. Нельзя забывать, что среди них имеются как нетактичные, так и неудобные для употребления слова. Исходя из этих данных, сложно согласиться с Н.С. Араповой, по мнению которой, эвфемизмы включаются в состав лексем и дескрипций, являющихся в эмоциональном отношении нейтральными [Арапова 1990: 590].

По смыслу эвфемизация близка к табуированию – запрету на употребление слов, особенно по суеверным представлениям. Это проявление эвфемизации связано «с предубеждением и верой в способность языка непосредственно воздействовать на окружающий мир» [Леонтьев 1990: 501]. Например, предки карачаевцев и балкарцев были уверены, что слова, являющиеся названиями нехороших явлений и предметов, вызывают беду. Поэтому они их не употребляли, заменяли, другими. Также слова как *талау* «сибирская язва (у лошади), столбняк», *бѐрю* «волк», *сарыубек* «крокодил», *гебох* (*къарын*) «понос у животных», *ѐнке ауруу* «туберкулёз», *орус ауруу* «сифилис», *къанчау* «карбункул», *тели ауруу* «тиф (брюшной, сыпной)», *чечек* «оспа», т.е. обычно названия хищных животных и заразных болезней были запрещены из-за боязни их самих и распространения этих болезней.

Текстовые примеры:

Таиха талау тиймез [Нарт сѐз] «Камня столбняк не поразит».

Жашчыкъны къолтукъ тюбюне къанчау чыкъгъанды [«Шуѐхлукъ»] «Под пазухой мальчика выскочил карбункул».

Тели ауруудан ауругъанланы саны кюнден кюннге кѐп бола бара эди [Из фольклора] «Количество больных тифом изо дня в день увеличивалось».

Къая башында жумарыкъ, Артына айланып бугъарыкъ, Мен суйгенлей суймесенг, Орус ауруу жугъарыкъ [Из фольклора] «На скале фазан, чтобы он

обернулся назад и спрятался, Если ты не любишь меня, как я тебя, чтобы ты заболел русской болезнью».

Данная разновидность табуирования возникла на религиозной почве и употребляется главным образом пожилыми людьми.

Более распространенная разновидность табуирования связана с обычаем карачаевцев и балкарцев, который запрещает жене произносить имя мужа, снохе имена близких родственников мужа. Примерами может служить то, что в значениях «муж» и «жена» ими употребляется слово *юйдеги* «тот (или та), кто находится дома» или *сабийлени аталары* «отец детей», *сабийлени аналары* «мать детей». Согласно этнокультуре, мужа по отношению к своим женам употребляют лексему *тиширыу* «женский род», а жены мужей называют *эркегырыу* «мужской род», т.е. имеет место табуирование и возникновение новых значений – «жена», «муж».

Текстовые примеры:

Назбий юйдегисин окъуугъа салгъынчы, тынчлыкъ тапмады [Хубийланы О.] «Назбий не успокоился, пока не устроил свою жену на учёбу».

[Салих:] *Аскербий, тиширыуунга да айт, дырыннга эрттерек келсин!* [«Шуёхлукъ»] «[Салих:] Аскербий, скажи своей жене, пусть пораньше придет на уборку сена!».

[Ханифа:] *Атасы келип, ол эркегырыугъа урушуп кетгенди* [«Минги – Тау»] «[Ханифа:] Отец пришел и поругал моего мужа».

[Аминат эрине:] *Сабийлени атасы, маллагъа аш салгъанмыса?* [«Шуёхлукъ»] «[Аминат своему мужу:] Отец детей, ты дал корм скотине?».

Нередко запрещение употребления слов связывается со скрыванием преступления. Примером этого может быть то, что в прежние времена набеги с целью грабежа назывались *жортуул*, вместо которого употребляли лексему *кёнчеклик* «материал, предназначенный для пошива штанов». У этой лексики таким образом появляется семантика «добыча, то, что захвачено боем, отнято у неприятеля во время набега».

Данные факты говорят, что табу неправильно воспринимать, как запрет с религиозной точки зрения, как обычно делают некоторые исследователи [Леонтьев 1990: 501]. Это, на наш взгляд, слишком узко. Отмеченные выше явления могут быть репрезентированы в рамках одной лексемы, порой омонимичной, ср.: *бюртюк* 1. «зернышко, ягода», 2. «круплица, частица», 3. «корь, сыпь (табуировано)», 4. «ячмень (табуировано)», 5. эвфемизм «яичко (мужское), семенник» (это значение заменило слово *ташакъ*): *Асланчыкъны сол кёзюне бюртюк чыгъын, эки ыйыкъны школгъа баралмай тургъанды* [«Шуёхлукъ»] «У Асланчика на левом глазу выскочил ячмень, и две недели он не мог ходить в школу».

Причины, влияющие на многозначность слов, различны. Жизнь социума в различных аспектах не стоит на месте, а развивается, трансформации вместе с тем подвергается и его язык, особенно в плане расширения слов и их значений. Значит, полисемия есть «обязательная закономерность развития словарного состава языка» [Уфимцева 2010: 191].

Развитию полисемии в языке способствуют как собственно внутрилингвистические, так и экстралингвистические факторы, к которым относятся следующие:

1. Принцип языковой экономии, т.е. невозможность номинации каждого нового явления другим словом, поскольку это приводит к непомерному увеличению словарного состава языка. В силу этого разные понятия могут быть представлены одной и той же лексемой, нередко в результате переноса.

2. Человеку присуще «обобщать в слове явления окружающего нас мира, которая отражается в языке, в том числе в многозначности» [Будагов 1958: 16].

В подтверждение вышеизложенного рассмотрим некоторые примеры на субстантивы. Так у слов *жаннет* «рай», *жаханим* «ад» значения «красивое место, доставляющее удовольствие, наслаждение», «предмет, место, которое, по мнению суеверных, приносит неприятности, беду» связаны с религиозными представлениями карачаевцев и балкарцев.

Многозначность слов *баш* (21 значение), *къол* (8 значений), *аякъ* (7 значений), *аууз* (5 значений), *джюрек* (3 значения) связана тем, что они достаточно релевантны для жизнедеятельности людей. С другой стороны, они могут иметь образные значения в фольклоре, являются обязательными составляющими многочисленных фразеологических единиц и паремических высказываний, т.е. важны с точки зрения этнокультуры.

У слова *къылыкъ* значение «поведение» является главным и основным. Но со временем оно обросло ещё многими значениями: «дисциплина, правило» (*къылыкъны бузуучула* «нарушители дисциплины»), «воспитанность: вежливость, тактичность» (*Ариулукъну къылыкъ озар* (Нарт сёз) «Воспитанность выше красоты»), карач. шалость, озорство; «каприз» (*сабий къылыкъ* «детская шалость»).

Текстовый пример:

Бир кюн Хашир, устазланы жыйын школда сабийлени къылыкъларыны юсюнден сёлешигенди [Хубийланы О.] «Однажды Хашир собрал учителей и выступил о поведении детей в школе».

Специалисты отмечают, что многозначность слова образуется внешними и внутренними причинами. По их мнению, основной причиной многозначности слов является русско-национальное двуязычие. Именно благодаря ему появились значения «сказуемое», «дополнение», «определение», «обстоятельство» у слов *хапарчы* «вестник», *толтуруу* «заполнение; наполнение; выполнение», *айгъакълау* «определение», *болум* «обстоятельство».

Примерами внутренних причин в исследуемом языке могут послужить взаимодействие его своими диалектами, а также его карачаевского и балкарского вариантов между собой. Именно этим обстоятельством объясняется появление значения слова *джыллыкъ* «возраст» и «годовщина», *от жагъа* «отчий дом» - у слова *от жагъа* «очаг», *джарыкъ* «радость» - у слова *джарыкъ* «свет», *таш* «место обитания человека» - у слова *таш* «камень».

Основными условиями, влияющими на многозначность слова, являются следующие:

отсутствие экспрессии и эмоциональной окраски. Эта особая черта часто проявляется в словах-синонимах. Так, в группе синонимов *аша*, *сокъ* (груб. прост.), *сюрт* (груб. прост.), *тыкъла* (груб. прост.) *быстыр* (груб. прост.) первое имеет 10 значений, потому что оно лишено экспрессии и эмоциональной окраски, а остальные – экспрессивно-эмоциональные, потому однозначные.

АША: 1) есть, кушать; *Азыгъын кеси ашагъан джюгюн да кеси элтир* [Нарт сѣз] «Кто поел свою еду сам, тот понесёт и свой груз сам»; 2) кусать, кусаться (о насекомых, паразитах): [*Алим Ахматха:*] *Былайдан кетмесек, чибинле ашан бошарыкъдыла* [«Коммунизмге жол»]; 3) проедать (о моли, черви), точить: *Жаш хуржунундан къурт ашагъан алмачыкъла чыгъарды* [«Заман»] «Парень вытащил из кармана червивые яблоки»; 4) разъедать (химическими веществами): *Далхат хуржунундан тот ашагъан жюлгючюн чыгъарды* [«Шуёхлукъ»] «Далхат вытащил из кармана ржавый складной нож»; 5) размывать, подмывать берег: *Сукан суу жагъаларын ашагъанды* «Река Сукан суу размывла свои берега»; 6) натирать (об обуви, одежде): *Жашчыкъны сол табанын жангы чурукъ ашагъанды* «Левую пятку мальчика натер сапог»; 7) кѣч. выигрывать (коня, пешку и т.п.): *Хасан Хамитни эки пешкасын ашады* [«Огъурлу танг»] «Хусей выиграл у Хамита две пешки»; 8) терзать: *Ананы жюрегин бушуу ашайды* [«Шуёхлукъ»] «Горе терзает сердце матери»; 9) присваивать (чужое): *Биреуню къыйынын ашагъан айынды* «Стыдно присваивать чужое»; 10) кѣч. изводить (попрекать, бранить): *Сый юсюнде къатынла бир бирлерин ашайдыла* [«Коммунизмге жол»] «При раздаче подарков невестке женщины изводят друг друга»;

В синонимическом ряду прилагательных *эринчек* > *хомух* > *жалкъау* > *мытыр* > *мыт-мыт*, *бошбел*, *бошбоюн*, *бошбыдыр* «ленивый, инертный, хохля» первые и последние три употребляются карачаевцами и балкарцами, остальные – только балкарцами. Слова, употребляемые обоими народами, и не имеющие экспрессии, эмоциональной окраски, создают поговорки (от двух до девяти), что свидетельствует об их свободной употребительности: *Эринчекни эрини къургъакъ* [Нарт сѣз] «У ленивого губы сухие (т.е. нечего есть)»;

Эринчекге кече кысха [Нарт сѣз] «Ленивому ночь короткой [кажется]»; *Эринчекге бюгюнден тамбла тынч* [Нарт сѣз] «Ленивому легче [сделать] завтра, чем сегодня; ленивый всё на завтра откладывает»; *Эринчекни сылтауу тауусулмаз* [Нарт сѣз] «У ленивого отговорки не кончаются»; *Эринчек тюшге дери жукълар да ингирге дери эснер* [Нарт сѣз] «Лодырь до обеда спит, до вчера зевает»; *Эринчекни тамбласы кьурумаз* [Нарт сѣз] «Лодырь не устает кормить завтраками»; *Эринчек ауруу табар, ишлеген саулукъ табар* [Нарт сѣз] «Ленивец зарабатывает болезнь, а трудолюбивый – здоровье»; *Эринчек бир аягъын алгъынчы, бир аягъын ит алыр* [Нарт сѣз] «Лентяй пока одной ногой переступит, другую собака унесет» и др.

Частота употребления слова при условии актуальности обозначаемого им понятия. Так в синонимическом ряду *аш*, *азыкъ*, *ашарыкъ*, *къабарыкъ*, *ушхууур*, *тишге саллыкъ* чаще других слов в группе употребляется *аш*. Поэтому оно многозначно:

- пища, еда (*Ашынгы бермесенг да, къашынгы бер* [Нарт сѣз] «Если даже не будешь кормить, посмотри приветливо»;

- провизия, продукты (*Хант канганы юсю ашдан толуду* «На пищевом столе полно еды»;

- этн. поминки (*Ыннаны ашында кѣп адам бар эди* «На поминках бабушки было много людей»;

- питание, характер пищи (*Иши барны ашы бар* [Нарт сѣз] «У кого есть работа, у того есть питание»; *Ашда – тири, ишде – кери* [Нарт сѣз] «В еде – активный, в работе – лентяй»;

- мякоть тыквенных культур (*Хыяр, хууан сары ичлидиле* «Тыква и дыня имеют желтую мякоть»;

- корм (*Совхозда мал аш элекди* [«Заман»] «В совхозе достаточно корма для скота»;

- кѣч. то, что является источником для чего (*Нарт сѣз – акъылны ашы* [Нарт сѣз] «Пословица (и поворка) – пища для ума»; *Хыйны-халмаи – кьуртхагъа аш* [Нарт сѣз] «Колдовство – пища для гадалки».

Что касается синонимов этого слова, то они однозначны. Объясняется это тем, что они менее употребительны, чем слово *аша*, так как обозначаемые ими понятия по активности заметно уступают ему. То же самое можно сказать о глаголе *аша* «есть, кушать» в синонимической группе *аша, ауузлан, сюрт, сокъ*. Он имеет 10 значений, а остальные слова группы – по одному.

Неделимость слова на морфемы. Сравнение словообразования лексем с производной и непроизводной основами показывает, что в этом вопросе первые уступают вторым. Более сведущие исследователи данной проблемы интерпретируют это учитывая то, что «значение словообразовательных формантов... индивидуализирует общее значение слова и мешает использованию его в качестве знака для обозначения других понятий» [Прохорова 1980: 21]. Данное положение имеет прямое отношение и к существительным исследуемого языка. У большей части имен существительных, употребляющихся в переносном значении, основы непроизводны. Другой факт: имена существительные, имеющие производную основу, в переносном значении употребляются редко. Говоря иначе, они моносемичны.

Словообразовательный потенциал той группы слов, к которым относится та или иная лексема, т.е. многообразие производных, в том числе и переносных, значений лексем сопряжено с их словообразовательными интенциями. Подобные лексем в языке избыточны. Многозначными из них являются немногие, в основном названия пищевых продуктов: *шорпа* 1) бульон (*Арыкъ этни шорпасы татымаз* [Нарт сёз] «Тощего мяса бульон бывает невкусный»); 2) суп, щи, борщ (*Уля картоф шорпа келтирди* [«Шуёхлукъ»] «Уля принесла картофельный суп»); чай 1) чай (*Исси джерледе бананла, кофе, чай битедиле* «В теплых краях выращиваются бананы, кофе, чай»); 2) ол битимлеге аллай ичги этер ючюн хайырланыучу чапыракълары (*гюрджю чай* – грузинский чай, *цейлон чай* – цейлонский чай); 3) ол чапыракъладан этилиучю ичги (*Къонакъла чай ичерге унамадыла* [«Заман»] «Гости отказались пить чай»); *худур* 1) похлебка (*Итле худурдан тоюп, къош аллында джатадыла* [Кациланы Х.]

«Наевшись похлебки, псы лежали перед кошарой»); 2) месиво, бурда (*Къарт къатын бла школчу сабийле арбазда топуракъ тѣбеден худар этедиле* [«Шуѣхлукъ»] «Старуха и школьники во дворе дома месят бурду из кучи глины»).

Данные словарей карачаево-балкарского языка свидетельствуют о том, что наиболее активными в образовании многозначности являются названия степени родства и домашних животных.

В словах, показывающих степень родства, женское родство в многозначности уступает мужскому. Так, слово *ана* имеет 4 значения (1. «мать», 2. «мама» (обращение к матери); 3. «мать» (обращение к пожилой женщине); 4. «самка» (у некоторых животных)), *анпа* – 3 значения (1. «дед»; 2. «старик»; 3. перен. «предок»), *ата* – 5 значений (1. «отец»; 2. мн. «предки»; 3. перен. «основоположник чего-либо»; 4. обращение детей к отцу; 5. обращение к пожилому мужчине), *джаши* – 3 значения (1. «юноша, парень»; 2. «сын» (по отношению к своим родителям)); 3. «сын (страны, Карачая, Балкарии)», *къарнаш* – 5 значений (1. «брат»; 2. в позиции определения «братский»; 3. «единомышленник, собрат»; 4. фамильярное и дружеское обращение к мужчине; 5. перен. «друг, сторонник, приверженец, защитник»), *къыыз* – 2 значения (1. «девушка»; 2. карт. «дама»), *эгеч* – 3 значения (1. «сестра»; 2. «женщина, объединенная с кем-либо общими интересами, положением, условиями»; 3. «сестра (обращение к молодой женщине)»), *эр* – 3 значения (1. «муж, супруг»; 2. «(настоящий) мужчина»; 3. в позиции определения: мужественный), *ынна* – 2 значения (1. «бабушка»; 2. «старая женщина»).

Названия домашних животных: *мангырамаз* 1) козел или баран после четырех лет; 2) перен. прост. глупый, тупоумный; *лохнай* 1. дворняга, дворняжка; 2. карач. перен. груб. прост. «о толстой неуклюжей женщине», «о спокойном человеке» и др. Собранный материал показывает, что названия птиц, насекомых, диких животных и пресмыкающихся в данном языке в переносном значении употребляются довольно редко. Например, среди имен животных

такое значение имеют *айыу* – 1. медведь, 2. прост. перен. медведь (о неповоротливом, медлительном человеке), *тюлкю* – 1. лиса; 2. перен. лиса, хитрец, из пресмыкающихся – слово *жилян* – 1. змея; 2. перен. змея, фурия.

В приведенных выше словах перенос обусловлен сходством физических качеств, поведения человека с животными, например, упрямством мула, хитростью лисы, покорностью овцы, тупостью осла, злостью змеи, подлостью собаки.

Видимо, из всех групп слов многозначностью отличаются названия частей человеческого тела [Черданцева 1984: 132]. Значения этих названий доходит до 21. Среди них наиболее многозначны *баш* «голова» (21 значение), *тил* «язык» (9 значений), *аякъ* «нога» (7 значений), *къол* «рука» (7 значений), *табан* «пятка» (6 значений), *аууз* «рот» (5 значений), *бурун* «нос» (4 значения) и др. в этой группе слов немногочисленны, т.е. не употребляются в переносном значении, только *бармакъ* «палец», *ёпке* «легкое», *бюрек* «почка». Тем не менее они наравне с многозначными словами участвуют в словообразовании: *бармакъ* – *бармакълыкъ* «напалечник», *бармакъсыз* «беспалый», *ёпке* – *ёпкеле* «обижаться на кого-что», *ёпкелет* «обижать кого, вызывать чье недовольство», *ёпкелеуюк* «обидчивый», *ёпкелеуюклюк* «обидчивость», *ёпкелеу* «обижаться» (о двух и более людях), *ёпкелетиу* «нанесение обиды (кому)», *ёпкелеучю* «обидчивый», *ёпкелеучюлюк* «обидчивость».

Лексикализация форм множественного числа. Это в основном устаревшие слова: *къалыубала* «незапамятные времена», *акъла* «белогвардейцы» (*акъла* «белые»), *къызылла* «красноармейцы» (*къызылла* «красные»), *хазырла* «газыри» (*хазырла* «готовые»).

Текстовые примеры:

Махмут улуну башында къара мухар бёркю, юсюнде уа кюмош хазырлары болган мор чепкени бар эди [Гуртуланы Б.] «У сына Махмута на голове была черная бухарская шапка, а одет был он в коричневую черкеску с серебрянными газырями».

Сыйлы кёрюнеди санга кьалыубалада кьуралгъан элинг [Мокьаланы М.]
«Для тебя дорого село твое, образованное в незапамятные времена».

Из современных слов можно назвать следующие: *айырыула* «выборы» (*айырыула* «выбирания»), *кесекле* «простуда» (*кесекле* «куски»), *урунганла* «трудящиеся» (*урунганла* «потрудившиеся»), *эгизле* «близнецы, двойня».

Текстовые примеры:

Жабраил, кесекледен ауруп, ишге келмей, сау ыйыкьны турду
[«Шуёхлукъ»] «Жабраил заболел гриппом и целую неделю не ходил на работу».

Аргентинаны халкьы кьыралда улуу тюрлениуле болурларын суйгенин айырыула кёргюзтген этдиле [«Коммунизмге жол»] «Выборы показали, что народ Аргентины хотел, чтобы в стране произошли большие изменения».

Сен [Туугъан жер] жюрек жылыу саласа урунганланы барысына!
[Гуртуланы Б.] «Ты [Родина] даешь свое сердечное тепло всем, кто трудится!».

Эгизчикле, кьол тутушуп, кьанат битип, школ таба атландыла
[«Шуёхлукъ»] «Близнецы, взяв друг друга за руки, очень веселые, отправились в сторону школы».

Россей Федерацияны халкь депутатларын сайлаулары кюню джете турады [«Ленинни байрагъы»] «Подходит день выборов народных депутатов Российской Федерации».

Айырыулары заманында депутатха кандидатла бла кёп тюбешиуле бардырыладыла [«Заман»] «Во время выборов проходит много встреч с кандидатами в депутаты».

Выводы по второй главе

Изложенное в данной главе показывает, что лексическое значение слова имеет следующие разновидности:

Прямое и переносное. Прямое значение – это основное лексическое значение слова в собственном смысле, т.е. логическое значение в отличие от

наслаивающихся на него эмоционально-экспрессивных оттенков, а переносное значение – производное, вторичное, неосновное значение, приобретаемое словом, например: *ажаш* – 1) заблудиться; 2) перен. ошибаться; *жараулу* – 1) пригодный, годный; 2) перен. замечательный.

Непроизводное и производное. Первичное значение слова является непроизводным. Слова же, образованные на основе первоначального значения, являются производными. Являясь первичным, непроизводное значение не мотивируется. Производное значение же мотивируется первичным значением. Поэтому впоследствии его стали называть вторичным.

Свободное и несвободное значение. Свободное значение слова – это такое значение, которое существует при сочетании его с широким кругом слов и непосредственном отражении окружающей действительности. Несвободное же значение выявляется при сочетании слова только с определенными словами. Принято выявлять следующие разновидности несвободных значений:

а) фразеологически связанные значения, имеющие место только в составе устойчивых сочетаний-фразеологизмов, например, *одай гюттю* (вид растения), *хырс туз* «соль-лизунец (для скота)», *ахы кетди* «сильно испугаться (испугалась)», *ахын ал* «сильно напугать кого». В этих словах первые компоненты самостоятельно не употребляются, потому что не имеют значений;

б) синтаксически обусловленное значение образуется тогда, когда слово в предложении выступает в необычной для него функции. Например, прямым значением слова *хайыуан* является «скотина», а синтаксически обусловленным – «глупый, недогадливый человек»;

в) конструктивно-ограниченные значения раскрываются в определенных грамматических конструкциях (*джагъа* 1. «ворот, воротник» – прямое значение, 2. «берег» (*сууну, тенгизни джагъасы* «берег реки, моря» – конструктивно-ограниченное значение)).

Номинативное и экспрессивно-синонимическое значения. Номинативное значение лексемы есть основное первичное ее значение, сопряженное с репрезентацией реалий окружающей действительности. Например, *джер*

«седло» (номинация предмета), *субай* «стройный» (номинация признака предмета), *уч-* «летать» (номинация действия), *джыйырма* «двадцать» (номинация количества), *акъырын* «медленно» (номинация признака действия).

Экспрессивно-синонимическое значение лексемы без эмоционально-оценочного элемента не существует, потому что оно является в нем основным.

Абсолютное большинство с таким значением бывают синонимами слов с номинативным значением: *ат* «лошадь» - *мырка* «кляча», *ит* «собака» - *лохнай* «дворняга, дворняжка», *къоркъакъ* «трусливый» - *зыкъы*, *зыкъым*, *зымпыкъ* «очень трусливый», *тели* «глупый» - *къолан* букв. пестрый.

Все основные признаки слова не демонстрируют точно действительный смысл его основного значения. Оно проявляется только в том значении, которое в большей степени детерминировано его парадигматикой и меньше всего обуславливается синтагматически. Переносные значения слов обозначаются обычно путем метафоризации и метонимизации. В карачаево-балкарском языке, в отличие от большинства тюркских, в образовании указанных значений особая роль отводится эвфемизации и табуированию, поэтому они занимают третье место в способах образования таких значений слов. Некоторые исследователи считают, что метафора и метафорический перенос – явления разные [Черкасова 1968; Корольков 1968]. Но на самом деле – это разновидности одного и того же явления в языке. Сравнение употребления этих явлений показывает, что метонимия употребляется в языке чаще, чем метафора.

Эвфемизация – это замена неприличных, нетактичных слов и выражений приличными и тактичными. Она часто приводит к образованию синонимов (*ёл* – *аууш* «умереть»), омонимов (*аууш* 1. «умереть» – *аууш* «перевал») и многозначности (*къозла* «рожать» – *къутул* 1. «спасаться, избавляться»; 2. «убегать»; 3. «разродиться, разрешиться»).

С эвфемизмами тесно связано и табуирование – запрет, налагаемый на какое-либо действие, слово, предмет, нарушение которого по суеверным представлениям карается сверхъестественными силами. Например, вера

носителей языка в то, что упоминание нежелательного явления может привести к горю, беде, вынудило их заменить глагол ёл «умирать» словами *аууш*, *тынкай* (карач.), словосочетаниями *жан ал*, *дуниядан кет*, *жан бер*, *ол дуниягъа кет*, *дунияны алым*, *къайтмаздан кет*; существительное *кёме* «корь» – словом *бюртюк* (букв. «зерно»).

Употребление слова может запрещаться и по другим мотивам, например, для скрытия воровства: *къым*, *сыпырт*, *сызгъырт* вместо *урла* «воровать»; позорного поступка: *жат*, *тут*, *тюпле* вместо *артыкълыкъ эт* «изнасиловать».

Многозначности лексем способствуют как внутрилингвистические, так и внелингвистические факторы. Для последних важны: 1) экономия языковых ресурсов, разные предметы обозначаются одним словом: *тиш I* «зуб» – *тиш II* «вертел» – *тиш III* «скирд»; 2) умение носителя языка показать многообразие жизненных реалий, которые впоследствии отражаются и на полисемичности слов.

К внутрилингвистическим факторам относится, например, взаимосвязь двух вариантов карачаево-балкарского языка между собой, а также их диалектов и говоров. В этом отношении показательно значение «годы жизни» у слова *джыллыкъ* «годовщина» (в карачаевском варианте), «радость» у слова *джарыкъ* «свет».

Исходя из вышеизложенного, основными условиями, влияющими на многозначность слов, являются следующие: 1) отсутствие экспрессии и эмоциональной окраски; 2) частота употребления; 3) нечленимость на морфемы; 4) возможность словообразования.

ГЛАВА 3. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ

3.1. Репрезентация лексических значений слов в лексикографической практике

Лексические значения слов, характеризующиеся производностью.

Лексикография в целом базируется на таких операциях, как отбор слов, их лексико-семантическая и стилистическая интерпретация и т.п., что имеет непосредственное отношение к выделению всего имеющегося спектра значений полисемантических слов и их словарным дефинициям. Составители различных типов словарей тюркских языков, как правило, ориентируются на опыт разработчиков лексикографических источников как других родственных, так и русского языка. Данные проблемы нами освещены в ряде научных статей [Ахматова 2015а, 2015б, 2015в; Тамбиева, Ахматова 2020].

В имеющихся лингвистических словарях переводного плана часто обнаруживается неполнота и недостаточность в плане выявления и интерпретации значений слов, характеризующихся полисемантической, чего не скажешь относительно словарей толковых. Это, например, обуславливается тем, что такие словари лексикографы-тюркологи готовят более основательно, чему способствует в немалой степени соответствующая фактологическая база, т.е. обширная картотека слов и подготовленный на ее основе словник, хотя это тоже не всегда срабатывает. Так, в Карачаево-балкарско-русском словаре у вспомогательного глагола *болургъа* «быть» представлены 17 значений [Карачаево-балкарско-русский словарь, 1989: 157-159], тогда как в Толковом словаре карачаево-балкарского языка у этой же лексеммы отмечены всего лишь 7 значений [Толковый словарь карачаево-балкарского языка, 1996, Т.1: 467]. Башкирско-русский словарь актуализирует у этого же слова (*булуу*) 23 значений [Башкирско-русский словарь 1996: 109], а Толковый словарь башкирского языка – 30 [Словарь башкирского языка 1993, Т. 1: 172-173]. В Кумыкско-русском же словаре мы имеем у глагола *болмакъ* 16 значений

[Кумыкско-русский словарь 2013: 76-77]. Это говорит о том, что семантическая интерпретация лексем в словарях все еще представлена неисчерпывающе, так как дефиниция значений таких лексем неодинакова, да и не может быть таковой в силу специфики отдельно взятого тюркского языка.

В научных трудах по лексикологии тюркских языков не обнаруживается единства мнений относительно интерпретации таких лингвистических понятий, как «значение слова» и «оттенок значения слова». Это влечет за собой некорректные дефиниции семантики лексических единиц в словарях.

Динамический характер лексики в целом, соответственно и значений лексем – факт общеизвестный, чем и детерминируется их семантика, проявляющаяся в первую очередь в расширении объема их значений, а иногда и в уменьшении. В одних случаях слова приобретают новые значения, теряя свои старые значения, а в других происходят функциональные и стилистические перемещения в значениях слов.

Так, значения просторечных и разговорных лексем, терминов и диалектизмов с течением времени начинают приобретать общеупотребительный характер, т.е. их ненормативные значения становятся узувальными, имеет место и обратное. Такие трансформации семантики лексем часто остаются вне поля зрения лексикографов. Между тем они заслуживают пристального внимания относительно получения новых значений или же их архаизации, что диктуется спецификой текстов различной жанровой соотнесенности. По этой причине, целый ряд значений полисемантических слов не находят отражения в словарях. Имеет место и смешение значений, т.е. переносные значения трактуются как основные, ненормативные – как нормативные.

Лексические значения залоговых форм в большинстве случаев совпадают с составом значений глагола [Саляхова 2012: 21], на который делается ссылка. В таких случаях принято ограничиться отсылкой на производящую основу (ср.: кар.-балк. *башла-* «начинать» (толк.), *башлат-* – понудительный залог от *башла-*), что вполне приемлемо. Однако в ряде случаев не бывает такого

совпадения указанных значений, залоговая форма иногда образуется не от всех значений многозначного глагола. Например, от восьми значений киргизского *ач-* «открывать» формы взаимного и понудительного залогов не образуются в шестом его значении «раскрываться (о почках, цветках)», от пяти значений казахского *кӧрсӧт-* «показывать» формы этих же залогов не образуются во втором его значении. Следовательно, эти значения требуют отдельной разработки. Однако подобные факты не учитываются в толковых словарях казахского и киргизского языков, вследствие чего залоговые формы в них получают искаженное отражение.

Регулярным конвертированным значениям полифункциональных слов одни тюркские словари не уделили вообще никакого внимания, а другие, хотя и зарегистрировали их, разработали неудачно.

В исследуемых словарях имеют место факты, как излишнего дробления значений, так и отсутствия разграничения действительно различающихся значений слова.

Фразеологически связанные значения. Во фразеологически связанном значении предметно-понятийное ядро выступает не так отчетливо, как в свободном значении [Хуболов 2018: 6]. Слова, имеющие такое значение, могут быть соединены лишь с определенным кругом лексем, и обычно в немногочисленных сочетаниях. Слова с фразеологически связанным значением неодинаково связываются с другими словами. Одни из них могут выступать в сочетаниях с двумя и более словами (ср.: кар.-балк. *джаууруна, дыгылына, джарасына кьатыл-* «задеть чье-л. самолюбие»), а другие – только с одним словом (ср.: узбек. *чумак урди* «слегка покраснеть, начинать попевать (о фруктах)», киргиз. *чала джансар* «отречься, отступить, отказаться»).

Фразеологически связанные значения первого типа в словарях не выделяются, ибо в сочетании с определенными словами образуют фразеологические единицы, которые в словарях регистрируются правильно.

Фразеологически связанные значения второго типа фиксируются всеми лексикографическими источниками, оформляются следующим образом: *чумак:*

чумак урди [Узбекско-русский словарь, Толковый словарь узбекского языка], *ваз: ваз кичю* [Татарско-русский словарь, Толковый словарь татарского языка] и т.п. Однако, учитывая, что слова типа *чумак*, *ваз* не имеют прямых номинативных значений и в языке самостоятельно не функционируют, сочетания с такими словами было бы целесообразно отнести к фразеологии, как это сделали составители Толкового словаря карачаево-балкарского языка.

Обусловленные значения. Обусловленные значения полисемичных лексем и их основные значения лексикографами выделяются примерно одинаково. У них нет сомнений относительно релевантности отдельной их представленности в словарном издании, но «практическим осуществлением этой задачи при всем ее должном понимании еще мало кто занимается всерьез. Достаточно сказать, что в практической лексикографии еще не выработаны приемы дифференцированного показа различных типов обусловленных значений и их соотношения между собой и между ведущим значением слова» [Юлдашев 1972: 381].

Производные значения тюркских лексем часто обнаруживаются при некотором синтаксическом окружении, например, башк. (йыл) *башы* «начало года», кумык. (столну) *уьстю* «верх стола», хакас. (стол) *кисті* «задняя сторона (стола)». Данные примеры представляют собой изафетные конструкции.

Рассмотрим башкирские слова *ауыз* «рот; уста», *баи* «голова», являющиеся общетюркскими. Их производные значения зависят от тех слов в родительном падеже, с которыми они сочетаются. Иначе говоря, они проявляются в составе первого, второго или третьего типа изафета. В них эти слова постпозитивны, препозитивны же в большей степени имена существительные с локативной и временной семантикой, ср.: баз *ауызы* «лаз в погреб», шешә *ауызы* «горлышко бутылки», мейес *ауызы* «устье печи» [Башкирско-русский словарь 1996: 56]; бағана *башы* «верхушка столба», ай *башы* «начало месяца», урак *башы* «начало жатвы», ылау *башы* «головная часть обоза» [Башкирско-русский словарь 1996: 56].

Указанное релевантно и для производных переносных значений глаголов, ср. слово *инеу* «входить, заходить, заезжать». У этого глагола есть такие переносные значения, как «быть проведенным», «приобретать *какой-л.* вид, качество, стать *каким-л.*, превращаться *во что, в кого*, преобразаться», «впитываться, входить, восприниматься», которые реализуются лишь при определенном контекстуальном окружении, в основном в сочетании с именами в дательном-направительном падеже: *ауылға газ инде* «в деревню проведен газ, деревня газифицирована», *күк төскә инеу* «стать синим», *күпме әйтәм, бер за инмәй* «сколько говорю, нисколько не воспринимает» [Башкирско-русский словарь 1996: 210]. Основные же значения рассмотренных выше полисемичных слов (*ауыз, баш, инеу*) не зависят от семантики окружающих их лексем. На такие различия между контекстуально детерминированными и недетерминированными значениями полисемичных слов лексикографы в основном не обращают внимания, что не раз подвергалось критике в специальной литературе [Юлдашев 1976: 91-99].

Безусловно, разграничение основных и детерминированных значений лексем достаточно сложно, в силу чего составители словарей порой не стремятся раскрывать, каково соотношение между этими разновидностями значений, не актуализируют их лингвистическую интерпретацию и остаются на позициях традиционной лексикографии при словарных интерпретациях полисемичных лексем. Это приводит к тому, что в лексикографических источниках детерминированные морфолого-синтаксическими причинами и контекстуальным окружением значения слов не оговариваются и репрезентируются так же, как и основные их значения [см. об этом: Ольховская 2011]. См. ниже:

АЯК¹. *и.* 1. Кешенең, кош-корттарзың һәм кайһы бер хайуандарзың баһып йөрөү өсөн хезмәт итә торған ағзаһы. *Уң аяк. Һул аяк. Тайыш аяк. Сатан аяк. Аяк табаны. Аяк атлау.*

2. Ултыртмалы нәмәләрҙең астағы терәге; тояк. *Өстәл аяғы. Ултырғыс аяғы. Телевизор аяғы* [Словарь башкирского языка, Т. I 1993: 101].

КАРАК. 1. Көөрүнүң органы. – Глаз. *Чүү болганын аайын тыппайн, караам чара көрүпкен тур мен* (С. Тока).

2. Көөр аяны, канчаар көөрү. – Взгляд, выражение глаз. *Улустуң карактары база ол ойбактар ышкаш соок болгай* (С. Тока).

3. Автомобильдин, өске-даа машиналарның мурнуу талазында чоруур орук чырыдар херексели. – Фара. *Карааның одубиле караңгыны үзе таппышаан, машиналар шипшен чорупкан* (К. Аракчаа).

4. Хайгаарал кылыр кылдыр белеткээн үт. – Отверстие для наблюдения. *Оңуга баргаиш, ооң бакылаар караанче боозун хөлдээш, көрүп-ле олур* (К. Сарыг-оол).

5. Чүвениң кырын шыпкан дөрт-булуңчуктарның бирээзи. – Квадрат, клетка на поверхности чего-л. ...*Хана караан өттүр... холун сунуп кирип келди* (М. Өлчей-оол).

6. көз. Көзерниң арнында ооң үнезин көргүүзери-биле чураан демдек. – Очко, значок на игральной карте. *Кымның холунда каш карак барын билир чүве-биле дөмей* (М. Көжелдей) [Толковый словарь тувинского языка 2011, II: 70].

Подобная лексикографическая разработка обусловленных значений многозначных слов в общих словарях тюркских языков, даже академического типа и составленных в последние годы, к сожалению, получила широкое распространение. Она создает неправильное представление о семантической природе многозначных слов, особенно у тех, кто не искушен в этих вопросах.

В этом отношении Толковый словарь карачаево-балкарского языка несколько отличается от аналогичных словарей большинства тюркских языков. Так, слово или слова, которые обуславливают появление детерминированного значения у определенной лексической единицы, берутся в круглые скобки, а дальше приводится толкование значения, а также соответствующий иллюстративный материал, способствующий его пониманию. Приведем лексикографический материал:

ТЮШ 3. (Аууздан, кьолдан д.а.к.) *тюш* «выпадать (изо рта, из рук и т.п.)» / Биреуню ауузундан, кьолундан ычхынып кет. *Эт кесек кьаргьаны ауузундан жерге тюшгенди.*

4. (Тюк, тиш д.а.к.) *тюшдю* «выпадать (о волосах, шерсти, зубах и т.п.)» / Ауруп неда башха сылтау бла акъ, жокъ бол. *Башланган иш бишер, кьымылдагъан тиш тюшер.*

5. (Чач) *тюшдю* «свисать (о волосах)» / Энишге салын, мангылайны, кёзлени жап. *Аны чакъмакъ чачы бетине тюшгенди.*

6. (Суугъа, чунгургъа д.а.к.) *тюш* «падать (в воду, яму и т.п.)» / Суугъа, уругъа жыгъыл, кет. *Суугъа тюшген таш кьармар.*

7. (Атдан, автобусдан д.а.к.) *тюш* «выходить, сходить (напр. из автобуса)» / Кьолларынг бла атны бир затындан, иерни кьашындан, автобусну эшигини сабындан тутуп, секирип неда тынч халда аякъларынгы жерге сал, чыкъ. *Жамийлят атдан тюшгенди.*

8. (Къапханнга, пленнге д.а.к.) *тюш* «попасться (в плен, в капкан и т.п.)» / Билмей тургъанлай пленнге алынып, къапханнга тутулуп, д.а.к. зат болуп, кьыйынлыкъ сына. *Аны кьолуна тюшген къапханнга тюшген кибикди* и т.д. [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2005: 667].

С нашей точки зрения, способ лексикографирования обусловленных значений слов, который применен карачаево-балкарскими лексикографами при составлении трехтомного толкового словаря родного языка, дает возможность для четкого разграничения самостоятельного и обусловленного значений слова.

Обращение к разработкам семантических составляющих полисемичных слов, представленных в лексикографических источниках тюркских языков, в частности в толковых словарях, свидетельствует о том, что случаев неразграничения в них самостоятельных и детерминированных значений лексем достаточно много. Это дает возможность составителям словарей не только приписывать им статус самостоятельности, но иногда приводит к еще более серьезным просчетам. Эти ошибки в словарях проявляются в двух видах. Одна из них связана с тем, что детерминированное (обусловленное) значение в

некоторых словарях рассматривается как достояние всего словосочетания, т. е. значение слова приписывается всему словосочетанию, в результате чего последнее расценивается как фразеологическая единица (ФЕ) или сложное слово, которые даются за знаком \diamond : *Ишончин окъламокъ* «оправдать доверие»; *она сутини окъламокъ* «оправдать доверие матери-родины», *тузини окъламокъ* «оправдать хлеб-соль» [Толковый словарь узбекского языка]; *мейлис гурмак* «организовать вечеринку»; *сохбет гурмак* «организовать беседу»; *той гурмак* «организовать той» [Толковый словарь туркменского языка]; *къарызгъа батты* «влезть в долги»; *Ойгъа батты* «погрузиться в думы», *Уйкъугъа батты* «погрузиться в сон» [Толковый словарь казахского языка]. Здесь нет никакой фразеологии. Слова *окъламокъ*, *гурмак*, *батты* в сочетании с определенными словами, помимо своих основных значений, приобретают еще новые значения: (ишончин, она сутини, тузини) *окъламокъ* «оправдать (доверие, хлеб-соль)» – показать себя достойным чего-н.; (мейлис, сохбет, той) *гурмак* «организовать (вечеринку, беседу, той)» – подготовить, наладить что-л.; (кызыкъгъа, ойгъа, уйкъугъа) *бат* «погрузиться (в думы, сон)» – прийти полностью в какое-н. состояние, целиком предаться какому-н. чувству, делу.

Другая типичная ошибка заключается в том, что некоторые составители словарей выступают за омонимию неэтимологическую, которая базируется на многозначности лексем. При этом между детерминированным и основным значениями полисемичного слова не обнаруживается семантическая связь, которая была бы явно выражена. Тогда эти значения трактуются как омонимичные и речь заходит о самостоятельных словах. Это касается в особенности Толкового словаря киргизского языка, ср.:

Кабак I «веко; веко с надбровной дугой».

Кабак II «обрывистый берег ложбины, реки, низменного места».

Каиш I. 1. «бровь»; 2. «место, находящееся около чего-л.».

Каиш II «лука (седла)».

В «Киргизско-русском словаре», составленном К.К. Юдахиным, который по времени издания предшествует Толковому словарю киргизского языка,

обусловленные значения слов выделены правильно, т.е. оценены не как омонимы в отношении к ведущим значениям их, а как производные от последних, ср.:

Кабак 1. «веко; веко с надбровной дугой»; 2. «рытвина, впадина».

Каиш 1. «бровь»; 2. «лука (седла)».

Таким образом, обусловленные значения слов одного порядка языка в его различных словарях получили разную квалификацию.

В лексикографической квалификации указанных типов значений в киргизском языке нет единства в рамках даже одного лексикографического источника. Так, например, в этом языке *каптал* 2. «склон горы» – такое же обусловленное значение, какими являются приведенные выше значения *каиш* «лука (седла)» и *кулак* «ушко (напр., котла), ручка (напр., кастрюли), дужка (напр., ведра)». Все эти значения проявляются лишь при условии сочетания слов *каптал*, *каиш*, *кулак* с определенными словами и то только в строго определенной их форме: (тоонун) *капталы* «склон (горы)», (ээрдин) *каишы* «лука (седла)», (казандын) *кулагы* «ушко (котла)», (чаканын) *кулагы* «дужка (ведра)». Тем не менее *каптал* 2. «склон горы» оценено как значение, а *каиш* «лука (седла)» и *кулак* «ушко; ручка; дужка» возведены в ранг самостоятельных слов.

Отмеченные факты говорят о недостаточной изученности семантики многозначных слов, в особенности специфики проявления их обусловленных значений.

Переносные значения. Подавляющее большинство собственно переносных значений многозначных слов в анализируемых словарях, особенно в толковых словарях азербайджанского, карачаево-балкарского и татарского языков, выделяется правильно. Однако в толковых словарях казахского, киргизского, узбекского языков этот вопрос нередко решается не вполне удовлетворительно. Названные значения в них во многих случаях квалифицируются как прямые. Например: *уч* 2. «очень быстро ехать, нестись», 3. «быстро проходить (о времени)», 4. «падать, валиться на землю»,

5. «стремиться вперед, быстро двигаться вперед», 6. «вдохновляться»; уу II. 2. «условие, благоприятные обстоятельства, удобный момент; секрет, тайна»; *каар* 2. «мучение, затруднение», 3. «суровость, грозный вид; ярость»; *ак* 2. «честный», 3. «невинный, невиновный» [Толковый словарь киргизского языка]; *арам* 4. «нечестный»; *айыр* II. 5. «разлучить», 6. «разнимать», 7. «выделять кого-н., отдавать кому-н. предпочтение перед другими»; *адал* 2. «честный», 3. «безобидный», 4. «преданный», 5. «достоверный, истинный, действительный», 6. «невинный, невиновный»; *акъта* 3. «оправдывать»; *акътаушы* 4. «тот, кто оправдывает доверие, надежду и т. п.» [Толковый словарь казахского языка]; *окъ* I. 2. прил. разг. «водка», 5. сущ. «невинный человек»; *окъламокъ* 6. «оправдывать, признавать допустимым»; *окъир* 2. «трудный, требующий больших усилий»; *очмокъ* 8. «обнаружить, вскрыть, уточнить что-л.», 11. «усиливать, развивать»; *емокъ* 2. «тратить, расходовать на жите-бытье», 3. «присвоить, взять и не вернуть» [Толковый словарь узбекского языка]; *ак* 2. «невинный, невиновный»; *акламак* 2. «оправдать, признать невиновным на суде»; 3. «оправдать, доказать чью-л. правоту»; *баиш* 7. «источник»; *боиш* 7. «пустой, неважный, незначительный, бессмысленный; необоснованный» [Толковый словарь татарского языка].

Однако никак нельзя ставить в один ряд эти значения с прямыми значениями слов *уч* 1. «летать», *уу* II. 1. «охота», *каар* 1. «ярость, гнев, злоба»; *арам* 1. «издохший, околевающий, не зарезанный», *айыр* 1. «порвать», *адал* 1. «чистый, годный (к употреблению)», *акъта* «белить»; *окъ* I. 1. «белый», *окъламокъ* 1. «белить», *огъир* 4. «тяжелый», *очмокъ* 1. «открывать», *емокъ* 1. «есть, кушать»; *акъ* 1. «белый», *акламак* 1. «белить», *баиш* 1. «голова», *боиш* 1. «пустой, порожний», как это предложено в перечисленных словарях.

В ряде случаев переносное значение слова может стать его основным значением. Ср., например: кар.-балк. *баишсыз* «глупый», *баишлы* «умный». В своих первоначальных прямых значениях «не имеющий головы, крышки, верхней части и т.п.», «имеющий голову, крышку, верхнюю часть и т.п.» эти слова являются регулярными производными, которые словарями обычно не

фиксируются. Таким образом, подобные слова тюркские словари регистрируют в переносном, вторичном значении. В таких случаях, т. е. когда переносное значение слова становится его единственным значением, последнее нельзя оценивать как переносное, как это делается в некоторых словарях, ср.: *баилы* прил. 1 перен. разг. «умный, сообразительный, понятливый» [Толковый словарь татарского языка].

В выделении генетически переносных значений по сравнению с собственно переносными значениями в анализируемых словарях ошибок встречается значительно меньше. Но поскольку эти ошибки могут повторяться в словарях, составляемых теперь или подлежащих составлению, следует на них остановиться. Так, в Толковом словаре киргизского языка у слова *бел* «поясница, талия» четвертое значение «седловина (горы, вышки и т. п.)», в Толковом словаре казахского языка шестое значение «ушко (иголки)» и седьмое «отверстие (юрты), ячея (в сетях)» у слова *кёз* «глаз» отмечены как переносные. Однако это неверно. Перенос значения в этих словах произошел на основе сходства предметов по форме, поэтому указанные значения переносны лишь по своему происхождению, в настоящее же время они употребляются как прямые производные значения. По сравнению с собственно переносными значениями, которые внеконтекстны (узуальны, не связаны с ситуациями), генетически переносные значения контекстуальны (т.е. связаны с определенной ситуацией). Иначе говоря, эти значения ничем не отличаются от рассмотренных выше обусловленных значений. Поэтому лексикографическая разработка их должна совпадать с разработкой обусловленных значений, и указание пометы *перен.* (переносное) в них представляется излишним.

Специальные значения. В выделении специальных значений слов в исследуемых толковых словарях наблюдаются ошибки трех типов.

Во-первых, в ряде случаев специальные значения не отмечаются, т. е. они даются как общеупотребительные значения. Это имеет место в основном в толковых словарях киргизского и татарского языков, например: *балта* 2 «валет (в картах)», *банк* 2 «в карточных, играх: поставленные на кон деньги»,

3 «азартная карточная игра», *көшөгө* 2 «часть драматического произведения» [Толковый словарь киргизского языка], *подвал* 2 «нижняя часть газетной страницы, где напечатана большая статья, а также, сама статья, напечатанная там», *шапка* 2 «общая тема в газете, объединяющая несколько статей, заголовков (набирается крупным: шрифтом)» [Толковый словарь татарского языка].

Во-вторых, производное специальное значение слова дается как отдельное слово, выступающее по отношению к остальным значениям данного слова как омоним, например: *ат* I. сущ. 1. «лошадь, конь» – *ат* II сущ. шахм. «конь», *бөлим* I сущ. «отдел» – *бөлим* II сущ. мат. «знаменатель», *бөлушек* I. сущ. 1. «часть чего-л.» – *бөлушек* II сущ. мат. «дробь» и т.п. [Толковый словарь казахского языка].

В-третьих, разные специальные значения одного и того же слова возводятся в ранг самостоятельных слов, т.е. даются как омонимы, например: *бандадж* I сущ. мед. – *бандадж* II сущ. тех., *барабан* I сущ. муз. – *барабан* II сущ. анат. – *барабан* III сущ. тех. и т.п. [Толковый словарь казахского языка].

Казахско-русский словарь, Кумыкско-русский словарь и Татарско-русский словарь изданы намного раньше, чем толковые словари казахского, кумыкского и татарского языков. Несмотря на это, первые выгодно отличаются от вторых в решении рассматриваемого вопроса: не только указанные здесь, но и подавляющее большинство всех специальных значений слов, помещенных в них, нашли в этих словарях правильную лексикографическую квалификацию.

Значения производных слов. Обращение к производным словам, размещенным в лексикографических трудах тюркских языков, в частности в толковых словарях, говорит о том, что в них значения лексем репрезентируются путем прямого описания, тогда как они должны были быть установлены с учетом их значений, присущих производящим основам. Ср. примеры: *галтаманлык* «бедность» – *гарыплык*, *нукаралык* «бедность, нищета, нужда», *басмачылык* «басмачество» – разбойничье движение, организованное контрреволюционными националистами в Средней Азии в период борьбы за укрепление Советской власти; грабеж, разбой; *бакджачылык* «огородничество,

бахчеводство» – отрасль сельского хозяйства, занимающаяся выращиванием овощных (букв.: зеленых) культур; *аблахларча* нареч. 1. «глупо, по-дурацки» – нодон кишилардек «как бестолковые, непонятливые люди»; *баракали* 1. «обильный, изобильный» – мулкул, тукин-сочин «обильный, изобильный»; *бузармокъ I* «бледнеть» – ранги къув учиб, окъариб кетмокъ «побелеть как стена, становится бледным» [Толковый словарь узбекского языка]; *бишаралыкъ* «бедность, нищета, нужда» – сорлылыкъ, мюсепирлик «бедность, нищета»; *борыштан* «задолжать» – бересили болу «стать должником», *къарыздану* «задолжать, влезть в долги»; *малайлыкъ* «батрачество, занятие батрака» – киси есигинде жюрушилик «работа по найму у частных лиц» [Толковый словарь казахского языка] и др.

Указанные дефиниции производных лексем недостаточно адекватны, так как лексическая семантика производящих их основ остается вне поля зрения. По этой причине они «не отражают те живые семантические связи между словами, которые как бы освещают внутренним светом структуру определяемого слова, соотнося их с однокоренными словами» [Земская 1975: 114]. В них не учитывается живая внутренняя форма слова. Чтобы это было видно отчетливо, сравним толкование производных *басмачылык* «басмачество» и *малала* «боронить, бороновать» с толкованием их в Толковом словаре киргизского языка: *басмачылык* – басмачылардын бандиттик иштери, талап басып алуучулук «бандитские действия басмачей, разбой, грабеж»; *малала* – мала тартуу, топуракты майдалоо «боронить, бороновать, размельчать почву». Эти определения адекватны, так как они отражают живую внутреннюю форму слов *басмачылык* и *малала*.

Основной целью дериватологии является исследование той связи, которая наличествует между структурой лексемы и ее семантикой. Соответственно, актуализируется задача, разработать дефиниции значений лексем, релевантных для процесса словопроизводства. Но словарные дефиниции, которые были приведены выше, не отвечают необходимым требованиям, так как в них не обнаруживается связь между структурой лексемы и ее семантикой.

Сопряженность понятий «значение», «оттенок значения», «функционирование». Разработка производных значений лексем, в том числе и их переносных значений, предполагает учет таких релевантных для словообразования понятий, как «значение», «оттенок значения» и «функционирование», особенно того, как они соотносятся между собой.

Значение лексемы носит устойчивый характер, универсально для всех тех, кто является активным носителем языка, релевантно для его лексической системы, в силу чего облигаторно для фиксации лексикографическими источниками. Функционирование же предполагает только «возможное применение одного из значений слова, иногда очень индивидуальное, иногда более или менее распространенное» [Виноградов 1947: 21]. Оно не есть факт лексической системы языка, поэтому характеризуется «нерегулярностью образования, четкой контекстной обусловленностью, а иногда явной авторской индивидуализацией» [Фомина 1978: 46]. Функциональная же сторона сопряжена с живой речью, может быть не представлена в лексикографических источниках языка литературного.

Иногда единичное употребление лексемы по какой-либо причине способствует возникновению нового ее значения. Как пишет Л.В. Малаховский, при этом возникает целесообразность фиксации такого употребления лексемы в словарях исторических [Малаховский 1956: 139-140], с чем трудно не согласиться.

Еще академик В.В. Виноградов считал возможным фиксацию подобных употреблений лексем толковыми словарями, жестко не настаивая на этом [Виноградов 1947: 392]. Функционирование слова может давать образное представление о чем-либо, не репрезентируя понятие. В силу этого оно не отражает полностью семантическую структуру лексемы. Значит, нет необходимости включать его в толковый словарь языка нормативного характера, по крайней мере пока оно не узуализируется. Однако в некоторых тюркских толковых словарях такого рода значения размещены точно так же, как и узуальные.

Слово *юл*, например, имеет основную семантику «дорога, путь // дорожный, путевой». Однако для него присуще и переносное значение, зафиксированное к примеру, в Башкирско-русском словаре. Оно является темпоральным, о чем свидетельствуют примеры типа *көрәш юлы* «путь борьбы», *тормош юлы* «путь жизни» [Башкирско-русский словарь 1996: 826]. Изначально же для рассматриваемого слова характерна квантитативно-темпоральная семантика. Подобные примеры говорят в пользу того, что речь идет не столько о появлении у лексемы нового значения, сколько о метонимическом употреблении целого класса слов.

Рассмотрим слова типа *ауул* «аул, село», *къабакъ* «селение, поселение», *шахар* «город», *эл* «государство; страна; село, селение, деревня, город, населенный пункт». Их всех сближает локативное значение. В их лексикографической интерпретации также нет единого мнения. Они в прямом значении, конечно, дефинируются как номинации места жительства или деятельности людей. В переносных же значениях обозначают людей, живущих в этих местах: *Алайгъа сау ауул (къабакъ, шахар, эл) жыйылды* «Там собрались все жители села (города)». Эти значения одни словари не фиксируют, другие же выдают как новые значения или их оттенки. Последний факт не следует считать обоснованным. Это касается и переносных значений лексем типа *аякъ* «чаша, чашка», *гоппан* «чаша (деревянная)», *гыбыт* «бурдюк», *табакъ* «тарелка», т.е. речь идет о репрезентации их содержимости: *Ол аякъны (гоппанны, гыбытны, табакъны) тауусду* «Он добил чашу (бурдюк, тарелку)».

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в некоторых тюркских словарях размещены лексемы, значения которых детерминируются влиянием метонимии, с чем трудно согласиться без оговорок.

Если адекватно различать оттенки значений лексем от их основных самостоятельных значений, то появляется возможность более четко обозначить их смысловые границы и детально дефинировать их семантику в лексикографических источниках. Так как синонимами являются слова, репрезентирующие одно понятие, отличаясь при этом оттенками значений,

разграничение их релевантно для выявления синонимичности или несинонимичности многих лексем. Дело в том, что оттенок значения детерминирует «природу синонимии и ее полифункциональность» [Бережан 1978: 79].

Если основное значение лексемы проявляется во всей ее употребительности, то оттенок значения имеет привязку к различным контекстам, учет чего важен для выявления смысловых границ словарных лексем.

Между тем тюркские лексикологи и лексикографы еще не пришли к единому знаменателю при выделении и описании, как семантических оттенков лексем, так и их ядерных значений, что приводит, с одной стороны, к чрезмерной детализации семантики лексем, с другой стороны же, упускаются из виду важные лексико-семантические составляющие слов. Выявляя и описывая семантические характеристики словарных лексем, составитель словаря должен задаться целью «уловить общность значений слова в разных контекстах», а также «выявить развитие как будто бы единого значения в разных контекстах» [Фельдман 1957: 73]. Исследование семантических характеристик слов, размещенных в лексикографических источниках тюркских языков, особенно в словарях толкового типа, свидетельствует о том, что их составители часто смешивают ядерные значения и различные оттенки значений лексем, что приводит к разнобою в плане их лексикографирования.

Известно, что однотомные толковые словари достаточно неполны и носят справочный характер, в силу чего в них не обнаруживаются порой оттенки значений словарных лексем, что обуславливается их небольшим объемом и предназначением.

Другая ситуация сложилась в многотомных лексикографических изданиях. В них оттенки значений лексем выявлены и описаны достаточно неплохо, хотя и обнаруживается разница относительно решения данного вопроса.

Рассматриваемый вопрос лучше всего решен в толковых словарях азербайджанского и татарского языков, чего нельзя сказать о Толковом словаре казахского языка. Хотя он является весьма полным и десятитомным, в нем оттенки значений лексем в целом не нашли должного отражения, а это искажает семантическую структуру словарных языковых единиц, в первую очередь полисемичных.

Безусловно, в тюркских языках, хотя они и являются родственными, как сами значения лексем, так и их оттенки в количественном отношении разнятся. Тем не менее, в них наличествуют лексемы, для которых присуща одинаковая смысловая структура. Однако в лексикографических источниках значения и оттенки значений в количественном отношении разнятся. В качестве примера возьмем слово *баш* «голова». В Словаре башкирского языка (толковом) это слово представлено 16 значениями [Словарь башкирского языка 1993, Т. 1: 125], а в Толковом словаре карачаево-балкарского языка их обнаруживается 21 (вместе с оттенками значений) [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 1996, Т. I: 360-361]. Подобных примеров в словарях тюркских языков достаточно много.

В Толковом словаре казахского языка бесспорные обусловленные значения «прозрачная часть птичьего яйца, окружающая желток» (ср.: жумурткъанын *агъы* «белок яйца»), «выпуклая прозрачная белая оболочка глаза» (ср. кёздин *агъы* «белок глаза») зарегистрированы как смысловые оттенки ведущего значения слова *акъ* «белый» – цвета снега, молока, мела (противоп. *черный*).

Известно, что значения лексем и их семантические оттенки весьма часто стилистически маркируются и это отражается также в лексикографических источниках. Такая специфика слов в целом неплохо представлена в Толковом словаре татарского языка. Во многих же других словарях тюркских языков стилистическая окрашенность слов привязывается лишь к смысловым оттенкам, присущим для переносных значений. Значит вопрос о том, какие переносные значения считать за семантические оттенки, а какие признать за

самостоятельные значения остается спорным. Так, в узбекском языке лексема *булгъамокъ* имеет переносное значение «позорить (порочить)», которое является самостоятельным, однако в толковом словаре оно интерпретируется как оттенок переносного значения. В карачаево-балкарском языке аналогичная лексема *булгъа-* тоже имеет подобного рода значение, но оно в толковом словаре репрезентируется как самостоятельное переносное значение: **БУЛГЪА** б. кёч. Извращать, портить / Буз, къара къатыш эт. *Аягъы аман балчыкъ булгъар, тили аман халкъны булгъар* [Нарт сёз].

Чтобы отличить оттенок значения лексемы непосредственно от ее самостоятельного переносного значения следует обратить внимание на фразеологические связи переносных значений. Такие связи у ряда значений лексем не отмечаются закрепленностью, поскольку их смысловая детерминированность от основных значений слов явно проявляется, в других же случаях эта связь слабеет. Значит, по отношению к первым можно говорить об оттенках значений, по отношению же ко вторым – о значениях собственно переносных. К слову у лексемы *бур-*, имеющей основное прямое значение «крутить, вращать, вертеть *что*», переносные значения «изменять, переиначивать *что*» и «уплетать» стали самостоятельными, так как семантическая связь между ними ослаблена, ср. текстовые примеры: *Ол жангыз бир сёзюн буруп айтмайды* «Он ни одно слово не говорит, переиначивая»; *Жашчыкъ жылы гыржынны къургъакълай бурады* «Мальчик уплетает теплый хлеб всухомятку». Слово *ал-* имеет самостоятельное значение «брать (*напр. займы, тему*)», у этого значения же имеется оттенок «брать (*напр. такси, фаэтон и т.п.*)», так как семантическая связь между этими значениями явно ощущается.

Рубрикация значений полисемичных лексем. У составителей тюркских словарей затруднения вызывает не только разграничение отдельных значений лексем, но и определение того, какое место в отдельно взятой словарной статье занимают эти значения, т.е. проведение их рубрикации.

В любой словарной статье значения полисемичных лексем должны быть представлены не диффузно, а в строгой последовательности, опирающейся на их функционально-семантических особенностях. Это даст возможность оптимально и наиболее полно отразить в лексикографическом источнике всю гамму передаваемых тем или иным словом значений, присущих для литературного языка. Конечно же, такой подход положительно скажется также на качестве дефиниций полисемичных слов, поскольку интерпретация основного значения слова предопределяет толкование «других его значений» [Кибиров 1983: 661].

При рубрикации значений лексем в словарной статье целесообразно учитывать следующие принципы: а) генетический принцип, б) принцип соотнесенности значений лексем в функционирующем на сегодняшний день в языке, в) частотность употребления в языке, г) специфику значений лексем в плане их структурных особенностей.

Генетический принцип предполагает в первую очередь отмечать наиболее архаизированные значения слов, затем – наименее архаизированные, в конце же размещать их современные значения.

Данный принцип актуализирует историю развития слова в семантическом плане, благодаря чему вырисовывается достаточно адекватная картина развития той или иной лексемы в семантическом отношении. Но словарный состав тюркских языков окончательно не изучен, поэтому авторы толковых словарей не всегда могут соблюдать генетический принцип рубрикации значений слов и полагаются порой на свое лингвистическое чутье. Опора на генетический принцип иногда «может привести к искаженному отражению их актуального соотношения, а тем самым и к снижению практической ценности словаря, являющегося по своему характеру и назначению синхронным, а не историческим, где действительно необходимо осмысление и отражение значений слова в диахроническом плане» [Юлдашев 1972: 394]. Выбор того, какой принцип необходимо использовать в лексикографической работе, детерминируется облигаторностью демонстрации соотнесенности устоявшихся

значений лексем в функционирующем на современном этапе языке. Из-за этого применение генетического принципа теряет свою регулярность, что особенно проявляется тогда, «когда историческая последовательность в росте и развитии значений наглядно прослеживается в материалах современного языка...» [Инструкция 1964: 12]. Необходимо отметить и то, что если достаточен фактический материал, то из него отчетливо прослеживается процесс появления современных общеупотребительных значений, которые детерминируются значениями устарелыми, менее употребительными или специальными.

Вопрос, связанный с тем, в каком порядке должны быть представлены значения лексем, в Толковом словаре киргизского языка не регламентируется. Составители Толкового словаря казахского языка сперва приводят толкование основного значения лексемы, а после – ее второстепенных и переносных значений [Толковый словарь казахского языка 1974: 25]. Толковый же словарь башкирского языка предполагает следующий порядок размещения значений слов: «а) основное значение, б) переносное значение, в) специальное значение, г) вспомогательное значение (относится к глаголам)» [Руководство 1966: 22]. Подобный подход затрудняет выявление взаимообусловленности значений слов. Остается в стороне и стилистическая окрашенность значений слов, упускается и их диалектная принадлежность

Думается, что более приемлемыми являются дефиниции значений полисемантических лексем и их рубрикации, представленные в толковых словарях карачаево-балкарского и татарского языков. Так, как и присуще для традиционной лексикографии, в Толковом словаре карачаево-балкарского языка основное значение лексемы располагается первым, а после него – детерминированное значение слова. Переносное же значение лексемы постпозитивно по отношению как к главному, так и к детерминированному, т.е. оно располагается за тем значением, из которого оно развилось. Значения лексем, которые стилистически маркированы обнаруживаются за их нейтральными значениями. Терминологические значения лексем располагаются

за их значениями общеупотребительными. За этими группами значений находят свою нишу диалектные значения слов. А когда имеет место однородность второстепенных значений лексем, учитывается частота их употребительности [см. об этом: Ахматов 1976: 17].

В любом случае приоритет в словарной статье в плане размещения отдается основному, или ведущему, значению лексемы, так как оно представляется «опорой и общественно осознанным фундаментом всех других значений и применений» [Виноградов 1953: 5].

Тем не менее, в имеющихся словарях обнаруживается неправомерное размещение основных значений лексем, что связано с тем, что не учитывается на должном уровне логическая связь между ними. Так, например, в Толковом словаре карачаево-балкарского языка для слова *жыкъ*- мы имеем следующий порядок его значений: 1. Побороть, борясь с кем-л, одержать верх. 2. Валить, опрокидывать кого-что. 3. Сбрасывать (об осле, о лошади и т.п.). 4. Одолев кого в борьбе, лишать господства, власти. 5. Сваливать (о болезни). Думается, что ведущим для этого слова является значение 2. Валить, опрокидывать кого-что.

Имеет место неправомерное размещение значений полисемичных лексем. Так, слово *ыргъай* в Толковом словаре карачаево-балкарском языке интерпретируется следующим образом:

ЫРГЪАЙ *ат.* 1. Щука / Тузсуз суулада жашаучу узун жассы башлы жыртхыч чабакъ.

2. Акула / Уллу, жыртхыч тенгиз чабакъ [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2005: 1025]. Здесь, скорее всего, речь должна идти об омонимии.

Не всегда удачны толкования на русском языке, ср.: **МИРЧИ** *ат.* Ярка трех месяцев, не кастрированная / Бичилмеген, юч айдан атлагъан эркек къозу. [Домалай Асхатха:] *Ай санга аман жар оюлсун, сен мирчиге!* З о к а л а н ы З., Солуу кюн, 41 [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2002: 904].

В лексикографических источниках представлены также специальные, детерминированные и переносные значения лексем, в рубриках которых также имеются огрехи. Как правило, в словарной статье в первую очередь отмечается общепотребительное значение лексемы, а затем – другие, в том числе и специальные значения. Данный принцип порой нарушается. Продемонстрируем это на примере словарной статьи, отражающей значения слова *баш*:

БАШ *ат.* 1. Голова / Адамланы, жаныуарланы, хайыуанланы боюнларындан ёргелери, мыйылары болгъан жерлери. *Башда акъыл болмаса, аякъгъа кыйын болады* (Нарт сёз).

2. *кёч.* Человек, душа (при счете людей) / Адам кеси, адамны санауда ёлче. *Жангыз башым – тузсуз ашым* (Нарт сёз).

3. *кёч. сёл. тил.* Ум, рассудок / Жаны болгъан бирси затла бла тенгleshдиргенде, адамны аладан башхалыгъын кёргюзтген зат, акъыл. *Башынг болмаса, малынг болмасын* (Нарт сёз).

4. *кёч.* Глава, предводитель / Башчы, къуллугъуна кёре тамата. *Аман ишге баш болма, иги ишден артха турма* (Нарт сёз).

5. *В позиции определения:* главный, основной / а) уллу магъанасы болгъан, бек керекли. *Тазалыкъ саулукъну баш мадарларындан бириди*. «Коммунизмге жол», 1971, №4; б) къуллугъу бла тамата болгъан, таматалыкъ этген. *Баш агроном. Баш зоотехник*.

6. *кёч. сёл. тил.* Супруг, муж / Тиширыуну баш иеси, эри. *Башы жокъ, жашы жокъ, Аминатха мал тутаргъа кыйынды*. «Коммунизмге жол», 1970, №68.

7. Железный конец (*напр. топора, молотка*) / Балтаны, чёгючню д.а.к. затны сабындан бирси, темир жаны. *Агъач уста балтаны башын иги бегитди*.

8. Колос; ботва / Битимлени бек бийик жерлери, чукуйлары; бир къауум битимлени (*картоф, чюгюндюр, турма д.а.к.*) жерни юсюнде ёсген кесеклери; чапыракълары. *Бизде чюгюндюр башдан алаамат хычыла этедиле*. «Коммунизмге жол», 1978, №58.

9. Вершина (горы), макушка (дерева) / Тауну, терекни д.а.к. затны бек бийик жери. *Жаз ингирни сериуюн аязы терек башланы кымылдадады. Шау-аланы Х., Кюйген тап, 35.*

10. В позиции определения: верхний, находящийся наверху / Башындагы, башында турган. *Юй кылай турган жашла бек баш тизгинни манга салдырдыла.*

11. Крышка (напр. чайника, кастрюли) / Ичине бир зат салыныучу адырны жабыучу зат. *Барып уруну башын жабып келдим.*

12. Крыша / Мекямны юсюн жабып турган кесеги. *Бауну башы шифер бла жабылганды.*

13. Начало (напр. рассказа, года) / Хапарны, жылны д.а.к. башха затны башланган жери. *Окьюу жылны башы.*

14. Глава (напр. повести, романа и т.п.) / Литература, илму, музыка д.а.к. чыггарманы ал кесеги. *Хапарны башы. Повестьни башы.*

15. Поверхностный слой (напр. воды, молока) / Сууну, сютню д.а.к. башха затны баш кыаты. *Молла кыара сууну башын аулар (Нарт сёз).*

16. Почетное место (за столом) / Столну тамата, сыйлы адам олтуруучу жери. *Столну башында тамата олтура эди.*

17. Причина (напр. нарушения, беды) / Бир затны болуруна себеп болган, аны болдурган зат, сылтау. *Аракы – хар аманлыккыны башы (Нарт сёз).*

18. Поголовье (напр. скота, овец) / Малны санау ёлче, малны саны. *Бузоуланы санап, сау бузоулагы ёлгенлерини санын кыошсаккы, бир баш кем чыгыа эди. Семенланы А., Жазыу айла, 127.*

19. В функц. послел. в форме направит. пад. **башына**. На, что, к чему / Айтымда кёргюзтюлген ишни бир затны баш жанына айланганын билдирген сонгураны кыуллугун толтурады. *Мен ёлгенден сора жерни башына кыыртмыш да чыккымын (Нарт сёз).*

20. В функц. послел. в форме местно-врем. пад. **башында**. В начале чего-л., на ком, -чем-л / Айтымда кёргюзтюлген ишни бир затны баш жанында

этилгенин билдирген сонгураны кьуллугъун толтурады. *Кварталны башында иичилени жыйылыуу болду.* «Коммунизмге жол», 1976, №38.

21. *В функц. послел. в форме исходн. пад. башындан,* соответствует предлогу «с» / Айтымда кьргюзтюлген ишни бир затны баш жанындан этилип тебирегенин билдирген сонгураны кьуллугъун толтурады. *Жылны башындан аягына дери иш кьыстау баргъанлай турду.* «Коммунизмге жол», 1970, №14 [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 1996: 361].

В данной словарной статье в целом отражены значения рассматриваемой лексемы. Однако необходимы и некоторые коррективы. Значение **9** лексемы должно быть выше, поскольку после человека релевантно пространственное значение. Значение **18** должно быть объединено со значением **2**, поскольку в обоих случаях речь идет о счете. Упущено значение «устье реки». Можно было бы отметить также послеложные функции слова в формах родительного и винительного падежей.

Как видим, словари все еще нуждаются в доработке словарных статей в плане четкого представления значений лексем (уточнение значений, порядок размещения значений и т.п.).

3. 2. Лексикографическая разработка грамматических значений слов

В лексикографические источники тюркских языков включено множество слов, относящихся к различным частям речи и характеризующихся собственно грамматическими значениями. К ним, как правило, относятся: а) имена прилагательные в сравнительной и превосходной степенях; б) глагольные формы служебного характера; в) собственно послелогии. Вместе с тем обнаруживается целый ряд грамматических форм слов, отмеченных индивидуальностью из-за явной невыраженности их исходных корневых морфем. Следует сказать и о конверсивах, которые детерминируются синтаксической закрепленностью. Данный вопрос достаточно хорошо осветил в свое время видный специалист в сфере тюркского словообразования

Ф.А. Ганиев [Ганиев 1985]. К таковым, например, в карачаево-балкарском языке относятся слова типа *мияла* (саут) «стеклянная посуда». Лексико-грамматическая семантика в большей степени присуща послеложным именам и глаголам в различных залоговых формах.

В тюркских лексикографических источниках имеет место значительный разнобой в интерпретации отмеченных выше групп слов, что будет рассмотрено ниже.

Степени сравнения адъективных лексем. Имена прилагательные в превосходной степени, как правило, в тюркских словарях представлены как слова, характеризующиеся грамматическими значениями. Их следует отнести к усилительным конструкциям [Мусуков 2016], которые чаще всего встречаются среди колоративных адъективов:

САППА-САУ² *сыф.* Совершенно здоровый / *Сау¹* дегенни айырма даража формасы. *Ол кесин ауругъан сундуръанлыкъгъа, саппа-сауду* [Толковый словарь карачаево-балкарского языка, 2005, Т. III: 68].

САП-САРЫ *сыф.* Желтый-прежелтый / Сары дегенни айырма даража формасы. *Тауда кырдык сап-сары бола башлагъанды* [Толковый словарь карачаево-балкарского языка, 2005, Т. III: 69].

В некоторых словарях получила распространение описательная дефиниция такого рода лексем (без указания частеречной принадлежности и грамматического значения):

САП-САРЫГ. Хөлчок сарыг. – Жёлтый-прежёлтый, ярко-жёлтый, светло-жёлтый, соломенный. *Сап-сарыг кежегелиг, оозунуң ужун ак пөс-биле дүүктеп каан* (М. Кенин-Лопсан) [Толковый словарь тувинского языка 2011, Т. II: 642].

В Толковом же словаре башкирского языка подобные формы не представлены, но размещены их первые компоненты как усилительные частицы:

ҺАП- к. **Һа**= ижеге менән башланған сифат һәм рәүешкә кушылып, уның мәғәнәһен көсәйтә. *Һап-һай. Һап-һары. Һап-һау.* [Словарь башкирского языка, 1993, Т. II: 574].

Описательный способ дефиниции осуществляется и по отношению к адъективным лексемам в сравнительной степени:

САРГЫЛДЫР. 1. Аксымаар сарыг, арай ак сарыг. – Светлый, бледный. *...Шала сарғылдыр көстүр арын-шырайлыг* (С. Сарыг-оол). 2. Куу-сарыг, ногаан сарыг. – Серовато-жёлтый, защитного цвета. Бо удаада (башкы) спыктыг, сарғылдыр өңнүг хөйлен, чүвүрлүг... (Д. Бегзи) [Толковый словарь тувинского языка 2011, Т. II: 645]. Подобное толкование следует признать отклонением от устоявшихся лексикографических дефиниций слов, выражающих компаративные грамматические значения адъективных лексем.

Служебные глаголы. В интерпретации так называемых служебных глаголов в лексикографических источниках обнаруживается значительная разноречивость. В некоторых словарях они вообще не размещены как самостоятельные лексеммы, не отмечены и их отдельные значения. В других же словарях служебные глаголы дефинируются так же, как и самостоятельные глагольные лексеммы, снабжаясь соответствующими пометами.

Некоторые служебные глаголы не утратили смысловую связь, которую они имеют с производящими самостоятельными глаголами, на что, например, обращают внимание Ж.М. Гузеев и М.М. Текуев [Гузеев 2011: 200; Текуев 2011: 368]. По этой причине составители словарей их не выделяют в отдельную словарную статью и представляют как значения полноценных глаголов. Иначе говоря, как лексические, так и служебные значения их объединены в одну словарную статью, хотя и с нумерацией. При этом для глагола *башлау* в башкирском языке мы имеем следующее толкование:

БАШЛАУ к. 1. Әш хәлгә билдәле бер урындан, вакыттан тотаноу; керешәү. *Баштан башлау. Кабаттан башлау.*

2. Ғәмәлләшергә керешәү. *Йыйылышты башлау. Йыр башлау. Һөжүм башлау.*

3. Тотонорға керешеу. *Бер бот ондо башлау. Тәпәндәге башлау.*

4. Хәл кылымдың =а формаһындағы һүз менән килеп, эш-хәрәкәттен башын белдерә. *Ала башлау. Асыга башлау. Борсола башлау. Сыга башлау. Яктыра башлау* [Словарь башкирского языка 1993, Т. 1: 128]. Первые три значения данного глагола собственно лексические, а четвертое – служебное. Эти значения, конечно же, разнятся и объединять их в одной словарной статье не всегда целесообразно.

Думается, что служебные глаголы нуждаются в дифференцированном лексикографировании. При этом релевантным представляется следующее:

1. Необходимо самостоятельный и служебный глаголы толковать как омонимы, если глагол отличающийся служебным значением потерял семантическую связь с производящим глаголом.

2. Если же нет оснований для их интерпретации как омонимы, то целесообразно их лексические и служебные значения размещать в рамках одной словарной статьи, правда, отдельно, отделяя друг от друга соответствующей пометой. Покажем, каким образом представлены лексикографические статьи на такого рода глагольные лексемы в Толковом словаре карачаево-балкарского языка.

КЁР II *эт.* 1. Видеть, иметь зрение ... 12. В сочетании с деепричастием на -п другого глагола выступает в роли вспомогательного глагола со значением пытаться, пробовать / Болушлукъчу кьуллукъда жюрюйдю, -п аффиксли этимчагъа кьошулуп келсе, адамны кьаллай да болсун, бир ишни этип кёргенин, кёрмегенин билдиреди. *Мен да Шымауха бла сёлешип кёрейим* [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2002, Т. II: 295].

Данный глагол в собственно вспомогательной функции употребителен в лично-предикативной форме, поэтому он должен быть представлен отдельной словарной статьей:

КЁРЕМЕ *болуш. мод. эт.* Оказывается (модально-вспомогательный глагол) / Жаланда жангызлыкъ санда биринчи бетде жюрюйдю эм айтымда айтылгъан ишге сёлешген адамны кеси кьарамын кёргюзтеди. *Биле кёреме.*

Жокъ кёреме. Бригадир кёреме. Саулукълу кёреме [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2002, Т. II: 295].

ДЕ *эт.* 1. Говорить, молвить, сказать / Бир оюмну сёз бла айт, айтып ангылат. Кет дегенден кел деген тынчды. 2. В деепричастной форме на -п употребляется в роли подчинительного союза и служит для соединения различных придаточных предложений с главной частью сложноподчиненного предложения / Этимчаны -п аффиксли формасында келсе, тюрлю-тюрлю бойсуннган айтымланы бойсуннган къош айтымны баш кесеги бла байлагъан байламны къуллугъун толтурады. *Биченчиле, жауун жетеди деп, дырынланы ашыгъышлы жыядыла* [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 1996, Т. I: 658].

Однако карачаево-балкарскими лексикографами упущена словарная статья для этого глагола в лично-предикативной форме. Она могла бы иметь следующий вид:

ДЕЙМЕ *болуш. мод. эт.* Оказывается (*модально-вспомогательный глагол*) / Жаланда жангызлыкъ санда биринчи бетде жюрюйдю эм айтымда айтылгъан ишге сёлешген адамны кеси къарамын кёргюзтеди (асламына болур деген болушлукъчу этим бла бирге жюрюйдю). *Биледи дейме. Ангылай болур дейме.*

Послелог. Послелогии на материале тюркских языков изучены недостаточно, поэтому их семантические характеристики не нашли должного отражения в имеющихся научно-теоретических исследованиях, а это влияет на то, что они в лексикографических работах плохо разработаны. С другой стороны, многие лексемы послеложного характера вообще не зафиксированы некоторыми словарями. Имеет место и тот факт, что омонимичные послелогии размещаются в лексикографических работах в рамках одной словарной статьи. На это оказывает влияние также отсутствие корреляции между грамматиками и словарями отдельно взятого тюркского языка.

Благодаря имеющимся научно-теоретическим изысканиям специалистов в области грамматики [см.: Хаджилаев 1962; Ахматова и др. 2017] составители

Толкового словаря карачаево-балкарского языка достаточно удачно справились с задачей, связанной с репрезентацией послелогов в нем. Это касается в первую очередь самого реестра послелогов и их семантической интерпретации. Приведем словарную статью на послелог *дери*:

ДЕРИ *сонг.* Соответствует предлогу «до» в русском языке. 1. Указывает на расстояние, пространство от одного пункта до другого / Бир жер бла башха жерни арасында узакълыкъны кёргюзтеди. *Биз Волгадан Эльбагъа дери душманны сюрдюк.* М а м м е л а н ы И., Чалгъы, 4.

2. Указывает на предел, ограничение во времени *какого-л.* действия, события, явления / Бир ишни, болумну, халны баргъан, болгъан заманын, чегин кёргюзтеди. *Деу эмеген къамыш кёлге киргенди, айтхан болжалына дери тургъанды.* «Нартла», 1986.

3. Указывает на предел перечисления предметов / Айтымда айтылгъан затланы санларыны ахырын кёргюзтеди. *Къаймакъгъа, тыхденнге дери ол келтирмеген къалмады.* Б а й р а м у къ л а н ы Х., Жылла бла таула, 26.

4. Указывает на предел, степень действия / Ишни мардасын кёргюзтеди. *Жаш айранны ахыр тамычысына дери ичеди.*

5. Указывает на место действия / Ишин баргъан жерин кёргюзтеди. *Ала юйню эшигине дери тынгылап бардыла* [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 1996, Т. I: 663].

Как видим, данная словарная статья в полной мере актуализирует весь спектр значений послелога *дери*. Отдельными статьями представлены и его синонимы *деричи*, *деричин*. Но в представленной словарной статье отсутствует указание на то, какими падежами он управляет, а это важно в лексикографической работе тоже.

Если сделать поправку на сделанное замечание, то словарная статья на послелог *бери* будет иметь следующий вид:

БЕРИ *сонг.* Употребляясь с темпоральными лексемами в исходном падеже, обозначает начало действия / Башлаучу болушдагъы сёзле бла бирге

келе, бир замандан сора башланган ишни кёргюзтеди. *Тюнenedен бери кьурулушха техника келип башилагъанды.*

Послеложные (служебные) имена. В тюркологической литературе не обнаруживается единство мнений относительно природы служебных, или послеложных, имен, что влияет и на их разработку в лексикографических работах. В ряде словарей послеложное имя в основном падеже обозначается как собственно субстантивная лексема (имя существительное). При этом толкование может снабжаться или не снабжаться необходимой пометой Ср.:

АЛ¹ и. 1. Низең дә булһа йөзө караған тараф. *Ал менән барыу. Ал менән боролоу. Ал менән тороу.*

2. Низең дә булһа йөзө караған яктағы өләшө. *Арбаның алды. Күлдәктең алды.*

3. Берэй эш хэл башланыузан әлекке вакыт. *Байрам алды. Туй алды Урак алды* [Словарь башкирского языка 1993, Т. I: 46].

АРА 1) промежуток, расстояние, пространство (*между какими-л. предметами, пунктами или точками*); **Москва булан Магъачкьаланы ~сы** расстояние от Москвы до Махачкалы 2) промежуток (*во времени*); **~дан беш йыл оьтдю** между тем прошло пять лет 3) отношения, взаимоотношения; **~сын бузмакъ** ссорить *кого-л. с кем-л.* [Кумыкско-русский словарь 2013: 34].

Правда, при подаче их последних значений указывается на то, что такие слова употребляются в роли служебных имен. Ср.:

АЛ¹ 4. 3-сө зат әйл. һәм төб., у.-в., сығн. клш. аффикстары менән бәйләүес функцияһында кулланыла (*кар. алдына, алдынан, алдында*) [Словарь башкирского языка 1993, Т. I: 46].

АРА 4) употр. в роли служебного слова: **~сына** в, во, внутрь; **адамланы арасына гирип гетмек** войти в толпу; **~сында** в, внутри; среди; между; **халкъны ~сында иш юрютмек** вести работу среди масс; **~сындан** из; **халкъны ~сындан** из народа [Кумыкско-русский словарь 2013: 34].

В некоторых словарях, хоть и редко, слова рассматриваемого типа интерпретируются как служебные имена, что видно из снабжаемых помет: **алд,**

алды (обычно употребляется с притяж. аффиксами, без притяж. аффиксов иногда теряет конечный «д») перёд; передняя часть; **алдында** перед ним; впереди него [Киргизско-русский словарь 1965: 48].

Послеложные имена могут интерпретироваться по-разному и в рамках одного лексикографического издания, например, как имя существительное, имя прилагательное, наречие и т.д. Ср.:

АРТ *зат.* задняя сторона чего-либо, за, конец; *сөзінің артында* в конце своих слов (речи); *көйлектің алдын артына қаратып кию* надеть рубашку задом наперед [Бектуров, Бектурова 2001: 18].

ОРТА *сын.* 1) неполный; ~ *шелек сүт* неполное ведро молока; 2) средний, середина; ~ *жастағы адам (ер)* мужчина среднего возраста [Бектуров, Бектурова 2001: 195].

СЕКІЛДІ *үст.* подобно, наподобие, такой же; *сол* ~ подобно тому; *сен ~ ол да еңбекқор* он такой же трудолюбивый, как и ты [Бектуров, Бектурова 2001: 222].

Служебные имена в пространственных падежах выступают в послеложной функции. Формы пространственных падежей этих имен в толковых словарях тюркских языков получили разную квалификацию. В толковых словарях казахского и киргизского языков они не приводятся ни в качестве самостоятельных словарных единиц, ни в качестве отдельных значений соответствующих знаменательных слов, в других (напр., в Толковом словаре татарского языка) приводятся внутри словарной статьи как отдельные значения с указанием формы основного падежа (имя + афф. принадлежности 3-го лица единственного [числа], толкованием и иллюстративными примерами. Ср.: *ал* II сущ. 6. в функц. послел. *алды* «перёд, передняя часть чего-л.» (толк. и илл.), 7. в функц. послел. в форме направит пад. *алдына* «вперед» (толк. и илл.), 8. в функц. послел. в форме исход пад. *алдынан* «спереди» (толк. и илл.), 9. в функц. послел. в форме местно-врем. пад. *алдында* «впереди», (толк. и илл.)]. В-третьих, так же, но как одно значение, без толкования, с иллюстративными примерами, где указывается употребление знаменательного слова в служебном

значении [ср.: *аст* 2. в роли служ. имени (илл.), *ич* 3. в роли служ. имени (илл.) и др.]; в-четвертых, (напр., в Толковом словаре узбекского языка) – и как одно общее значение соответствующего знаменательного слова, без толкования и иллюстрированных примеров ср.: *оркъя* 5. с притяжат. афф. 3-го лица и афф. дательного (направительного), местного и исходного падежей употр. в роли послел. (см. *оркјасига*, *оркјасида*, *оркјасидан*) и как самостоятельные лексические единицы с толкованием и иллюстративными примерами [ср.: *оркјасига* в роли послел. «за (что-л.)» (толк. илл.), *оркјасида* в роли послел. «за (чем-л.): сзади, позади (чего-л.)»/ «благодаря кому-чему-л; вследствие (чего-л.)» (толк. и илл.), *оркјасидан* в роли послел. 1. «из-за», (толк. и илл.), 2. «вслед за, за, следом, по следам», (толк. и илл.) и др.]; в-пятых, от одних служебных имен как самостоятельные словарные статьи приводятся формы всех пространственных падежей (напр., от *ал* – *алдына* «вперед», *алдынан* «спереди», *алдында* «впереди»), от других – только форма местного падежа (напр., от *акъыр* – *акъырында*), а от третьих не приводится ни одна из форм пространственных падежей (напр., от *арты*, *асты* и др.).

Из проведенного анализа видно, что служебные имена в толковых словарях тюркских языков в одних случаях без какой-либо оговорки квалифицируются как имена существительные, в других – как послелогии, в третьих – как наречия, а в четвертых – как значения соответствующих знаменательных слов, от которых они образованы.

Причина такого большого разнобоя в грамматической квалификации и словарной разработке этих слов объясняется тем, что: 1) в тюркологии еще не установлены четкие границы между названными категориями слов, 2) отношение производных служебных имен к соответствующим знаменательным словам в тюркологической литературе освещено недостаточно.

Анализ фактов показывает, что служебные имена в подавляющем большинстве случаев в составе изафетного словосочетания сохраняют свое лексическое значение (1). Служебные имена лишь в исключительных случаях

могут быть отнесены к послелогам (2). В тюркских языках встречаются словосочетания (вторым, т. е. ведущим, компонентом их является служебное имя), выступающие в роли сложных слов, например: кар.-балк. *юй аллы* «двор», *джаз башы* «весна», *джастыкъ тыш* «наволочка»; якут. *кюн анна* «свет», *юют юрдэ* «сливки»; казах. *ёз алдына* «самостоятельно», *сёз басы* «предисловие» и др. (3).

Думается, что при подготовке работ лексикографической направленности на материале тюркских языков релевантен учет вышеизложенных нюансов относительно так называемых служебных, или послеложных, слов, которые целесообразно трактовать как субстантивные лексемы, входящие в отдельный разряд слов. Важным представляется при этом обратить внимание на их функционирование с маркерами поссессива, что облигаторно должен отражать словарь. Приведем пример того, какую лексикографическую разработку получило служебное имя *аякъ* (*аягъы*) в Толковом словаре карачаево-балкарского языка:

АЯКЪ (АЯГЪЫ) ат. 1. Стопа ноги; ступня. а) В основном функционирует с поссессивным аффиксом; б) В формах пространственных падежей (дательного-направительного, местного и исходного) выступает в качестве постпозитивного компонента изафетной конструкции: *жылны аягъына* «к концу года», *жылны аягъында* «в конце года», *жылны аягъындан* «с конца года».

2. (Киштикни, итни д.а.к.) *аягъы* «лапа (кошки, собаки и т.п.)» / *Жаныуарны тобукъдан ашыкъдан энишгеси. Киштикни аякълары жумушакъдыла.*

3. (Тепсини, шинтикни д.а.к.) *аягъы* «ножка (стола, стула и т.п.)» / *Столну, шинтикни д.а.к. тюрп жанларында ала аумазгъа урулгъан тиреуледен (асламысында тёрт боладыла) бири. Тепсини да юч аягъы болады.*

4. (Атны, эшекни д.а.к.) *аягъы* «копыто (лошади, ишака и т.п.)» / *Атны, эшекни дагъыда алагъа ушагъан хайыуанланы аякъларыны кыйырларында*

мюйюзге ушагъан къаты жерлери. Акъ къашхалы, акъ туякълы хора тайым барды.

5. (Айны, ыйыкъны д.а.к.) *ахырына* «к концу (месяца, недели и т.п.)» / Кёргюзтюлген ишни бир затны ахыр жанына айланнганын билдирген сонгураны къуллугъун толтурады. Айны ахырына кюн бузула башлады.

6. (Айны, жылны д.а.к.) *ахырында* «в конце (месяца, года и т.п.)» / Кёргюзтюлген ишни бир затны ахыр жанында этилгенин билдирген сонгураны къуллугъун толтурады. Жылны ахырында туугъан элиме солургъа бардым.

7. (Айны, жылны д.а.к.) *ахырындан* «с конца (месяца, года и т.п.)» / Кёргюзтюлген ишни бир затны ахыр жанындан этилип тебирегенин билдирген сонгураны къуллугъун толтурады. Озгъан жылны ахырындан юйде олтурама. [см.: Толковый словарь карачаево-балкарского языка 1996, Т. I: 286-287].

Подобные словарные дефиниции служебных имен можно было бы распространить и на другие тюрские языки.

Грамматические формы слов, характеризующиеся индивидуальностью. Для лексикографов важным представляется размещение в словарях лексем, характеризующихся индивидуальностью в плане грамматической структуры. К таковым следует отнести личные и указательные местоимения, употребляющиеся в супплетивных формах падежей. Такие формы представлены как в общетеоретических тюркологических исследованиях [Исламов 1986], так и в исследованиях, посвященных отдельным тюркским языкам [Хабичев 1961; Омарова 2009; Мамаева 2013 и др.]. При этом производящая основа таких местоименных лексем теряет свою форму при употреблении в различных падежных формах. Так, например, в карачаево-балкарском языке личные местоимения *мен* «я» и *сен* «ты» в дательном-направительном падеже имеют следующие трансформированные формы: *манга* «мне», *санга* «тебе». В остальных падежах основы их не меняются, например, *мени* «меня» (винительный падеж), *менде* «у меня» (местный падеж), *менден* «от меня» (исходный падеж). Зато в падежной парадигме местоимения *ол* «тот» обнаруживаются структурные изменения: *аны* «того» (родительный падеж),

анга «тому» (дательно-направительный падеж), *аны* «того» (винительный падеж), *анда* «у того» (местный падеж), *андан* «от того» (исходный падеж). Такое явление присуще и для других тюркских языков: кум. *магъа* «мне», *сагъа* «тебе», *огъар* «ему» – дательный падеж местоимений *мен*, *сен ол*; хакас. *пу* «этот» – *мының* (притяжательный падеж), *пуга* (дательный падеж), *мыны* (винительный падеж), *мында* (местный падеж), *мыннаң* (исходный падеж), *мындар* (направительный падеж), *мынынаң* (орудийный падеж). Как видим, они отличаются в грамматическом отношении. Такие формы часто размещаются в лексикографических источниках в отдельных словарных статьях, исходя из традиционных принципов лексикографирования. Правда, последовательности в такой работе нет. Это заключается в том, что некоторые трансформированные падежные формы местоимений приводятся отдельными словарными статьями, а другие нет. Приведем словарные статьи на некоторые трансформы указательного местоимения *бу* «этот», которые нашли свою нишу в Толковом словаре карачаево-балкарского языка:

МУНУ *І. кѣрг. алм.* Это, этого, эту / Бу деген алмашны билдириучю болуш формасы. *Нек эсе да аурумайын азама, Ангыла деп, муну санга жазама.* К ъ у л и й л а н ы Х.-М., Жырны заманы, 146 [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2002, Т. II: 928].

МЫНГА *бет. алм.* Этому, к этому, на этого / Бу деген алмашны бериучю болуш формасы. – Душман мынга [Дюгербийге] къатылсын! Сѣю таш атдырады да! – деп, ышарды жарлы эллиледен бири. Г у р т у л а н ы Б., Жангы талисман, 32 [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2002: 957].

Выше представлены формы родительного и дательно-направительного падежа местоимения *бу*. Словарные статьи размещены и на его формы в местном и исходном падежах, но они уже зарегистрированы как адвербиализованные лексемы, т.е. наречия:

МЫНДА *орун. сѣзл. 1.* В этом месте / Былайда, бу жерде. [*Байкъул:*] *Мында кюнле уа бек узун болуп башларла, Мазан.* З а л и й х а н л а н ы Ж., Тау къушла, 31.

2. В этом, данном случае / Бу ише, бу затда. *Мында хар нени да тарыхла бла санаргъа жарарыкъ туююлдою.* «Коммунизмге жол», 1984, №55 [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2002, Т. II: 955].

МЫНДАН орун. сёзл. Отсюда / Былайдан, бу жерден. *Мындан чыкъгъан эди жигит, темир ыргъакълай.* «Малкъар халкъ жомакъла», I, 12 [Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2002, Т. II: 955].

В силу того, что падежные формы некоторых местоимений видоизменились в корневой части, их целесообразно размещать в словарях как отдельные слова с соответствующей дефиницией, по приведенным выше образцам.

Конверсия, детерминированная синтаксически. В тюркских языках многие имена существительные функционируют в роли адъективных лексем, т.е. имен прилагательных. Иначе говоря, речь идет о конверсии, которая синтаксически детерминирована. Этот факт нашел отражение в толковых словарях азербайджанского, башкирского, карачаево-балкарского, татарского и узбекского языков. Но в лексикографической практике обнаруживаются расхождения относительно подачи в словарях значений подобных лексем. Например, в Кумыкско-русском словаре значения их, связанные с конверсией, репрезентируются после двух параллельных косых черт: **АЛТЫН** 1) *прям. и перен.* золото // золотой; ~ **адам** золотой человек; ~ **сув бермек** позолотить, покрыть позолотой [Кумыкско-русский словарь 2013: 31].

В некоторых словарях косые черты заменяются на вертикальные: **алтын** 1. *хим.* золото || золотой, золото-; **саф алтын** чистое золото; **нары алтын** золото, чистое золото; **алтын комо** золотой песок, золотые россыпи; **алтын оҗтаһы** золотых дел мастер, ювелир; **алтын сығарыу промышленносы** золотодобывающая промышленность [Башкирско-русский словарь 1996: 28].

В лексикографической практике значения рассматриваемого типа снабжаются пометами *прил., в функц. прил., в знач. прил.* Такого рода пометы могут и отсутствовать. Это приводит к недопониманию природы конверсии. Дело в том, что не все имена существительные, несмотря на свое

контекстуальное окружение переходят в разряд имен прилагательных. Здесь имеет место лишь собственно синтаксическая функция субстантивной лексики

Конверсивы могут иметь и переносные значения, ср. примеры из карачаево-балкарского языка: *таш жол* (*кьош, хуна, юй* и т.п.) «каменная дорога (кошара, забор, дом и т.п.)» – *таш жүрек* (*ёмюр, макъа* и т.п.) «каменное сердце (век, лягушка – черепаха и т.п.)»; *темир буруу* (*салта, тёмш, чалгъы, чёгюч* и т.п.) «железная ограда (молот, наковальня, коса, молоток и т.п.)» – *темир жүрек* (*бет, тюкен* и т.п.) «железное сердце (лицо, магазин хозяйственный и т.п.)». Подобные конвертированные значения лексем прочно вошли в лексико-семантическую систему языка. Значит, как прямые, так и переносные значения подобных слов заслуживают того, чтобы они были представлены в словарях отдельно, хотя такой подход не всегда дает возможность осмыслить их семантическую природу однозначно, поскольку коррелирует с репрезентацией в словаре лексико-грамматических омонимов. Речь в целом должна идти о различных типах конверсии и их необходимо разграничивать. Это говорит о необходимости выработки приемов подачи конверсивов и их значений, которые отражали бы их детерминированность. Такого рода прием для двуязычных словарей в свое время был разработан видным специалистом в области тюркской лексикографии А.А. Юлдашевым [1972: 283-284]. Он в целом был отражен карачаево-балкарскими лексикографами при составлении Толкового словаря карачаево-балкарского языка. Приведем в качестве примера словарную статью:

КЮМЮШ *ат* 1. Серебро / Химический элемент, жылтырауукъ кёксюдюм-акъ бетли асыл металл (*ювелир затланы, сауутланы, сурат, ууакъ ахчаланы д.а.к. затланы этгенде хайырланылады*). *Жашлыкъда билиннген билим кюмюшге къарасауут салгъан кибикди*. (Нарт сёз) *Адамла, хар таш кесекни кьолларына алып, ары-бери буруп, кыйырына кюмюш жабылханын кёрселе, бир жанына айырып, агъач гырынлагъа саладыла*. Аппаланы Х., Къара кюбюр, 122. [Эмеген:] *Ай, маржа, кызыгъым, ол кюмюшню бирге жый да, бери манга бир бер «Малкъар халкъ жомакъла», II, 215.*

2. В позиции определения: серебряный / Кюмюшден этилген, кюмюш суу ичирилген. Къулакъладан, ёзенледен келген тау суула, бюгюлген кюмюш чыбыкъча, агъарадыла. Аппаланы Х., Къара кюбюр, 35. *Бир бёлекден узун къарт, чепкенини кюмюш хазырлары да жылтырай, чум таякъгъа таяна, юйге кирди.* Ёзденланы А., Саният, 47.

На наш взгляд, представленный выше принцип достаточно релевантен и его можно внедрить в лексикографическую практику.

Выводы по третьей главе

Разработка лексических значений большинства многозначных слов в общих словарях тюркских языков осуществляется еще не на должном уровне. В них имеют место факты, как излишнего дробления значений, так и отсутствия разграничения действительно различающихся значений слова.

В имеющихся словарях тюркских языков переносные значения лексем в целом дефинируются на должном уровне, хотя в некоторых из них они представлены как прямые. Большое количество значений производных лексем в ряде словарей имеют характер прямого описания, т.е. в них не обнаруживаются ссылки на семантику основ производящих. Об этом, например, свидетельствуют данные лексикографических источников казахского, туркменского и узбекского языков. Для понимания природы производных значений лексем релевантным представляется учет того, в каких отношениях между собой состоят такие лингвистические феномены, как «значение», «оттенок значения» и «употребление».

Функционирование, или употребление, лексемы репрезентирует не столько само понятие, сколько образное представление о нем, в силу чего не вписывается в границы семантической структуры лексемы, поэтому нет особой необходимости включать его в словарь, но имеет место дефиниция его как отдельного значения, что видно из содержания лексикографических источников, базирующихся на материале казахского и татарского языков.

Важным при интерпретации семантических границ лексем, безусловно, считается оттенок значения, так как он является для значения слова весьма значимым признаком в плане дифференциации. Тем не менее, составители словарей часто затрудняются в процессе разграничения детерминированных значений лексем, а также их оттенков. Ими детерминированные значения лексем порой воспринимаются как оттенки значения, а они в свою очередь интерпретируются как самостоятельные.

Имеются трудности и другого характера. К ним, с одной стороны, относится определение границ между значениями лексемы, с другой – то, в каком порядке располагаются они в той или иной словарной статье. Данная проблема более удачно решена в толковых словарях татарского и карачаево-балкарского языков, в которых значения многозначного слова даются в следующей последовательности: 1) главное значение, 2) обусловленное значение, 3) переносное значение, 4) стилистически окрашенное значение, 5) специальное значение, 6) диалектное значение.

В общих словарях, составленных тюркологами, обнаруживаются расхождения в вопросе квалифицированного отражения в них грамматических значений лексем.

В некоторых лексикографических источниках бифункциональные лексемы интерпретируются как одно слово, например, омонимичные наречие и послеложное слово размещаются как наречие.

Лексикографические источники одних языков целый ряд глаголов квалифицируют как самостоятельные глаголы, а других языков – как значения самостоятельных глаголов.

Расходятся общие словари и в разработке степеней сравнения прилагательных. Так, значение прилагательных сравнительной и превосходной степеней в одних словарях (карачаево-балкарского и татарского языков) представлены как собственно грамматические категории (*жап-жашил* «зеленый-презеленый» – превосходная степень адъектива *жашил* «зеленый»), в других же – описательным способом (*астаракъ* «медленнее» – не совсем

быстро). Данный способ не совсем коррелирует с принципами современной лексикографии.

Служебные имена, употребляющиеся в формах локативных падежей, обычно выполняют послеложную функцию. В целом ряде словарей данные падежные формы игнорируются, в других же в рамках отдельно взятой словарной статьи размещаются как отдельные послеложные значения.

Фактический материал свидетельствует о том, что служебные лексемы в изафетных дескрипциях не теряют своих значений и могут функционировать как послелого. Обнаруживаются и такие дескрипции (в них служебное слово постпозитивно), которые перешли в разряд сложных слов: *кюз арты* «осень», *юй баш(ы)* «кровля, крыша», *юй тюп* «пол (в доме, помещении)» и др.

Думается, что в лексикографических источниках должно быть учтено вышеизложенное, и так называемые служебные субстантивы целесообразно дефинировать как отдельный разряд имен существительных. Важен и учет их функционирования с маркерами поссессива. Например: *ич (и)* 1. «внутренности кого-либо»: а) не функционирует без аффиксов принадлежности, б) в падежных формах с пространственным значением (в дательном-направительном, местном и исходном падежах) занимает постпозитивную позицию в сочетаниях слов: *отоу ичине* «внутри комнаты», *отоу ичинде* «внутри комнаты», *отоуну ичинден* «изнутри комнаты»; 2) (*бёрекни, джёрмени, сохтаны*) *ичи* «начинка (пирожка, колбасы)»; 3. (*айны, джылны* д.а.к.) *ичинде* «в течение (месяца, года и т.п.)».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексическая семантика слова в целом сопряжена с реалиями окружающей действительности. Она соотносится с семантикой других лексических единиц в плане сочетаемости, имеет определенные границы и может характеризоваться экспрессивностью.

Лексическая семантика слова отмечена сигнификативной, парадигматической и синтагматической составляющими. Сигнификативная составляющая семантики слова базируется на таких релевантных признаках означаемых предметов и явлений, которые позволяют отличить одно слово от другого, что говорит о ее связи с такими понятиями, как денотация и коннотация. Парадигматическая составляющая семантики слова отражает ее связь с семантикой других лексем, синтагматическая же составляющая ориентирована на отражение сочетаемостных возможностей слов.

Наряду с лексической семантикой, или лексическим значением, слову присущи грамматическое и словообразовательное значения.

Грамматическое значение слова – это его абстрактное значение, отвлеченное от конкретного лексического содержания его и присущее целому классу слов. В отличие от лексического значения грамматическое не является индивидуальным, одиночным. Подразделяются эти значения на синтаксические и несинтаксические. Благодаря первым актуализируется связь той или иной грамматической формы слова в составе сложных слов, словосочетаний и предложений. Вторые значения способствуют репрезентации признаков реалий окружающего мира, т.е. выражают значения, отражающие такие функционально-семантические категории, как квалитативность, квантитативность, локативность, темпоральность и др.

Словообразовательным значением является такое значение, которое возникает в производном слове в результате соединения отсылочной части с данной формантной частью и в результате самого формирования этих частей в акте словообразования. Оно присуще всем лексемам определенной группы

слов, объединенных в рамках целого грамматического класса лексических единиц, и обнаруживается у производной лексемы, сближаясь с грамматическими значениями тем, что оно может быть исчерпывающе представлено списком в силу наличия собственных формальных средств репрезентации или принадлежностью к числу формально выраженных значений.

Слову присущи взаимосвязанные компоненты его лексических значений, которые различаются в плане репрезентации. Так, сигнификативный компонент ориентирован на обобщенное выражение реалий окружающей действительности, тогда как денотативный способствует конкретизации того, как соотносятся слова с этими реалиями. Благодаря коннотативному компоненту дается эмоционально-экспрессивная оценка того, что обозначается. Парадигматический и синтагматический же компоненты нацелены на фиксацию места того или иного слова в лексической системе языка.

Различия наблюдаются и по отношению к следующему: а) каким образом слова соотносятся с окружающей действительностью; б) какова их функциональная специфика; в) в чем проявляется степень их мотивированности; г) каковы особенности их лексической валентности. Указанное предполагает актуализацию в языке определенных лексических значений слов, к которым относятся: а) прямое и переносное, б) номинативное и экспрессивно-синонимическое, в) непроизводное и производное, г) свободное и несвободное. Это имеет непосредственное отношение и к карачаево-балкарскому языку.

Основным для слова следует считать то значение, которое в большей степени детерминируется парадигматически. Синтагматическая же обусловленность представлена в меньшей степени.

Появлению у лексем переносных значений в целом способствуют метафора и метонимия. В карачаево-балкарском же языке наряду с этими способами немалую роль играют такие феномены, как эвфемизация и табуирование.

Полисемия в словах развивается, с одной стороны, благодаря экстралингвистическим факторам, с другой – факторам внутрилингвистическим. К первым, например, относятся принцип экономии, а также специфика человеческого мышления, заключающаяся в способности обобщенно представить в словах различных явлений окружающей действительности. Ко вторым можно отнести появление у лексем различных переносных значений, взаимодействие между собой нормированного языка с его вариантами, диалектами, говорами и т.п.

Чтобы развивалась полисемичность лексем необходимы определенные условия: а) производящее слово не должно быть эмоционально и экспрессивно маркировано; б) при обозначении актуального для слова понятия оно должно иметь определенную частоту употребления; в) в морфологическом отношении основа слова должна быть нечленима; г) лексико-семантическая группа, в которую входит слово, должна иметь значительный словообразовательный потенциал.

В целом переносные значения лексем в лексикографических источниках интерпретируются достаточно неплохо, с учетом достижений тюркской лексикографии, хотя в некоторых словарях они представлены как прямые.

При репрезентации значений производных лексем лексикографы порой игнорируют ссылки на значения соответствующих первичных основ, что стало нормой для лексикографических работ, а ограничиваются их прямым описанием.

Оттенок значения естественным образом сложился как дифференцирующий признак в значении слова, в силу чего obligatory его учет при определении смысловых границ слова в словаре, особенно полном. Тем не менее, составители словарей не всегда успешны в решении этой задачи. В словарях, с одной стороны, разные обусловленные значения слова довольно часто даются как разные оттенки значения, а с другой, оттенки одного и того же значения квалифицируются как самостоятельные значения.

Во многих словарях нарушается порядок расположения значений слова в словарной статье: обусловленные, стилистически окрашенные, специальные, переносные, диалектные значения располагаются без соблюдения какого-либо принципа (генетического, логического и т.п.), т.е. хаотично. Исключение составляют толковые словари карачаево-балкарского и татарского языков, в которых значения полисемичных слов размещаются по принципу употребительности в современном языке и на основе структурных характеристик значений: 1) главное значение, 2) обусловленное значение, 3) переносное значение, 4) стилистически окрашенное значение, 5) специальное значение, 6) диалектное значение.

Из лексем, включаемых в общие словари, грамматическое значение имеют послелого, служебные глаголы, степени сравнения прилагательных, синтаксически закреплённая конверсия типа кар.-балк. *агъач* (юй) «деревянный (дом)», индивидуальные грамматические формы слова, лексико-грамматическое – служебные имена и залоговые формы глагола. Общие словари тюркских языков в отражении квалификации этих типов слов расходятся между собой. Так, многие послелого не включены в словари киргизского, казахского и каракалпакского языков. Одинаково функционирующие и как наречие, и как послелог слова в Толковом словаре казахского языка объединены в одном слове – наречии. В толковых словарях киргизского и татарского языков иногда послелог попадает в статью своей исходной основы, от которой он образован.

Служебные глаголы в ряде лексикографических источников, например, в словарях каракалпакского языка, не регистрируются ни в качестве самостоятельных слов, ни в качестве отдельных значений их. Словари одних языков (киргизского и казахского) эти глаголы квалифицируют как самостоятельные глаголы, а других языков (напр., узбекского) – как значения самостоятельных глаголов.

Нет согласованности между словарями и в разработке степеней сравнения прилагательных. Например, в одних словарях (карачаево-балкарского и

татарского языков) они представлены как грамматические формы адъективных лексем (*жап-жашил* «зеленый-презеленый» – превосходная степень адъектива *жашил* «зеленый»), в других – описательным способом (*алысырак* «подальше» – не совсем близкий), что считается отступлением от общих и совершенно разумных правил лексикографической разработки подобных единиц.

Индивидуальные грамматические формы слов, например, падежные формы личных и указательных местоимений, в которых производящая основа и исходная форма не совпадают, в одних словарях регистрируются как заголовочные (ср. кар.-балк. *ол* «тот» – *анга* «тому, той», татар. *ул* «он, она, оно» – *алар* «они»), с чем трудно не согласиться. В других же (в словарях туркменского, караимского, казахского, каракалпакского, узбекского языков) не регистрируются, в третьих (в словарях киргизского и башкирского языков) регистрируются, но не на правах самостоятельных слов, а в статье начальной формы: *бул* «этот, эта, это» (*буга* «этому, этой», *муну* «этого, эту» (Кумыкско-русский словарь), *ул* «тот, та, то» (*унын* «его, её», *уга* «ему, ей» (Словарь башкирского языка).

Употребление существительного в позиции определения в функции прилагательного, т.е. синтаксически закреплённая конверсия, учитывается только в некоторых словарях, составители которых придерживаются разных принципов: *бобрик* // «бобриковый» (Азербайджанско-русский словарь), *агач* «дерево» // в знач. прил. «деревянный» (Толковый словарь татарского языка), *киндер* «холст» / в функц. прил. «холщовый, полотняный» (Словарь башкирского языка), *жюн* 1. «шерсть» (толк. и илл.), 2.: «шерстяной (илл.) (Толковый словарь карачаево-балкарского языка). Принцип разработки синтаксически закреплённой конверсии, принятый в Толковом словаре карачаево-балкарского языка, представляется правильным, так как только он помогает разграничивать лексическое и грамматическое значения слова.

В одних словарях форма основного падежа служебных имен квалифицируется как существительное (киргиз. *арт* I сущ. «зад, задняя часть (сторона) чего-л.», татар. «*ал* II сущ. «передняя часть (сторона чего-л.)», в

других – как служебное имя (казах. *къасы* служ. имя «место около чего-л.»), в третьих – как наречие (каракалпак. *асты* нар. «низ, нижняя часть чего-л.»), казах. *джаны* нар. «бок, боковая часть (сторона) чего-л.»).

С нашей точки зрения, совершенно правильно поступили составители Толкового словаря карачаево-балкарского языка, которые подобные субстантивы интерпретируют как лексемы, входящие в отдельную группу имен существительных и функционирующие только в посессивной форме: *ич* (*и*) 1. «внутренности кого-либо»: а) не функционирует без аффиксов принадлежности, б) в падежных формах с пространственным значением (в дательном-направительном, местном и исходном падежах) занимает постпозицию в сочетаниях слов: *отоу ичине* «внутри комнаты», *отоу ичинде* «внутри комнаты», *отоуну ичинден* «изнутри комнаты»; 2) (*бёрекни, джёрмени, сохтаны*) *ичи* «начинка (пирожка, колбасы)»; 3) (*пальтону, костюмну* д.а.к.) *ичи* «подкладка (пальто, костюма)».

Подводя итоги проведенного исследования, можно сказать, что в общих словарях тюркских языков лексические значения слов разработаны на недостаточном уровне. В них немало случаев как излишнего дробления лексических значений, так и отсутствия разграничения тех значений слова, которые явно различаются, не находят должного отражения и учет отличий между устоявшимися, а также синтаксически детерминированными значениями полисемичных слов.

Список использованной литературы

1. **Алексеев, А. Я.** О словообразовательном значении / А. Я. Алексеев. – Текст : непосредственный // Словообразование и фразообразование: тезисы докладов научной конференции. – 1979. – С. 3–10.
2. **Аликулов, Т.** Полисемия существительных в узбекском языке: специальность 10.02.06 «Тюркские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Аликулов Тешабай; Академия наук Узбекской ССР. – Ташкент, 1966. – 22 с. – Место защиты: Ин-т языка и литературы им. А. С. Пушкина. – Текст : непосредственный.
3. **Аппоев, А. К.** Этнокультурное значение лексем «шапка» и «платок» в карачаево-балкарском языке / А. К. Аппоев. – Текст : непосредственный // Вестник Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – С. 56–59.
4. **Аппоев, А. К.** Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка: монография / А. К. Аппоев. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2004. – 118 с. – 500 экз. – ISBN 5-901497-17-1. – Текст : непосредственный.
5. **Аппоев, А. К.** Полиаспектный анализ названий одежды в карачаево-балкарском языке / А. К. Аппоев, М. Б. Кетенчиев. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2011. – Вып. 56. – № 20 (235). – С.10–13.
6. **Арапова, Н. С.** Эвфемизмы: лингвистический энциклопедический словарь / Н. С. Арапова. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 590 с. – 3000 экз. – Текст : непосредственный.
7. **Арутюнова, Н. Д.** Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Теория метафоры: сборник статей / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 5–32.

8. **Ахманова, О. С.** Очерки по общей и русской лексикологии. Методология анализа: монография / О. С. Ахманова. – Москва: Учпедгиз, 1957. – 295 с.; 22 см. – 23 000 экз. – Текст : непосредственный.
9. **Ахматов, И. Х.** Инструкция для составления «Толкового словаря современного карачаево-балкарского языка» (в трех томах) / И. Х. Ахматов. – Нальчик, 1976. – 51 с.; 22 см. – Текст : непосредственный.
10. **Ахматов, И. Х.** Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке (основные вопросы теории): монография / И. Х. Ахматов. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 360 с.; 20 см. – 700 экз. – Текст : непосредственный.
11. **Ахматова, М.А.** Репрезентация концепта «жюрек» в карачаево-балкарском языке (на материале нартского эпоса) / М. А. Ахматова. – Текст : непосредственный // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. – № 1 (63). – С. 239–243.
12. **Ахматова, М. А.** Интертекстуальность как облигаторный признак карачаево-балкарского нартского эпоса / М. А. Ахматова, М. Б. Кетенчиев. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 2 (293). – С. 68–70.
13. **Ахматова, М. А.** Средства выражения эмоции страха в тюркских языках (на примере тувинского, карачаево-балкарского и хакасского языков) / М. А. Ахматова, А. Я. Салчак, М. Д. Чертыкова. – Текст : непосредственный // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 2. – С. 224–238.
14. **Ахматова, М. А.** Концепт «путь» как конструкт этнической языковой картины мира (на материале карачаево-балкарского нартского эпоса) / М. А. Ахматова, М. Б. Кетенчиев. – Текст : непосредственный // Вестник ВЭГУ. – 2014. – № 5 (73). – С. 79–86.
15. **Ахматова, М. А.** Функционирование пространственных послеложных имен в карачаево-балкарском нартском эпосе / М. А. Ахматова,

М. М. Текуев, А. Т. Додуева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 4 (28). – С. 142–150.

16. **Ахматова, Ф. Х.** Значения многозначного слова в словарной статье / Ф. Х. Ахматова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 8–1 (50). – С. 13–15.

17. **Ахматова, Ф. Х.** О соотношении значений многозначного слова (на материале карачаево-балкарского языка) / Ф. Х. Ахматова. – Текст : непосредственный // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Майкоп: Майкопский государственный технологический университет. – 2015. – № 1. – С. 45–49.

18. **Ахматова, Ф. Х.** Разграничение значений слова и его оттенков / Ф. Х. Ахматова. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 3 (52). – С. 288–290.

19. **Ахматова, Ф. Х.** Лексико-семантические особенности многозначных слов в карачаево-балкарском языке / Ф. Х. Ахматова. – Текст : непосредственный // Мир Науки, Культуры, Образования. – 2024. – № 4 (107). – С. 371–373.

20. **Ахматова, Ф. Х.** Многозначные слова и их значения в карачаево-балкарском языке / Ф. Х. Ахматова. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-387-396. – Текст : электронный // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 387–396. – URL: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2024-3> (дата обращения 2.10.2024)

21. **Ахмеров, К. З.** Краткий очерк грамматики башкирского языка. / К. З. Ахмеров. – Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 59 с.; 21 см. – 10 000 экз. – Текст : непосредственный.

22. **Биджиева, С. Р.** Многозначность имен существительных в карачаево-балкарском языке и ее лексикографическая разработка: специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (тюркские языки)»: автореферат на

соискание ученой степени кандидата филологических наук / Биджиева Сульфруз Рашидовна. – Нальчик, 2001. – 22 с. – Место защиты: Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. – Текст : непосредственный.

23. **Биджиева, С. Р.** Метонимический перенос названий как способ образования переносных значений слов в карачаево-балкарском языке / С. Р. Биджиева. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 1 (62). – С. 306–307.

24. **Бичекуева, Т.Ю.** Парадигма императива в карачаево-балкарском языке: монография / Т. Ю. Бичекуева, М. Б. Кетенчиев. – Нальчик: Книга, 2014. – 156 с. – Текст : непосредственный.

25. **Бозиев, А. Ю.** Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке: монография / А. Ю. Бозиев. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1965. – 154 с.; 22 см. – 500 экз. – Текст : непосредственный.

26. **Будагов, Р. А.** Многозначность слова / Р. А. Будагов. – Текст : непосредственный // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1958. – № 1. – С. 14–71.

27. **Булатова, А. К.** Полисемия в современном татарском литературном языке: монография / А. К. Булатова. – Казань: ИЯЛИ, 2018. – 106 с.; 20 см. – 200 экз. – ISBN 978-5-93091-267-8. – Текст : непосредственный.

28. **Вейнрейх, У.** О семантической структуре языка / У. Вейнрейх. – Текст : непосредственный // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. – Москва: Прогресс, 1970. – С. 65–89.

29. **Виноградов, В. В.** Основные типы лексического значения слова / В. В. Виноградов. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3–20.

30. **Виноградов, В. В.** Русский язык. Грамматическое учение о слове: монография / В. В. Виноградов. – Москва, Ленинград: Гос. учеб. – пед. изд-во, 1947. – 783 с.; 23 см. – 27 000 экз. – Текст : непосредственный.

31. **Виноградов, В. В.** Лексикология и лексикография: избранные труды / В. В. Виноградов. – Москва: Наука, 1977. – 312 с.; 24 см. – 8400 экз. – Текст : непосредственный.
32. **Винокур, Г. О.** Заметки по русскому словообразованию / Г. О. Винокур. – Текст : непосредственный // Известия ОЛЯ АН СССР. – 1959. Т. 5. – С. 416–434.
33. **Гак, В. Г.** Лексическое значение слова: лингвистический энциклопедический словарь / В. Г. Гак. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.; 27 см. – 150000 экз. – ISBN 5-85270-031-2. – Текст : непосредственный.
34. **Ганиев, Ф. А.** Конверсия в татарском языке: монография / Ф. А. Ганиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. – 109 с.; 20 см. – 500 экз. – Текст : непосредственный.
35. **Ганиев, Ф. А.** Образование сложных слов в татарском языке: монография / Ф. А. Ганиев. – Москва: Наука, 1982. – 149 с.; 22 см. – Текст : непосредственный.
36. **Гинзбург, Р. С.** Несколько замечаний о фразеологическом и словообразовательном значении / Р. С. Гинзбург. – Текст : непосредственный // Вопросы романо-германской филологии. – 1975. – С. 184–185.
37. **Говердовский, В. И.** Диалектика коннотации и денотации (взаимодействие эмоционального и рационального в лексике) / В. И. Говердовский. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1985. – № 2. – С. 68–77.
38. **Грамматика киргизского литературного языка. Фонетика и морфология:** Ч. 1: учебное пособие / отв. ред. О. В. Захарова. – Фрунзе: Илим, 1987. – 402 с.; 22 см. – 1500 экз. – Текст : непосредственный.
39. **Грамматика ногайского языка. Фонетика и морфология:** Ч. 1: учебное пособие / под ред. проф. Н. А. Баскакова. – Черкесск: Карачаево-черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1973. – 320 с.; 21 см. – 800 экз. – Текст : непосредственный.

40. **Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис:** монография / под общ. ред. проф. Н. А. Баскакова. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 571 с. – Текст : непосредственный.

41. **Грамматика современного башкирского литературного языка:** монография / отв. ред. А. А. Юлдашев. – Москва: Наука, 1981. – 495 с.; 26 см. – Текст : непосредственный.

42. **Грамматика современного русского литературного языка:** монография / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва: Наука, 1970. – 767 с.: табл.; 27 см. – 35 000 экз. – Текст : непосредственный.

43. **Гузеев, Ж. М.** Проблематика словника толковых словарей тюркских языков: монография / Ж. М. Гузеев. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 158 с.; 21 см. – 1000 экз. – Текст : непосредственный.

44. **Гузеев, Ж. М.** Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков: монография / Ж. М. Гузеев. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 194 с.; 20 см. – 1000 экз. – Текст : непосредственный.

45. **Гузеев, Ж. М.** Проблемы полисемии и омонимии в карачаево-балкарском языке: учебное пособие / Ж. М. Гузеев. – Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. ун-т, 2007. – 90 с.; 21 см. – 500 экз. – ISBN 5-7558-0385-4. – Текст : непосредственный.

46. **Гузеев, Ж. М.** О причинах и степени лексикализации деепричастий (на материале карачаево-балкарского языка) / Ж. М. Гузеев. – Текст : непосредственный // Словообразование в тюркских языках: исследования и проблемы: материалы Международной тюркологической конференции, посвященной 80-летию Фуата Ганиева, Казань, 20–21 сентября 2010 г. – Казань : ИЯЛИ им. Г. И. Ибрагимова АН РТ, 2011. – С. 200–203.

47. **Гузеев, Ж. М.** О сигнификативном компоненте значения слова (на материале карачаево-балкарского языка) / Ж. М. Гузеев, Ф. Х. Ахматова. – Текст : непосредственный // Известия Кабардино-Балкарского науч. центра РАН. – 2012. – № 6–1 (50). – С. 155–158.

48. **Дмитриев, Н. К.** Грамматика башкирского языка: монография / Н. К. Дмитриев. – Москва, Ленинград: Издательство АН СССР, 1948. – 276 с.; 27 см. – 1500 экз. – Текст : непосредственный.

49. **Докулил, М. К.** К вопросу о морфологической категории / М. К. Докулил. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1967. – № 6. – С. 3-15.

50. **Додуева, А. Т.** Категория пространственности и ее репрезентация в карачаево-балкарском языке: специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (тюркские языки)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Додуева Аминат Таубиевна. – Нальчик, 2008. – 41 с. – Библиогр.: с. 37–44. – Место защиты: Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. – Текст : непосредственный.

51. **Донидзе, Г. И.** Послелогои / Г. И. Донидзе. – Текст : непосредственный // Грамматика хакасского языка. – Москва: Наука, 1975. – С. 253-269.

52. **Дудников, А. В.** Современный русский язык: учебное пособие / А. В. Дудников. – Москва: Высшая школа, 1990. – 424 с.; 22 см. – 40 000 экз. – ISBN 5-06-000778-2. – Текст : непосредственный.

53. **Ельмслев, Л.** Прологомены в теории языка / Л. Ельмслев. – Текст : непосредственный // Новое в лингвистике. Вып. 1. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 293–319.

54. **Задорожный, М. И.** О границах полисемии и омонимии / М. И. Задорожный. – Москва: Издательство Московского гос. ун-та, 1971. – 71 с.; 21 см. – 1000 экз. – Текст : непосредственный.

55. **Зализняк, А. А.** Многозначность в языке и способы ее представления: монография / А. А. Зализняк. – Москва: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.; 24 см. – 1200 экз. – ISBN 5-9551-0114-4. – Текст : непосредственный.

56. **Замалетдинов, Р. Р.** Тел һәм мәдәният: татар лингвокультурологиясе нигезләре / Р. Р. Замалетдинов. – Казан: Магариф, 2006. – 143 б. – Текст : непосредственный.

57. **Звегинцев, В. А.** Семасиология: монография / В. А. Звегинцев. – Москва: Издательство Московского ун-та, 1957. – 324 с. – Текст : непосредственный.

58. **Зверев, А. Д.** Лексическое и словообразовательное значение / А. Д. Зверев. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы лексикологии : тезисы докладов и сообщений Всесоюзной науч. конференции, 17–20 июня 1970 г. – Минск : Издательство Белорусского гос. ун-та, 1970. – С. 19–33.

59. **Земская, Е. А.** Членимость и производность слова / Е. А. Земская. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы русского словообразования. Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института им. Низами. – 1975. – С. 112–117.

60. **Зенков, Г. С.** Вопросы теории словообразования: монография / Г. С. Зенков. – Фрунзе, 1969. – 165 с.: черт.; 21 см. – 1000 экз. – Текст : непосредственный.

61. **Инструкция для составления толкового словаря современного татарского языка (на татар. яз.).** – Казань, 1964. – Текст : непосредственный.

62. **Исламов, М.** Местоимения в тюркских языках (материалы по основным диалектам азерб. яз.): монография / М. Исламов. – Баку: Элм, 1986. – 201 с.; 19 см. – Текст : непосредственный.

63. **Калинин, А. В.** Лексика русского языка: учебное пособие / А. В. Калинин. – Москва: Издательство Московского ун-та, 1978. – 232 с.; 21 см. – 40 000 экз. – Текст : непосредственный.

64. **Карабаев, М. И.** Лексико-синтаксическое словообразование в башкирском языке / М. И. Карабаев. – Текст : непосредственный // Словообразование в тюркских языках: исследования и проблемы: материалы Международной тюркологической конференции, посвященной 80-летию Фуата Ганиева, Казань, 20–21 сентября 2010 г. – Казань : ИЯЛИ им. Г. И. Ибрагимова АН РТ, 2011. – С. 267–273.

65. **Карашук, П. М.** Производное слово в лексико-семантической системе английского языка: специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Каращук Павел Михайлович. – Москва, 1974. – 37 с. – Место защиты: Ин-т языкознания АН СССР. – Текст : непосредственный.

66. **Кацнельсон, С. Д.** Содержание слова, значение и обозначение: монография / С. Д. Кацнельсон. – Москва, Ленинград: Наука, 1965. – 109 с.; 20 см. – Текст : непосредственный.

67. **Кацнельсон, С. Д.** Типология языка и речевое мышление: монография / С. Д. Кацнельсон. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1972. – 216 с.; 22 см. – 4400 экз. – Текст : непосредственный.

68. **Кетенчиев, М. Б.** Формально-семантические модели именного предложения в современном карачаево-балкарском языке: специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (тюркские языки)»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кетенчиев Мусса Бахаутдинович. – Нальчик, 1992. – 141 с. – Текст : непосредственный.

69. **Кетенчиев, М. Б.** Вербализация деятельности в карачаево-балкарском языке / М. Б. Кетенчиев. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – № 12. – С. 311–315.

70. **Кетенчиев, М. Б.** Парадигма утвердительного/отрицательного простого предложения в карачаево - балкарском языке / М. Б. Кетенчиев. – Текст : непосредственный // Вестник ВЭГУ. – 2013. – № 4. – С. 123–127.

71. **Кетенчиев, М. Б.** Парадигмы простого предложения по синтаксическим наклонениям в карачаево-балкарском языке / М. Б. Кетенчиев. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. – № 16. – С. 392–396.

72. **Кетенчиев, М. Б.** Этнокультурная составляющая зоолексемы «лошадь» в карачаево-балкарском языке / М. Б. Кетенчиев, А. К. Аппоев. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2011. – № 2. – С. 106–109.

73. **Кетенчиев, М. Б.** Парадигма отрицания в карачаево-балкарском языке: монография / М. Б. Кетенчиев, Ф. И. Тохаева. – Карачаевск: Издательство Карачаево-Черкесского гос. ун-та им. У. Д. Алиева, 2013. –

157 с.: табл.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-8307-0264-5. – Текст : непосредственный.

74. **Кибиров, Ш. В.** Некоторые вопросы составления толковых словарей тюркских языков / Ш. В. Кибиров. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы советского уйгуроведения: материалы I республиканской уйгуроведческой конференции, 29–31 мая 1979 г. – Алма-Ата : Наука, 1983. – С. 733–739.

75. **Кидирниязова, М. И.** Полисемия в ногайском языке : специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (тюркские языки)»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кидирниязова Меску Идрисовна. – Махачкала, 2003. – 137 с. – Текст : непосредственный.

76. **Киселева, Л. А.** О некоторых типах лексических значений слова / Л. А. Киселева. – Текст : непосредственный // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 324. Труды по русскому языку. – Москва, 1969. – С. 260–275.

77. **Корольков, В. И.** Семасиологическая структура метафоры / В. И. Корольков. – Текст : непосредственный // Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза. – Москва, 1968. – Т. 41. – С. 49–72.

78. **Котелова, Н. З.** Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании) / Н. З. Котелова. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1975. – 164 с.; 21 см. – 6400 экз. – Текст : непосредственный.

79. **Кубрякова, Е. С.** Основы морфологического анализа (на материале герм. яз.): монография / Е. С. Кубрякова. – Москва: Наука, 1974. – 318 с. – Текст : непосредственный.

80. **Кубрякова, Е. С.** Типы языковых значений: семантика производного слова: монография / Е. С. Кубрякова. – Москва: Наука, 1981. – 200 с.; 21 см. – 4500 экз. – Текст : непосредственный.

81. **Кузнецова, Э. В.** О статусе слова / Э. В. Кузнецова. – Текст : непосредственный // Исследования по семантике. – Уфа, 1983. – С. 27–41.
82. **Курилович, Е. Р.** Заметки о значении слов / Е. Р. Курилович. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1955. – № 3. – С. 73–82.
83. **Курилович, Е. Р.** Очерки по лингвистике / Е. Р. Курилович. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1962. – 456 с.; 21 см. – Текст : непосредственный.
84. **Леонтьев, А. А.** Табу: лингвистический энциклопедический словарь / А. А. Леонтьев. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 501 с.; 27 см. – 150 000 экз. – ISBN 5-85270-031-2. – Текст : непосредственный.
85. **Литвин, Ф. А.** Многозначность слова в языке и речи: учебное пособие / Ф. А. Литвин. – Москва: Высшая школа, 1984. – 119 с.; 22 см. – Текст : непосредственный.
86. **Лопатин, В. В.** Грамматическое значение: лингвистический энциклопедический словарь / В. В. Лопатин. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 116–117.; 27 см. – 3000 экз. – ISBN 5-85270-031-2. – Текст : непосредственный.
87. **Максимов, В. И.** Пути формирования словообразовательного значения у производных суффиксов / В. И. Максимов. – Текст : непосредственный // Проблемы общей и романо-германской семасиологии. - Владимир, 1973. – С. 106–115.
88. **Малаховский, Л. В.** Анализ типичных ошибок в разграничении значений слова в Большом Оксфордском словаре / Л. В. Малаховский. – Текст : непосредственный // Ученые записки факультета иностранных языков ЛГПИ им. А. И. Герцена. – 1956. – Т. 21. – С. 137–148.
89. **Малкондуева, А. З.** Многозначность глаголов в современном карачаево-балкарском языке: специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (тюркские языки)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Малкондуева Абидат Зулкарнеевна. – Нальчик, 1970. – 19 с. – Текст : непосредственный.

90. **Мамаева, Дж. М.** Местоимения в кумыкском и русском языках: функционально-семантический аспект: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мамаева Дженнет Магомедовна. – Махачкала, 2013. – 26 с. – Место защиты: Дагестан. гос. пед. ун-т. – Текст : непосредственный.

91. **Манучарян, Р. С.** [рец. на кн.] И. С. Улуханов. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / Р. С. Манучарян. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1979. – № 2. – С. 147–156.

92. **Метхиева, Т. М.** Полисемия имен существительных в современном азербайджанском языке: специальность 10.02.06 «Тюркские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Метхиева Тахмина Мехти кызы. – Баку, 1984. – 139 с. – Текст : непосредственный.

93. **Мигирин, В. Н.** Верен ли постулат о существовании лексического и грамматического значения и какова его конструктивная ценность в грамматике / В. Н. Мигирин. – Текст : непосредственный // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях: доклады симпозиума, май 1979 г., Кишинев: Штиинца, 1982. – С. 22–30.

94. **Мусаев, К. М.** Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология: монография / К. М. Мусаев. – Москва: Наука, 1964. – 344 с.; 22 см. – Текст : непосредственный.

95. **Мусуков, Б. А.** Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций в тюркских языках: монография / Б. А. Мусуков. – Нальчик: Принт Центр, Полиграфсервис и Т, 2016. – 376 с.; 22 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9368-1004-6. – Текст : непосредственный.

96. **Мусуков, Б. А.** Формально-семантическая парадигма колоративной лексики в тюркских языках: монография / Б. А. Мусуков. – Нальчик: Binding 2016, 2023. – 163 с. 22 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-6051-0031-7. – Текст : непосредственный.

97. **Мухамеджанов, Ш.** Переносные значения слов в современном казахском языке: специальность 10.02.06 «Тюркские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мухамеджанов Шаужан. – Алма-Ата, 1968. – 23 с. – Место защиты: Институт языкознания АН Каз. ССР – Текст : непосредственный.

98. **Назаров, А.** Полисемия в туркменском языке: специальность 10.02.06 «Тюркские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Назаров Аннамырат. – Ашхабад, 1974. – 24 с. – Место защиты: Институт языка и литературы им. Махтумкули АН ТССР – Текст : непосредственный.

99. **Николина, Н. А.** Словообразование (дериватология) / Н. А. Николина. – Текст : непосредственный // Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: в 2 ч. Ч. I.: учебник для студентов вузов / Н. А. Николина. – Москва: Academia, 2001. – С. 487–532.

100. **Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология:** учебник для студентов-иностранцев / Л. А. Новиков, В. В. Иванов, Е. И. Кедайтене, А. Н. Тихонов. – Москва: Русский язык, 1987. – 162 с.; 22 см. – 11960 экз. – Текст : непосредственный.

101. **Нугуманова, А. А.** Метафоры в татарском языке: лексико-грамматический и стилистический аспекты: специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (тюркские языки)»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Нугуманова Альмира Афтаховна. – Казань, 2009. – 171 с. – Текст : непосредственный.

102. **Ольховская, А. И.** Лексическая многозначность в аспекте словарной лексикологии / А. И. Ольховская. – Текст : непосредственный // *Lingua mobilis*: научный журнал. – 2011. – № 1 (27). – С. 74–91.

103. **Омарова, Ю. М.** Структурно-семантическая и функциональная характеристика вопросительных предложений в кумыкском языке: специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (тюркские языки)»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических

наук / Омарова Юлдуз Магомедовна. – Махачкала, 2009. – Текст : непосредственный.

104. **Онхайзер, И.** О задачах сопоставительного изучения словообразования / И. Онхайзер. – Текст : непосредственный // Словообразование и фразообразование: тезисы докладов научной конференции. – Москва: МГПИИЯ, 1979. – С. 54–67.

105. **Отаров, И. М.** Лексикология карачаево-балкарского языка: монография / И. М. Отаров. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 221 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 5-7680-1063-7. – Текст : непосредственный.

106. **Петров, В. В.** Структуры значения. Логический анализ: монография / В. В. Петров. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1979. – 142 с.; 20 см. – 2580 экз. – Текст : непосредственный.

107. **Прохорова, В. Н.** Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке: лекции по спецкурсу для студентов-заочников гос. ун-тов / В. Н. Прохорова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Науч.-метод. каб. по заоч. и веч. обучению. – Москва: Издательство Моск. гос. ун-та, 1980. – 88 с.; 21 см. – 3200 экз. – Текст : непосредственный.

108. **Пшуков, Х. Х.** Полисемия и омонимия в кабардино-черкесском языке: монография / Х. Х. Пшуков; под ред. А. К. Шагирова. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 87 с.; 21 см. – 700 экз. – Текст : непосредственный.

109. **Реформатский, А. А.** Введение в языковедение: учебник для филологических факультетов педагогических институтов / А. А. Реформатский. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва: Просвещение, 1967. – 542 с.; 22 см. – Текст : непосредственный.

110. **Руководство для составления «Толкового словаря башкирского языка»** (на башкир. яз.). – Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1966. – 387 с. – Текст : непосредственный.

111. **Саляхова, З. И.** Функционально-семантическая категория залоговости в башкирском языке: специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (тюркские языки)»: автореферат диссертации на

соискание ученой степени доктора филологических наук / Салыхова Зугура Идрисовна. – Уфа, 2012. – 49 с. – Место защиты: Башкирский гос. ун-т. – Текст : непосредственный.

112. **Саньяров, Ф. Б.** Языковая репрезентация эмоциональной концептосферы / Ф. Б. Саньяров. – Текст : непосредственный // Словообразование в тюркских языках: исследования и проблемы: материалы Международной тюркологической конференции, посвященной 80-летию Фуата Ганиева, Казань, 20–21 сентября 2010 г. – Казань: ИЯЛИ им. Г. И. Ибрагимова АН РТ, 2011. – Казань, 2011. – С. 346–351.

113. **Севортян, Э. В.** Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке: опыт сравнительного исследования: монография / Э. В. Севортян. – Москва: Наука, 1966. – 436 с.; 22 см. – 1000 экз. – Текст : непосредственный.

114. **Скляревская, Г. Н.** Метафора в системе языка: монография / Г. Н. Скляревская. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 150 с.; 22 см. – 1000 экз. – ISBN 5-02-028138-7. – Текст : непосредственный.

115. **Смирницкий, А. И.** Лексическое и грамматическое в слове / А. И. Смирницкий. – Текст : непосредственный // Вопросы грамматического строя: сборник статей. – Москва: Издательство АН СССР, 1955. – С. 43–59.

116. **Соболева, П. А.** Моделирование словообразования / П. А. Соболева. – Текст : непосредственный // Проблемы структурной лингвистики. 1971: сборник статей. – Москва: Наука, 1972. – С. 165–212.

117. **Современный казахский язык. Фонетика и морфология:** учебник / Р. Амиров, М. Б. Балакаев, Г. Б. Бегалиев [и др.]. – Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1962. – 452 с.; 22 см. – 2350 экз. – Текст : непосредственный.

118. **Современный карачаево-балкарский язык:** в 2 ч. Ч. 1: монография / гл. ред. Ж. М. Гужеев. – Нальчик: Печатный двор, 2016. – 448 с.; 21 см. – 1000 экз. – ISBN 978-5-905770-80-7. – Текст : непосредственный.

119. **Современный русский язык. Фонетика, лексикология, фразеология:** Ч. 1: монография / П. П. Шуба, Л. А. Шевченко, И. К. Германович [и др.]; под ред. П. П. Шубы. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Плопресс, 1998. – 463 с.; 22 см. – 8000 экз. – ISBN 985-647-004-8. – Текст : непосредственный.

120. **Сорокин, Ю. С.** Инструкция по составлению словаря к «Мертвым душам» Н.В. Гоголя / Ю. С. Сорокин. – АН СССР, Отд-ние литературы и языка, Словарная комиссия. – Москва, 1960. – 75 с.; 20 см. – 1000 экз. – Текст : непосредственный.

121. **Сороколетов, Ф. П.** Смысловая характеристика терминов в толковых словарях / Ф. П. Сороколетов. – Текст : непосредственный // Лексикографический сборник. Вып. 5. – Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1962. – С. 125–131.

122. **Стернина, М. А.** Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. Опыт разработки интегральной теории полисемии: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Стернина Марина Абрамовна. – Воронеж, 1999. – 253 с. – Текст : непосредственный.

123. **Суфьянова, Н. Ф.** Проблема многозначности в башкирском языке и ее лексикографическая разработка: специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (тюркские языки)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Суфьянова Насима Фатиховна. – Уфа, 1993. – 19 с. – Место защиты: Башкирский гос. ун-т. – Текст : непосредственный.

124. **Тамбиева, Л. А.** Новые значения многозначных слов в карачаево-балкарском языке / Л. А. Тамбиева, Ф. Х. Ахматова. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 6 (85). – С. 488–490.

125. **Текуев, М. М.** Словообразовательная роль вспомогательных глаголов в карачаево-балкарском языке / М. М. Текуев. – Текст : непосредственный // Словообразование в тюркских языках: исследования и проблемы: материалы Международной тюркологической конференции, посвященной 80-летию Фуата

Ганиева, Казань, 20–21 сентября 2010 г. – Казань: ИЯЛИ им. Г. И. Ибрагимова АН РТ, 2011. – Казань, 2011. – С. 365–369.

126. **Туркина, Р. В.** Семантическая структура слова: учебное пособие / Р. В. Туркина. – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1977. – 178 с.; 20 см. – 500 экз. – Текст : непосредственный.

127. **Убрятова, Е. И.** Исследования по синтаксису якутского языка. Сложное предложение: в 2 кн. Кн. 1: монография / Е. И. Убрятова. – Новосибирск: Наука, 1976. – 214 с.; 26. – 2000 экз. – Текст : непосредственный.

128. **Улаков, М. З.** Парадигма именного отрицания в карачаево-балкарском языке / М. З. Улаков, М. Б. Кетенчиев. – Текст : непосредственный // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2013. – № 3 (53). – С. 160–165.

129. **Улуханов, И. С.** Словообразование / И. С. Улуханов. – Текст : непосредственный // Русская грамматика: в 2 т. Т. I. – Москва: Логос, 2012. – 600 с.

130. **Уфимцева, А. А.** Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики: монография / А. А. Уфимцева. – Москва: URSS, 2010. – 239 с.; 21 см. – 2850 экз. – ISBN 978-5-397-01165-5. – Текст : непосредственный.

131. **Фельдман, Н. И.** Окказиональные слова и лексикография / Н. Фельдман. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 64–73.

132. **Фомина, М. И.** Современный русский язык. Лексикология: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / М. И. Фомина. – Москва: Высшая школа, 1978. – 256 с.; 22 см. – Текст : непосредственный.

133. **Фомина, М. И.** Современный русский язык. Лексикология: учеб. для филол. спец. вузов / М. И. Фомина. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 1990. – 414 с.; 21 см. – ISBN 5-06-001577-7. – Текст : непосредственный.

134. **Хабичев, М. А.** Местоимение в карачаево-балкарском языке: монография / М. А. Хабичев. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1961. – 216 с.; 23 см. – Текст : непосредственный.

135. **Хаджилаев, Х.-М. И.** Послелогии и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке: монография / Х.-М. И. Хаджилаев. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1962. – 160 с.; 21 см. – 600 экз. – Текст : непосредственный.

136. **Хаджилаев, Х.-М. И.** Послелогии / Х.-М. И. Хаджилаев. – Текст : непосредственный // Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис: монография / под общей ред. проф. Н. А. Баскакова. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – С. 279–300.

137. **Харченко, В. К.** Переносные значения слова: монография / В. К. Харченко. – Воронеж: Издательство Воронежского ун-та, 1989. – 195 с.; 20 см. – 2000 экз. – ISBN 5-7455-0180-4. – Текст : непосредственный.

138. **Хидекель, С. С.** Семантические особенности основных единиц словообразовательной модели / С. С. Хидекель. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в школе. – 1977. – № 4. – С.12–19.

139. **Хуболов, С. М.** Къарачай-малкъар тилни фразеологиясы: учебное пособие / С. М. Хуболов. – Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х. М. Бербекова, 2018. – 81 с.; 20 см. – 50 экз. – Текст : непосредственный.

140. **Черданцева, Т. З.** О многозначности слова (на материале итальянского языка) / Т. З. Черданцева. – Текст : непосредственный // Слово в грамматике и словаре: сборник статей / Т. З. Черданцева. – Москва: Наука, 1984. – С. 129–133.

141. **Черкасова, Е. Т.** Опыт лингвистической интерпретации тропов (метафора) / Е. Т. Черкасова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1968. – № 2. – С. 28–38.

142. **Шаваева, Ш. А.** Зоонимическая лексика карачаево-балкарского языка: монография / Ш. А. Шаваева. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – 114 с.; 21 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-91766-034-9. – Текст : непосредственный.

143. **Шанский, Н. М.** Современный русский язык : в 3 ч. Ч. I : учеб. пособие для пед. ин-тов / Н. М. Шанский, В. В. Иванов. – Москва: Просвещение, 1981. – 224 с.; 22 см. – Текст : непосредственный.

144. **Шмелев, Д. Н.** О типах лексических значений слова / Д. Н. Шмелев. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1965. – № 3. – С. 56–64.

145. **Шмелев, Д. Н.** Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка): монография / Д. Н. Шмелев. – Москва: Наука, 1973. – 280 с. – Текст : непосредственный.

146. **Шмелев, Д. Н.** Полисемия: лингвистический энциклопедический словарь / Д. Н. Шмелев. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.; 27 см. – 150 000 экз. – ISBN 5-85270-031-2. – Текст : непосредственный.

147. **Шмелев, Д. Н.** Современный русский язык. Лексика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Д.Н. Шмелев. – Москва: Просвещение, 1977. – 336 с. – Текст : непосредственный.

148. **Щерба, Л. В.** Языковая система и речевая деятельность: сборник работ / Л. В. Щерба. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1974. – 427 с.; 22 см. – 300 экз. – Текст : непосредственный.

149. **Эбзеева, Ф. П.** Названия животных и птиц в карачаево-балкарском языке (сравнительно-историческое исследование): монография / Ф. П. Эбзеева. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – 171 с.; 21 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-911766-031-8. – Текст : непосредственный.

150. **Юлдашев, А. А.** Принципы составления тюркско-русских словарей: монография / А. А. Юлдашев. – Москва: Наука, 1972. – 416 с.; 20 см. – 1600 экз. – Текст : непосредственный.

151. **Юлдашев, А. А.** Об одном специфическом типе лексического значения / А. А. Юлдашев. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1976. – № 4. – С. 76–89.

152. **Яимова, Н. А.** Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке: специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (тюркские языки): автореферат диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук / Яимова Нина Александровна. – Москва, 1985. – 16 с. – Место защиты: Ин-т языкознания АН СССР. – Текст : непосредственный.

153. **Якобсон, Р. О.** Избранные работы / Р. О. Якобсон. – Москва: Прогресс, 1985. – 455 с.; 22 см. – 6900 экз. – Текст : непосредственный

Список использованных словарей

154. **Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti: dörd cilddə. I cild.** – Bakı: «Şərq-Qərb», 2006. – 744 s. – Текст : непосредственный.

155. **Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti: dörd cilddə. II cild.** – Bakı: «Şərq-Qərb», 2006. – 792 s. – Текст : непосредственный.

156. **Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti: dörd cilddə. III cild.** – Bakı: «Şərq-Qərb», 2006. – 672 s. – Текст : непосредственный.

157. **Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti: dörd cilddə. IV cild.** – Bakı: «Şərq-Qərb», 2006. – 712 s. – Текст : непосредственный.

158. **Kurt Baldinger.** Dictionnaire onomasiologique de l'ancien occitan: DAO suppl. Supplément, Kurt Baldinger. – M. Niemeyer, 1980. – 741 p. – Текст : непосредственный.

159. **Азербайджанско-русский словарь** / под ред. А.А. Оруджева. – Баку: Издательство АН Азербайджанской ССР, 1962. – 248 с. – Текст : непосредственный.

160. **Башкирско-русский словарь** : около 22 000 слов / Сост. К.З. Ахмеров, Т.Г. Байшев, А.М. Бикмурзин [и др.]. – Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 804 с. – Текст : непосредственный.

161. **Башкорт теленең һүзлеге = Словарь башкирского языка:** в 2 т. Т. I. А-М. / И.М. Агишев, А. Г. Бишев, Г. Д. Зайнуллина [и др.]. – Москва: Русский язык, 1993. – 860 с.; 25 см. – 10 000 экз. – ISBN 5-200-01089-6. – Текст : непосредственный.

162. **Башкорт теленең һүзлеге = Словарь башкирского языка:** в 2 т. Т. II. Н-Я. / И. М. Агишев, А. Г. Бишев, Г. Д. Зайнуллина [и др.]. – Москва:

Русский язык, 1993. – 814 с.; 25 см. – 10 000 экз. – ISBN 5-200-02117-0. – Текст : непосредственный.

163. **Бектуров, Ш.** Қазақша - орысша с өздік = Казахско-русский словарь / Ш. Бектуров, А. Бектурова. – Астана: Фолиант, 2001. – 316 с.; 21 см. – 316 экз. – ISBN 5-625-00603-2. – Текст : непосредственный.

164. **Гочияева, С. А.** Къарачай-малкъар-орус сёзлюк = Карачаево-балкарско-русский словарь: около 30 000 слов / С. А. Гочияева, Х. И. Суюнчев. – Москва: Русский язык, 1989. – 830 с. – ISBN 5-200-00325-3. – Текст : непосредственный.

165. **Зиляева, Р. А.** Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. / Р. А. Зиляева, Г. Г. Абдрахманова. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1977–1981. – Текст : непосредственный.

166. **Къумукъча-орусча сёзлюк = Кумыкско-русский словарь** / под ред. З. З. Бамматова. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. – 523 с.; 30 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-91431-086-5. – Текст : непосредственный.

167. **Махмудов, Х. Х.** Қазақша-орысша сөздік = Казахско-русский словарь / Х. Х. Махмудов, Г. Г. Мусабаев. – Алма-Ата: Издательство АН Казахской ССР, 1954. – 574 с. – Текст : непосредственный.

168. **Русско-кумыкский словарь:** около 30 000 слов / под ред. З. З. Бамматова. – Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960. – 1148 с. – Текст : непосредственный.

169. **Татарско-русский словарь:** около 38 000 слов / Сост. К.С. Абдразаков, Г.С. Амиров, А.Ш. Асадуллин и др. - Москва: Советская энциклопедия, 1966. – 863 с. – Текст : непосредственный.

170. **Толковый словарь карачаево-балкарского языка:** в 3 т. Т. I. А–Ж. / гл. ред. Ж. М. Гусеев. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 1016 с.; 26 см. – 5000 экз. – ISBN 5-88195-185-9. – Текст : непосредственный.

171. **Толковый словарь карачаево-балкарского языка:** в 3 т. Т. II. З–Р. / гл. ред. Ж. М. Гусеев. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 1168 с.; 26 см. – 5000 экз. – ISBN 5-88195-513-7. – Текст : непосредственный.

172. **Толковый словарь карачаево-балкарского языка:** в 3 т. Т. III. СЯ. / гл. ред. Ж. М. Гузеев. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 1157 с.; 26 см. – 3000 экз. – ISBN 5-88195-693-1. – Текст : непосредственный.

173. **Толковый словарь тувинского языка:** в 3 т. Т. 2: К–С. / под ред. Д. А. Монгуша. – Новосибирск: Наука, 2011. – 795 с. – ISBN 978-5-02-032199-1. – Текст : непосредственный.

174. **Туркменско-русский словарь:** около 40 000 слов / под общей ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева, М. Я. Хамзаева. – Москва: Советская энциклопедия, 1968. – 832 с. – Текст : непосредственный.

175. **Толковый словарь киргизского языка:** в 2 ч. Ч. I. / гл. ред. А. Акматалиев. – Бишкек: Полиграфбумресурсы, 2019. – 799 с. – ISBN 9789967917439. – Текст : непосредственный.

176. **Толковый словарь киргизского языка:** в 2 ч. Ч. II. / гл. ред. А. Акматалиев. – Бишкек: Полиграфбумресурсы, 2019. – 799 с. – ISBN 9789967917439. – Текст : непосредственный.

177. **Толковый словарь казахского языка:** в 10 т. / под общей ред. А. И. Искакова. – Алма-Ата: Наука, 1974–1986. – Текст : непосредственный.

178. **Толковый словарь узбекского языка:** в 2 т. Т. 1. А–Р. / под ред. З. М. Магруфова. – Москва: Русский язык, 1981. – 632 с. – Текст : непосредственный.

179. **Толковый словарь узбекского языка:** в 2 т. Т. 2. С–Х. / под ред. З. М. Магруфова. – Москва: Русский язык, 1981. – 715 с. – Текст : непосредственный.

180. **Узбекско-русский словарь:** свыше 40 000 слов / под ред. С. Ф. Акабиров, З. М. Магруфова, А. Т. Ходжаханова. – Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – 839 с. – Текст : непосредственный.

181. **Юдахин, К. К.** Киргизко-русский словарь: около 40 000 слов / К. К. Юдахин – Москва: Советская энциклопедия, 1965. – 973 с. – Текст : непосредственный.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Лингвистические термины

афф. – аффикс

вин. – винительный (падеж)

вспом. – вспомогательный (глагол)

гл. – глагол

груб. – грубое (слово)

дат. – дательный (падеж)

деепр. – деепричастие

мод. сл. – модальное слово

нар. – наречие

нейтр. – нейтральное (слово)

неодобр. – неодобрительное (слово)

неоформл. – неоформленный (падеж)

осн. – основной (падеж)

пад. – падеж

послел. – послелог

пренебр. – пренебрежительное (слово)

прил. – имя прилагательное

прич. – причастие

прост. – просторечное (слово)

разг. – разговорное (слово)

род. – родительный (падеж)

сущ. – имя существительное

част. – частица

числит. – имя числительное

шутл.-ирон. – шутливо-ироническое

2. Языки, диалекты, говоры

азерб. – азербайджанский

балк. – балкарский (вариант карачаево-балкарского языка)

башкир. – башкирский

казах. – казахский

карач. – карачаевский вариант карачаево-балкарского языка

карач.-балк. – карачаево-балкарский

киргиз. – киргизский

кумык. – кумыкский

малк. гов. – малкарский говор (цокающего диалекта карачаево-балкарского языка)

татар. – татарский

узбек. – узбекский

ц.диал. – цокающий диалект карачаево-балкарского языка